
КОЛОС
ЗВЕНЬЕВОЙ
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 36 СЕНТЯБРЬ 1979

При вручении награды.

ЗВЕЗДНЫЙ ВЫМПЕЛ

В прошлом году летчики-космонавты СССР учредили Звездный вымпел имени Ю. А. Гагарина. Этим вымпелом награждаются лучшие бригады, звенья и фермы — победители соревнования полеводов, животноводов, мелиораторов и сельских строителей. Среди первых обладателей Звездного вымпела два оренбургских уборочно-тракторных комплекса, о которых и пойдет речь в этом репортаже.

Георгий РОЗОВ **Фото автора**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 36 (2721)

1 СЕНТЯБРЯ 1979

ЗВЕНО ФЕДОРА ЖЕРЕНОВА

Слава пришла к Жеренову в 1976 году. Намолотил он тогда много, очень много хлеба. Далеко оторвался от всех других комбайнеров совхоза имени С. М. Цвиллинга да и по Оренбургской области оказался среди первых. Стали его расспрашивать: как, мол, это ты исхитрился?

— Обстоятельства,— говорит,— сложились так. Работаю ночью. Бункер битком набит, а машины нет и нет. Шофер, видно, выдохся, заснул. И фарами я моргал и сигналил. По полю побегал, нашел машину, растолкал парня. А через полчаса его опять разморило. И жаль человека — весь день работал,— и зло берет. Махнул я тогда за своим «Кировцем», прицепил к нему тележку. И пошло дело почти без простоев. Насыплю десять тонн, отвезу на ток и снова молочу.

С тех пор эту жереновскую придумку называют бункером-накопителем, распространилась она не только по всему Оренбуржью, но и по другим областям. А сам Федор Николаевич стал теперь Героем Социалистического Труда.

В прошлом году опять заговорили о нем. Он возглавил уборочно-транспортный комплекс из пяти комбайнов. Звено получилось семейное. Братья Жереновы — Петр, Василий, двоюродный — Петр и зять Захар Пурдышев. Уборку начали на стареньких комбайнах СК-4 и вдруг получили новенькие «Колосы». Обрадовались, конечно, однако за баранку этой

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

ВРУЧЕНИЕ НАГРАДЫ ТОВАРИЩУ А. А. ГРОМЫКО

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручил 23 августа в Кремле члену Политбюро ЦК КПСС, министру иностранных дел СССР А. А. Громыко орден Ленина и вторую золотую медаль «Серп и Молот».

В зале при вручении были товарищи В. В. Гришин, А. П. Кириленко, М. А. Суслов, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, М. С. Горбачев, а также помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, заведующий отделом ЦК КПСС Л. М. Замятин, первый заместитель заведующего отделом ЦК КПСС К. М. Боголюбов, заместители министра иностранных дел СССР Г. М. Корниенко, В. Ф. Мальцев, И. Н. Земсков, Л. Ф. Ильичев.

При вручении награды выступил тов. Л. И. Брежнев:

— Дорогой Андрей Андреевич!

С чувством искренней радости я выполняю поручение товарищей вручить тебе сегодня высокую награду Родины — орден Ленина и вторую золотую медаль «Серп и Молот», — которой ты по праву удостоен за большие заслуги перед партией и государством и в связи с семидесятилетием со дня рождения.

70 лет — это, конечно, достойная уважения цифра. Хотя мы все хорошо знаем, да и видим сегодня, что твоя энергия, исключительная трудоспособность и, я бы сказал, боевитость в делах говорят вроде бы о каком-то другом, более молодом возрасте.

Но я хочу напомнить здесь сегодня и еще об одном немаловажном твоем юбилее. Ведь в этом году исполняется ровно 40 лет, как ты трудишься на ниве внешней политики Советского Союза. Сорок лет неустанной активной деятельности в борьбе за прочный мир, за интересы нашей Родины, за дело свободы и независимости народов.

И, наверное, нелегко назвать такую крупную внешнеполитическую акцию нашей страны за эти годы, к которой ты не был бы так или иначе причастен, в осуществление которой ты, выполняя волю партии, не внес бы вклад своим трудом и инициативой.

Твоя деятельность на ответственном посту министра иностранных дел СССР пользуется заслуженной известностью и уважением как в нашей стране, так и за ее пределами.

Все мы хорошо знаем и ценим тебя как верного сына нашей партии, много делающего для претворения в жизнь ее ленинской внешней политики, определяемой ее съездами, ее Центральным Комитетом и Политбюро ЦК.

И сегодня все мы горячо желаем тебе, наш друг и товарищ, доброго здоровья и новых больших успехов в твоей нелегкой и ответственной деятельности на благо нашей великой социалистической Родины, ее коммунистического строительства и дела всеобщего мира.

С ответным словом выступил тов. А. А. Громыко.

Товарищ А. А. Громыко, в частности, сказал:

— Еще раз большое спасибо за высокую награду, за теплые слова, сказанные в мой адрес.

Заверяю вас, что все свои силы, опыт и знания я буду и впредь отдавать служению нашей родной партии, советскому народу, делу успешного осуществления ленинской внешней политики. Для меня как коммуниста не было и нет более высокой и благородной жизненной цели.

Присутствующие сердечно поздравили товарища А. А. Громыко с высокой наградой Родины и пожелали ему долгих лет жизни и дальнейшей плодотворной деятельности на благо Коммунистической партии и Советского государства, во имя прочного мира на земле.

машины сразу не сядешь. Механизаторы ее окрестили «полуфабрикатом». Это потому, что надо «Колосы» прежде разобрать, потом собрать заново, чтобы все было поточнее, а вот тогда уже можно и на поле отправляться. Опять звено Жеренова удивило всех в совхозе. Половину уборки братья и хлеб молотили и доводили до ума заводскую продукцию, чтобы потом на своих пяти новеньких «Колосах» намолотить девяносто тысяч центнеров зерна — почти треть совхозного урожая. А всего на уборке работали 55 комбайнов.

Вскоре братья узнали, что их работу высоко оценили космонавты. За Звездным вымпелом в Москву ездили Федор, Петр и Василий. Они побывали в Звездном городке, получили награду из рук Петра Климука и сфотографировались с космонавтами на память. Когда вернулись домой, все село приходило посмотреть на вымпел, на памятные значки с профилем Гагарина, послушать рассказы Жереновых о Москве.

— Мы и в этом году собираемся всерьез бороться за почетную награду космонавтов,— говорит Федор Николаевич.— Петр Климук на встрече в Звездном городке не то всерьез, не то шутя сказал, что обладателям двух вымпелов выдадут постоянный пропуск в Звездный городок. Вот хотим выяснить: может, и вправду возможно такое счастье.

Выполнить задуманное жереновцам будет теперь непросто. У них появилось много последователей-соперников. Всерьез мечтают о вымпеле члены комсомольско-молодежного звена Сисенбая Бисикенова. В прошлом году они буквально на пятки наступали своим более опытным коллегам, за что и были награждены призом имени Ф. Н. Жеренова, есть такой приз в Соль-Илецком районе. И в этом году ученики собираются превзойти учителя.

ХАЙСАНОВЦЫ

В страду 1977 года Александр Александрович Хайсанов был среди тех комбайнеров, кто в одиночку работает. Однажды по соседству с ним на поле оказался уборочно-транспортный комплекс.

— Посмотрел я, как у них дело идет,— рассказывает Александр Александрович,— и понял: пора и мне с кем-то объединяться. Любо-дорого глядеть: простоев почти нет, ремонтная летучка всегда под рукой, учет до предела упростился, а в итоге и заработки выше. Потом, зимой уже, поговорил с директором совхоза, тот одобрил, и пошли мы с сыном Валеркой к деду, совет держать.

Дед, Никита Парфеньевич Локтев,— тесть Хайсанова, сейчас на

Поле жатвы.

Окончание см. на стр. 3.

Во время торжественного собрания.

Фото И. Зотина и В. Мастюкова (ТАСС)

60 ЛЕТ СОВЕТСКОГО КИНО

ЮБИЛЕЙ СОВЕТСКОГО КИНО

60-летию советского кино было посвящено торжественное собрание, состоявшееся 27 августа в Большом театре Союза ССР. В нем приняли участие представители трудящихся и общественных организаций столицы, деятели культуры, зарубежные кинематографисты.

В президиуме — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр культуры СССР П. Н. Демичев, секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР А. С. Баркаускас, заместитель Председателя Совета Министров СССР Т. Я. Киселев, заведующий Отделом пропаганды ЦК КПСС Е. М. Тяжельников, руководители ряда министерств, творческих союзов и организаций, мастера киноискусства.

Бурными, продолжительными аплодисментами встретили собравшиеся приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева советским кинематографистам. Приветствие огласил председатель Госкино СССР Ф. Т. Ермаш.

Теплые слова Леонида Ильича Брежнева придают празднику 60-летия советского кино особое значение, сказал оратор. Приветствие содержит партийную оценку роли кино в развитии социалистической художественной культуры, намечает пути дальнейшего движения советского кинематографа.

Председатель Госкино СССР, выступивший с докладом, охарактеризовал путь, пройденный советским киноискусством за шесть десятилетий.

От имени советских кинематографистов Ф. Т. Ермаш заверил, что работники кино и впредь будут отдавать талант и вдохновение делу партии, делу строительства коммунистического общества.

С большим воодушевлением участники торжественного собрания приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР, товарищу Л. И. Брежневу.

Начало см. на 2-й стр. обложки

пенсии, но его по-прежнему уважают в совхозе «Уральский», Первомайского района. Он старый механизатор, кавалер орденов Ленина и Октябрьской Революции. Никита Парфеньевич идею зятя поддержал. А заключалась идея в том, чтобы посадить на комбайны Валеркиных друзей-десятиклассников. Без поддержки дедушки на такой шаг, пожалуй бы, и не решились. Валеркин дед технику знает поразительно.

Сейчас, вспоминая прошлогоднюю жатву, ребята рассказывают:

— Бывало, выйдет Никита Парфеньевич ночью в поле. Стоит, комбайны слушает. «О,— говорит,— слышь, щелк-щелк. Глазок надо заменить». И под утро заменит.

Потянулись за сыновьями в хайсановское звено и отцы Валеркиных друзей, классные шоферы Андрей Роот и Василий Чигаев.

Вот так и сложился этот удивительный коллектив, который в первую же свою уборку намолотил 138 тысяч центнеров зерна и стал лучшим молодежным комплексом Оренбургской области. После того, как ребят наградили Звездным вымпелом и счастливые Володя Роот и Коля Артемьев вернулись с ним из Москвы, а дочка Хайсанова, Оля, выступила в передаче Центрального телевидения «Сельский час», к директору совхоза «Уральский» Александру Петровичу Рыжову началось настоящее паломничество. Приходили и восьмиклассники, и девятиклассники, и, конечно, будущие выпускники местной школы. Все просились к дяде Саше — так они зовут Хайсанова. Сорок три заявления подали ребята, а мест в комплексе только двенадцать. Пришлось провести нечто вроде конкурсного отбора. Прежние заслуги при этом не учитывались, и потому обладатели Звездного вымпела сдавали импровизированные экзамены наравне со всеми другими соискателями.

Сдали-то они все блестяще, но часть ребят призвали в армию, а кое-кто поступил в институты, и потому в комплексе появились новички: Наташа Носова, Юра Ильичев, Сережа Разуваев, Саша Приходько, получивший прозвище Жаботинский. Саша—самый младший среди хайсановцев. Свое место помощника комбайнера он занял по справедливости. Технику изучил прекрасно, а желание стать комбайнером и упорство, с каким он добивался этого, подкупили и взрослых и ребят. Его взяли и не жалеют об этом. Хайсанов ребятами доволен. Он немногословен, их дядя Саша. Никогда не ругает за ошибки. А они есть, конечно, и ошибки и трудности.

Вот у Ольги Хайсановой в первую же ночь уборки нынешнего года сломался комбайн.

— Испугалась я. Жутко. Вокруг ночь, ни огонька. Разревелась. Сижу, причитаю. Нет, думаю, помощником у отца лучше было. Зря взяла комбайн. Насилу успокоили меня,— смеется над своими ночными страхами Ольга.— Зря я, конечно, испугалась. Пришли ребята, быстренько исправили машину, и отработала ночь. Ничего страшного не случилось.

Вот такие они, хайсановцы, прямо со школьного порога смело ступившие во взрослую жизнь.

ЗВЕЗДНЫЙ ВЫМПЕЛ

Первый секретарь Первомайского райкома КПСС А. Н. Кольцов вручает хайсановцам памятный подарок.

СОЛИДАРНОСТЬ С НАРОДОМ АФГАНИСТАНА

Прогрессивные преобразования после Апрельской революции, проведенные в Афганистане в интересах трудового народа, натолкнулись на яростное сопротивление лишенных власти и привилегий феодалов. Именно они, а также ростовщики, монархически настроенные бывшие офицеры и чиновники, часть мусульманского духовенства составили костяк внутренней контрреволюции, которая стала в последнее время на путь открытой вооруженной борьбы против народной власти. Контрреволюция получает поддержку из-за рубежа, со стороны империалистов и китайских гегемонистов. Афганский народ дает решительный отпор контрреволюции. На его стороне — поддержка всех честных людей мира, всех сторонников социального прогресса.

В эти дни в Кабуле в торжественной обстановке открылась Международная конференция солидарности с народом Афганистана, созванная по инициативе Всемирного Совета Мира. Представители 60 стран и многих международных организаций прибыли в Кабул, чтобы заявить о своей решительной поддержке правительства и народа Афганистана в его борьбе против происков империализма и реакции, показать всему миру подлинно прогрессивный смысл происходящих в этой стране событий, разоблачить вымыслы международной реакции об Афганистане.

В президиуме во время открытия конференции.

Телефото Г. Надеждина (ТАСС)

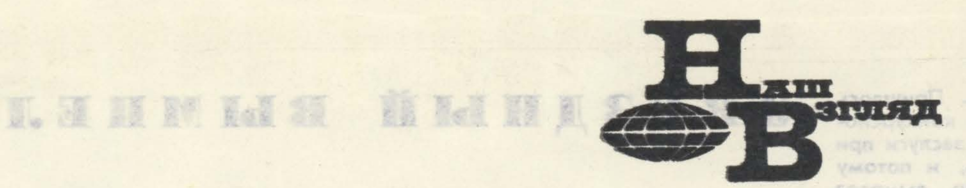
На открытии конференции было зачитано послание Генерального секретаря ЦК Народно-демократической партии Афганистана, председателя Революционного совета ДРА Н. М. Тараки, давшего высокую оценку деятельности Всемирного Совета Мира. «Героический народ Афганистана, завоевавший политическую власть в результате Апрельской революции,— отмечается в послании,— искренне поддерживает идеи мира и мирного сосуществования. Он хочет жить в мире и дружбе со всеми странами мира, включая соседей».

Перед делегатами конференции с большой речью выступил премьер-министр ДРА Хафизулла Амин.

Он подчеркнул, что принципы пролетарского интернационализма и мирного сосуществования лежат в основе внешнеполитического курса ДРА. Мы уверены в том, сказал премьер-министр, что при полном единстве усилий стран социалистического содружества, рабочего движения в промышленно развитых государствах, трудящихся других стран можно добиться блокирования любых проявлений агрессивной сущности империализма и создания условий для обеспечения всеобщего мира.

Внешняя политика ДРА, заявил премьер-министр, направлена на обеспечение братских отношений со всеми социалистическими странами, в первую очередь с Советским Союзом, революционным рабочим движением, а также дружбы с угнетенными народами, борющимися против империализма. Отметив, что Апрельская революция в Афганистане победила, максимально используя опыт Великого Октября, Х. Амин особо отметил дружественные отношения Афганистана с Советским Союзом. За прошедшие более чем 60 лет, сказал он, дружба между двумя странами поднялась на качественно новый уровень, что нашло яркое отражение в Договоре о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между СССР и ДРА.

В ходе пленарных заседаний делегаты выразили горячую поддержку народу Афганистана, ставшему на путь строительства нового общества — общества, свободного от эксплуатации человека человеком. В своих выступлениях они гневно заклеймили происки империализма и международной реакции, которые вмешиваются во внутренние дела Афганистана, пытаются помешать афганскому народу мирно строить новую жизнь.

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ ВОДОВОРОТ

Василий КОНДРАШОВ

Совет Безопасности ООН возвратился к рассмотрению вопроса о правах палестинцев. Его членам был представлен доклад специальной комиссии, подготовленный на основе результатов поездки по странам Ближнего Востока. В докладе содержатся неопровержимые факты бесчинств, которые творит Тель-Авив на захваченных им арабских землях.

Заседание Совета Безопасности открылось, несмотря на явное стремление США перенести обсуждение этого острого вопроса на более поздние сроки. Поступая таким образом, американская дипломатия действовала в унисон с Израилем. Тель-Авив всеми силами пытается уйти из-под огня критики в связи со своей разбойничьей политикой на оккупированных им арабских территориях и агрессивными действиями против арабских государств.

Наглость израильских агрессоров постоянно возрастает. Практически не проходит и дня, чтобы с юга Ливана не поступали тревожные сведения о новых налетах израильской авиации, о новых нападениях военных катеров на мирные города и села Ливана. Черным вихрем смерти обрушиваются на головы женщин, детей, стариков зажигательные и шариковые бомбы, мощные ракеты и снаряды. Израильская военщина вместе с так называемой армией «защиты юга Ливана» ведет войну на истребление мирного населения в городах Тир и Набатия и расположенных вокруг них ливанских деревнях и лагерях палестинских беженцев.

Примечательно, что в ходе своих агрессивных акций Тель-Авив не останавливается перед вооруженными провокациями и против войск ООН. Наглый агрессор бросает вызов всему миру.

Израиль в то же время, откровенно игнорируя решения ООН и грубо попирая нормы международного права, активизировал свою деятельность по аннексии захваченных им арабских территорий. К числу последних акций Тель-Авива в этом направлении принадлежит наглый захват арабских земель неподалеку от Наблуса.

Эта эскалация неразрывно связана с политикой попустительства, которую проводит в отношении Тель-Авива Вашингтон. Не случайно же американскую позицию в отношении Ближнего Востока, и в частности относительно палестинской проблемы, многие обозреватели называют «политикой кнута и пряника». «Кнут» — это Израиль, сделавший ставку на физическое уничтожение палестинцев, требующих осуществления своего законного права на создание суверенного государства. Что же касается «пряника», то под ним имеются в виду усиленно муссировавшиеся в Вашингтоне слухи о якобы наметившемся в США пересмотре политики в отношении палестинцев, слухи чуть ли не о намерении Вашингтона «вступить в контакт» с Организацией освобождения Палестины.

Все это на поверку оказалось словесной шелухой, неуклюжим маневром, целью которого, в частности, было хоть немного улучшить отношения США с арабскими нефтедобывающими странами, и в первую очередь с Саудовской Аравией.

Политический скандал, разыгравшийся вокруг отставки Эндрю Янга, постоянного представителя США при ООН, четко показал всю несостоятельность, заведомую обреченность политики «пряника». Янг встретился в доме кувейтского посла в США с постоянным наблюдателем ООП при ООН Тарази и, как сообщает печать, был немало удивлен, когда увидел в госдепартаменте через четыре дня подробный отчет о своей беседе с арабским послом.

Американский дипломат, встретившийся с Тарази, явно недооценил возможности и размах действий израильских спецслужб в США. По словам американских газет «Нью-Йорк пост» и «Атланта конститьюшн», представители этих служб выследили место встречи Янга с Тарази, записали на пленку их беседу и отослали стенограмму записи в Тель-Авив. Оттуда в Вашингтон пришла сверхсрочная депеша, информировавшая американские власти о случившемся.

Одновременно Тель-Авив и израильское лобби в США развернули поистине истерическую кампанию, обвиняя Вашингтон в том, что он, дескать, изменил свою позицию относительно ООП в ущерб Израилю. Сионистское лобби в США не в первый раз показывает зубы. Уходя в отставку, Янг, ставший, по мнению многих зарубежных обозревателей, «жертвой сионистского заговора», назвал политику США в отношении контактов с ООП «смехотворной».

Зарубежная печать с крайним скептицизмом пишет о политике США как в отношении Ближнего Востока в целом, так и в отношении самой острой его проблемы — проблемы палестинцев. «Нью-Йорк дейли ньюс» отмечает: «Соединенные Штаты ясно дали понять, что они отклонят любую резолюцию, которая будет поддерживать права палестинцев». Западногерманская газета «Франкфуртер альгемайне» пишет: «Ближневосточная политика США ныне полностью отвечает представлениям израильского премьер-министра».

И неудивительно. Политика США на Ближнем Востоке логически вытекает из пресловутых кэмп-дэвидских соглашений, которые не только не принесли мир этому району, но, напротив, серьезно обострили существующую здесь обстановку. Премьер-министр Ливана С. Хосс недвусмысленно отметил, что ответственность за трагедию ливанского народа наравне с Израилем несут и США. Именно американская военная помощь, сказал он, позволяет Тель-Авиву осуществлять непрекращающиеся агрессивные акты против Южного Ливана.

Одна из семей юга Ливана, которая осталась без крова в результате варварского обстрела израильской артиллерии.

Фото В. Ковната.

ЧЕРНЫЕ ДЕЛА ИЗРАИЛЬСКИХ АГРЕССОРОВ

«Необъявленная война» на юге Ливана продолжается. Рушатся дома, гибнут посевы на полях, матери рыдают над убитыми детьми. Израильские агрессоры, применяя тактику выжженной земли, обрушивают лавину смертоносного груза на многострадальную землю Ливана. Сотни убитых, тысячи раненых. Буквально стерты с лица земли многие населенные пункты, сожжены и заброшены поля и сады. Число беженцев на север из этих районов только за последние месяцы превысило 250 тысяч.

Десантные корабли под прикрытием вертолетов высаживают ко-

мандос на ливанское побережье, мощные артиллерийские орудия ведут беспрестанный обстрел лагерей палестинских беженцев, израильские «фантомы» с ревом проносятся над мирными ливанскими городами, сбрасывая бомбы.

Выступая перед бойцами Палестинского движения сопротивления и Национально-прогрессивных сил в восточном секторе юга Ливана, председатель Исполкома Организации освобождения Палестины Я. Арафат заявил, что последние вылазки израильской военщины являются своего рода репетицией перед началом широких военных действий в южноливанских районах.

Рассчитывая навязать арабам свою волю, Тель-Авив усиливает эскалацию военных действий на юге Ливана. Поэтому и летят бомбы, ракеты и снаряды на ливанские селения и палестинские лагеря, где гибнут женщины и дети. Поэтому израильтяне снабжают оружием и боеприпасами сепаратистов Южного Ливана, которые по их указке грабят и терроризируют ливанское население.

МАЙ БЫЛ ТАК БЛИЗОК

29 августа исполнилась 35-я годовщина со дня начала Словацкого национального восстания. Оно явилось вершиной антифашистской борьбы словацкого народа под руководством Коммунистической партии Чехословакии и началом национально-демократической революции в стране. Для оказания помощи восставшим советское командование разработало план Карпато-Дукельской операции, организовало переброску им вооружения, боеприпасов.

Вместе с повстанцами сражались около трех тысяч советских граждан. Одним из них был Петр Филиппович Колесников, которого словацкие партизаны звали «Павкой».

Станислав МАЕВСКИЙ, польский журналист, боец 1-й партизанской бригады в Словакии

«Павку» я встретил в мае 1944 года в Валчанской долине в Малой Фатре в Словакии. Колесников тогда командовал партизанским отрядом, в котором было 170 человек, в основном советских людей, бежавших из концентрационных лагерей и с принудительных работ в Германии.

«Павка» был сильный, всегда веселый и в хорошем настроении. Его все любили. Он обучал товарищей военному ремеслу и воспитывал. Авторитет он имел заслуженный: пережил ад гитлеровских лагерей, затем побег из рейха в Словакию, участвовал в операции против жандармов в марте 1944 года недалеко от Быстрички.

В отряде находились и его товарищи, с которыми он бежал из плена: грузин Николай Бугадзе и Борис Варсабин. Все трое были моряками, и это в наших глазах придавало им ореол славы.

В июле 1944 года в Словакии приземлились советские парашютисты, которые возглавили стихийно возникающие партизанские отряды. Эти отряды были подчинены командованию 1-й партизанской бригады имени генерала М. Р. Штефаника, во главе которой находился Петр Алексеевич Величко. Вместе с Колесниковым я попал в штабную разведку бригады.

Вместе мы прожили самые тяжелые времена партизанской войны в Словакии. После падения последнего бастиона восстания — Банска-Быстрицы — мы участвовали во многих боях и по приказу штаба фронта были переброшены в Высокие Татры, чтобы продолжать боевые операции по уничтожению противника.

В январе 1945 года бригада имени Штефаника получила приказ взять и удержать до прихода советских войск Липтовский Градек.

МОСТ, ВЫУЧЕННЫЙ НАИЗУСТЬ

После часового утомительного передвижения ползком по глубокому снегу мы наконец достигаем моста через реку Белую. По другую сторону заросшего лесом склона горы, которая закрывает городок Липтовский Градек, видны силуэты замка и костела неподалеку от моста. За хребтом — дремлющее село Святой Петр (сегодня Липтовский Петр). И чертов мост, который мы изучаем. Костел тогда служил казармой для венгерских солдат и роты гитлеровцев. Охрана моста — дорожная перед нами и железнодорожная за километр. Это мы уже знаем. Капитан Юрий Черногоров, опытный офицер разведки, познакомился с Липтовским Градеком давно. Мы знаем, что проход через мост не будет прогулкой.

Тихо. Плещет у опор вода. Иногда слышится немецкая речь. Там основная боевая охрана — две пушки и тяжелый пулемет. Мост по всей длине заминирован. Это значит, что гитлеровцы при отходе его взорвут. Такая же судьба ждет и железнодорожный мост.

ПРИКАЗЫ НА СЕМИ ЯЗЫКАХ

Возвращаемся на базу. В лагере на Подбанском, как в улье. Ребята проверяют оружие, получают гранаты. Начальник штаба бригады, майор Горлач, формирует ударные группы, объясняет командирам их задачи. Приказы в лагере переводятся на несколько языков: русский, польский, сербский. Свои задания обсуждают минеры, радисты. Политруки, как всегда перед боем, говорят с людьми, хотя все уже сказано в приказе командующего 4-м Украинским фронтом генерала Ивана Петрова: штурмом взять город и крепость Липтовский Градек. Овладеть двумя стратегическими точками — мостом и железной дорогой. Удержать объекты до прихода частей Советской Армии. Такую же задачу перед командованием нашей бригады поставил Центральный Комитет Коммунистической партии Словакии.

Начальник бригады, полковник Петр Алексеевич Величко, ходит вместе с комиссаром, капитаном Андреем Ляхом, среди партизан. Расспрашивают, разговаривают, шутят.

В НЕМЕЦКИХ МУНДИРАХ

Ночь с 28 на 29 января 1945 года. Основная ударная группа, которая должна прорвать гитлеровскую оборону на участке перед железнодорожным мостом, сформирована из 26 человек. Во главе ее командир партизанского отряда имени Суворова Тимофей Максимович Стадник. Он похож на легендарного героя, и его все зовут «Чапаевым».

Переодеваемся в трофейное немецкое обмундирование и превращаемся в одну из частей вермахта. Идем через села Прибылину, Ваврищово. Вскоре нас начинает «преследовать» оставшаяся часть бригады. Под покровом ночи входим в село Святой Петр. Размещаемся в домах. Говорим только по-немецки. Словаки глядят на нас косо, с плохо скрываемой ненавистью. Когда спрашиваем о партизанах, делают вид, что слышат о них в первый раз.

Светает. Земля сотрясается от сильного взрыва. Видимо, гитлеровцы взорвали полевой аэродром в Мокради. Значит, бегут! Та же судьба ждет и липтовские мосты. Только бы успеть!

Деревня просыпается от стрельбы. Партизаны! Мы, «немцы», в панике бежим, «отступая» к мосту. И вот уже бежим по нему под охрану «своих». Вальтер Кляйн, судетский чех, кричит гитлеровцам на безукоризненном немецком языке:

— Проклятая банда нас доконает! Помогите!

Мы мчимся по мосту как очумелые. Немцам на той стороне не приходит в голову, что группа бегущих солдат вермахта — это партизанский ударный отряд, что худощавый лейтенант — советский офицер-десантник Тимофей Максимович Стадник.

ПОСЛЕДНИЕ МЕТРЫ

До гитлеровской позиции всего несколько десятков метров, но нам кажется, что по меньшей мере километр. Ноги как свинцовые, во рту пересохло, пот застилает глаза. Жизнь измеряется не временем, а метрами.

Еще 40 метров... 30... 20. Я бы уже давно нажал на курок, но в приказе было сказано: ждать, пока не выстрелит Стадник. Вот он уже у баррикады, вскакивает на мешки с песком и из своего «шмайсера» расстреливает прислугу у тяжелого пулемета. Крики гитлеровцев тонут в грохоте выстрелов.

В снегу Ваня Холодный борется со здоровенным гитлеровцем. Как из-под земли вырастает «Павка»— Колесников. Спешит на помощь Холодному, которого фашист придавил и начал душить. Одним ударом кулака Колесников освобождает товарища из смертельного объятия. С другого берега отзываются наши «максимы», поддерживают штурмовую бригаду. Немцы открывают огонь из замка. И в этот момент падает на землю наш Колесников. Он сражен пулеметной очередью.

...Бои за Липтовский Градек продолжались еще два дня. Положение менялось каждый час. На исходе третьего дня удалось выбить фашистов. Оба моста были сохранены. Они были заняты частями советской 18-й армии и Чехословацкого армейского корпуса. Штаб генерала Людвика Свободы разместился в одном из домиков на окраине села Святой Петр. Генерал Свобода лично поблагодарил партизанские части, которые участвовали в боях за оба моста.

Воспоминания С. Маевского мы перепечатываем (с сокращениями) из журнала «Живот».

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

ДОНБАСС

СИЛУЭТЫ ГОРОДА

В Донецке причудливо, но гармонично перемешались приметы могучей индустрии с пейзажами и ландшафтами рукотворной природы. В черте города находится около ста шахтных терриконов, однако они нисколько не портят его вид, а вписались в силуэты города.

О Донецке, не так давно отметившем свой столетний юбилей, можно много рассказывать. О красоте его светлых улиц и площадей, о его изумительном зеленом и розовом (от слова «розы») ожерелье, пожалуй, не знающем себе равных. Впрочем, судите сами. Сейчас на улицах и площадях, в садах и скверах, на территории жилых и промышленных районов цветут более миллиона замечательных роз, многие сорта которых выведены местными селекционерами — по кусту на каждого жителя! Кстати сказать, группа архитекторов и инженеров по озеленению за ландшафтную архитектуру центральной части Донецка удостоена Государственной премии СССР за 1978 год. Донецк — это город-труженик, в котором действуют свыше 150 предприятий. Его продукция — сталь, чугун, прокат, уголь, горно-шахтное оборудование, коксохимия, продукты химии и игрушки (здесь расположена крупнейшая фабрика детских игрушек) — поставляется во все концы нашей Родины и в 60 зарубежных стран.

...По утрам над белоснежными кварталами тысячекратно вспыхивает разноцветная радуга. От Кальмиусского водохранилища тянется к пробуждающимся улицам нескончаемая цепь автомобилей-водовозов. Тугие струи скоро упадут живительной влагой на лепестки роз и листья каштанов, умоют асфальт и тротуары... И тогда жители Донецка и его гости вновь увидят свой город как в капле воды — нарядным и свежим.

М. БЕРЕЖНОЙ

На снимке: Донецк сегодня. Набережная.

Фото В. Лесного

АЗЕРБАЙДЖАН

КОВЕР В МУЗЕЕ

Трудно представить азербайджанское жилье без цветастого ковра. Пестрые и разнотонные, рожденные еще в глубокой древности и созданные в наши дни, они, словно застывшие радуги, стали и украшением быта и произведениями искусства. В них — талант народа, история его культуры.

Сколько помнит себя Азербайджан, столько и живут на его земле разные школы древнейшего народного ремесла. Бакинская и ширванская, карабахская и гянджинская, кубинская и пиребедильская — все они прославили академию ковроделия республики. Многовековая история самобытного ремесла скоро поселится в музее азербайджанского ковра и народно-прикладного искусства. Его проект создал народный архитектор СССР М. Усейнов. Символично, что это здание не совсем обычной формы поднимется вблизи знаменитого дворца Ширванских шахов, в старой части города, обнесенной зубчатой стеной крепости. В образе музея автору удалось отразить и новые формы и традиции национального зодчества. Увенчанный стеклянным куполом, расписанный майоликой и вязью азербайджанского орнамента, украшенный арочными окнами шебеке, музей оденется в белый камень.

В самом большом двухсветном зале будут выставлены ковры и ковровые изделия. В других помещениях — обширные коллекции ювелирных изделий, чеканки, керамики, вышивки, скульптуры, резьбы по камню, дереву, коже. Рядом разместятся выставочный зал, службы обработки и хранения ковров, экспериментальная лаборатория, конференц-зал, библиотека, киоск по продаже сувениров...

Г. ПОГОСОВ

На снимке: макет музея азербайджанского ковра и народно-прикладного искусства.

МОСКВА

«ВИКТОРИЯ» И ДРУГИЕ...

Реторты, колбы, позванивающие при малейшем прикосновении мензурки, изогнутые стеклянные трубочки, баллоны с газом, приборы с подрагивающими на циферблатах стрелками... И над этим оснащением современной химии, на полках — баночки и бутылочки всех сортов и размеров с развеселыми этикетками.

Мы — в лаборатории безалкогольных напитков Всесоюзного научно-исследовательского института пиво-безалкогольной промышленности. Здесь создается так необходимая не только в жаркий день шипучая и ароматная продукция — фруктовые воды, любимые детьми и взрослыми. Отсюда вышел получивший международное признание напиток «Байкал», в основе которого — настой целебных трав.

— Мы продолжаем разработку напитков на натуральном растительном сырье,— говорит заведующий лабораторией В. А. Поляков.— Это поистине живые воды. Они не только утоляют жажду, но и тонизируют, обладают биологической ценностью, благотворно влияют на организм. В составе «Олимпии» — настои травы валерианы, мяты и морской капусты, а банановая эссенция придает

КРЫМ

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ

Рука так и тянется потрогать музейный экспонат за стеклом. Но стоит изменить угол зрения, как тут же гетманская булава словно рассеивается, и остается лишь подвешенная к стенке пластинка толщиной в несколько миллиметров.

Мы на уникальной выставке голограмм исторических реликвий, которая недавно экспонировалась в Симферополе. Это один из первых опытов столь значительного применения голографии в музейном деле. Не так давно голограммы были представлены на международной выставке кинофототелетехники «Интеркамера-79» в Чехословакии. И вот теперь Крым.

Перед нами сто сорок реликвий, хранящихся в различных музеях Украины. Копии выполнены в натуральную величину. Посетители буквально потрясены удивительной их реальностью.

В переводе «голограмма» означает «полный образ». Действительно, на изображение можно смотреть сбоку, снизу — взгляд обнаруживает новые детали, которые не видно анфас. Изображение получается истинным по размеру и по объемности.

Мы видим личное боевое оружие легендарного разведчика Н. И. Кузнецова, дважды Героя Советского Союза генерал-полковника А. И. Родимцева, предметы из клада древнерусских украшений, закопанного, видимо, в период монголо-татарского нашествия.

Большой интерес представляет коллекция золотых медалей с портретами двадцати польских королей и князей. Самые удачные голограммы — это огромное позолоченное блюдо, выполненное киевским мастером Иваном Равичем, и

«Олимпии» мягкий вкус и аромат. Интересна и «Виктория» — насыщенный витаминами тонизирующий напиток из настоя маньчжурской аралии. При определенном количестве тонизирующего вещества напиток может предназначаться и спортсменам — он прекрасно восстанавливает силы. Все воды, созданные в содружестве со специалистами Всесоюзного научно-исследовательского института лекарственных растений, обладают биологическими качествами, стойкостью и ароматом.

«Солнечный», «Летний», «Салют» — у них аромат леса, тепла, свежести, а фруктовые эссенции придают им запах свежих яблок и вишни. Выявить и сохранить аромат помогает совсем новый в пивобезалкогольной промышленности продукт — молочная сыворотка. Она содержит около пятидесяти пяти процентов питательных веществ, и напитки, созданные на ее основе, отличаются повышенной пищевой ценностью. Опытная партия их уже получила одобрение.

Новинки, разработанные в лаборатории, особенно быстро осваиваются в Латвии Цесисским производственным объединением пивоваренной промышленности. Генеральный директор объединения «Цесу алус» К. Я. Томсон часто бывает в лаборатории. Он не только гость, но и соавтор технологии производства напитков. К 1980 году коллектив цеха безалкогольных напитков этого комбината приступит к выпуску «Виктории».

Олимпийское лето получит много новинок «живой воды».

К. ФЕДОРОВА

ЭСТОНИЯ

ТАКАЯ ВОТ СТАТИСТИКА

Толстый заяц вперевалку перешел дорогу, полностью проигнорировав наше присутствие, и укрылся в кустарнике.

— Зайцев у нас так много, что мы перестали считать,— сказала младший научный сотрудник Сайма Гордеева,— так же, как белок, лисиц и енотовидных собак. Лосей обитает здесь от трехсот до пятисот, да триста кабанов, да больше двухсот косуль. Волков и рысей — по двадцать, медведей — полдюжины. Птиц — сто шестьдесят видов, их пересчитали студенты Тартуского университета.

Заливы пересчитать нетрудно, их пять, озер — пятнадцать. Сосчитаны все валунные поля и даже наиболее крупные валуны; береговые валы и дюны; ледниковые равнины, террасы, мини-водопады на малых речках; многовековые дубы и старые сосны; стройные, как кипарисы, древовидные можжевельники и истинные гнезда; редкие травы с удивительными названиями вроде «лунник оживающий» и «лядвенец рогатый». Исследованы древние городища. Еще здесь находится девять бывших баронских мыз и девяносто деревень.

Это в Лахемаа, в Эстонии, на территории в 650 квадратных километров, на полпути между Нарвой и Таллином. Лахемаа — экологическая система, хорошо сохранившая свои первозданные природные черты, меньше всего изменившаяся в результате человеческой деятельности. Здесь море встречается с сушей и верховые болота соседствуют с альварами. Ну, верховые болота еще ладно, Эстония, как говорят ученые, классический край верховых болот, законченной формы их развития. А вот альвары — явление исключительное не только в Эстонии, но и во всем мире. По своему характеру они схожи со степями. Травы, растущие здесь, никак не должны бы нынче тут расти, ибо тепершнее место их обитания — степи южной Украины, Балканский полуостров и пушты Венгрии. Уже из-за соседства верховых болот с засушливыми альварами да из-за содружества в самих альварах южных трав с северными можжевеловыми полями Лахемаа достойна считаться одним из исключительных мест на земле. Так оно и стало — в 1971 году Лахемаа объявлена Национальным парком ЭССР.

В Лахемаа для тех, кто приезжает сюда, изданы красивые карты, путеводители, буклеты; построен мотель, разработаны маршруты природно-учебных троп. На нескольких озерах частично дозволена рыбная ловля. А охота запрещена категорически, и чуткие звери постепенно переселяются в безопасные сосновые боры Лахемаа.

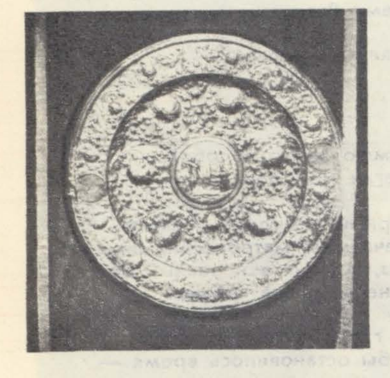
Здесь продолжается сельская жизнь, девять колхозов, не уступая другим хозяйствам Эстонии, улучшают свои поля и животноводческие фермы. Дворцы в бывших баронских поместьях, занятые теперь школами, клубами, поликлиниками, постепенно реставрируются. В мызе Пальмсе, построенной архитектором Моором в восемнадцатом веке, после реставрации откроется научный центр Национального парка. Тщательно сохраняется здесь и старинная эстонская сельская архитектура. Жизнь Лахемаа предстает всеми историческими пластами — от глубочайшей древности до наших дней.

Н. ТОЛБАСТ

Фото В. Сальмре

СОКРОВИЩ

панагии работы византийских и грузинских мастеров VIII—IX веков.

На выставке представлены и голографические имитации. Вот маска греческого божества Силена. На самом деле такой маски нет. На территории раскопок Херсонеса найдена только форма для отливки этой маски из терракоты. Голография позволяет получать такие псевдоскопические изображения.

Листаю книгу отзывов. Теплые слова благодарности организаторам выставки — научно-методическому отделу музееведения Министерства культуры Украины и отделу оптической квантовой электроники Института физики АН УССР. И тут же пожелание увидеть голограммы сокровищ Эрмитажа, других лучших музеев нашей страны и всего мира...

А. ЛЮСЫЙ

На снимке: серебряная чеканка Ивана Равича, мастера XVIII века.

Фото Л. Плешивцева

ЦЕЛИНОГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

ЦЕЛИНОГРАДСКАЯ ЖЕМЧУЖИНА

Далеко за пределами целинного совхоза «Новоникольский» идет добрая слава о фольклорном ансамбле ложкарей, которым руководит участковый инспектор милиции Иван Дмитриевич Андрухович. «Целиноградской жемчужиной» называют этот коллектив поклонники самодеятельного искусства. Ансамбль ложкарей называется «Эхо» и состоит из учащихся седьмых—десятых классов. Большая часть его репертуара — мелодии русских народных песен.

Однажды И. Д. Андрухович, большой любитель музыки, бросил в школе клич: «Прошу всех желающих научиться играть на музыкальных инструментах прийти вечером на занятия в Дом культуры!» На первую репетицию явился почти целый класс. Занятия решено было проводить ежедневно. Через пять месяцев — первый концерт. И сразу же — успех.

На одном из занятий попробовали исполнить мелодию с помощью ложек. Получилось. Начали регулярно репетировать, подготавливая номера к районному смотру. Полевые станы и животноводческие фермы, открытые площадки и сцены совхозных домов культуры стали постоянными местами выступлений самодеятельных артистов.

Юные исполнители русских народных песен неоднократно выезжали с концертами в село Сандыктав, поселки Балкашино и Айдабул. Нередкими гостями они стали и в Целинограде. В прошлом году ансамбль завоевал звание лауреата областного конкурса-смотра.

А. КИРИЛЮК,
учитель рисования
Новоникольской
средней школы

2 сентября 1945 года была провозглашена Демократическая Республика Вьетнам. С 1976 года — Социалистическая Республика Вьетнам.

НГУЕН СТРОИТ ДОМ

Л. ЯКУТИН

На последней странице обложки этого номера — фотографии, которые я сделал во время недавней поездки в Социалистическую Республику Вьетнам.

«Здравствуй, товарищ!» — были первые слова, которые я здесь услышал. Дружеская улыбка и теплое рукопожатие в ханойском аэропорту, куда нас доставил ИЛ-62. Кстати, прилет первой такой советской машины приблизил столицу республики к Москве на несколько часов: полет на ИЛ-62 занимает всего одиннадцать часов, а раньше на это требовались почти сутки.

Первые дома сельскохозяйственных кооператоров и зелень рисовых полей, небольшие водоемы у жилищ крестьян — все это справа и слева от узкой ленты дороги, к которой подступают пальмы, бананы, кактусы...

Моросит мелкий дождь. Навстречу и по ходу движения катит море велосипедистов. При въезде в Ханой их становится все больше и больше. Водитель автобуса не перестает сигналить. Только так можно пробиться сквозь велосипедный поток.

Сопровождающий нас товарищ Нгуен Фу Дат улыбается:

— Велосипед у вьетнамцев основное средство передвижения. Только в Ханое их четыреста тысяч.

Чего только не везут на велосипедах: корзины с нежно-зеленой рисовой рассадой и громадные вязанки хвороста, детишек и кур, пирамиды золотых ананасов и гирлянды затейливо сплетенных сумок. А в годы войны к багажникам были прикручены ящики со снарядами, оружием, медикаментами.

Мы помним храбрость, мужество и стойкость вьетнамских патриотов в борьбе против французских колонизаторов и американских империалистов. Вместе с вьетнамскими братьями мы радовались, когда над страной взошло солнце свободы и независимости. Весной 1975 года народ Вьетнама и его вооруженные силы одержали окончательную победу над империалистическими интервентами и их ставленниками. Страна стала полностью независимой, было восстановлено ее единство. Мирный труд вьетнамцев, строящих на своей родине социализм, был прерван вероломным нападением пекинских агрессоров в марте этого года. Героическая борьба Вьетнама против китайских экспансионистов закончилась полным поражением пекинской клики.

Я побывал в провинции Лангшон, своими глазами видел следы преступлений китайских интервентов. Город Лангшон весь в развалинах. У одного из полуразрушенных домов познакомился с молодой женщиной Нгуен Тхи Лион.

Наливая в маленькие чашечки чай, она рассказывает о своей жизни. Ее муж Нгуен Минь Хой — техник-строитель. Он возводил красивые дома, Лион работала машинисткой. Дочери — пятилетняя Нга и семилетняя Нан — посещали детский садик. В доме был достаток и уют. Семнадцатилетней девушкой услышала впервые Лион вой американских авиабомб, и вот новая беда.

— Когда напали китайцы, я ушла в далекую деревню к матери. Муж стал ополченцем...

К родному очагу Лион вернулась вскоре после того, как китайские захватчики были изгнаны.

— Муж сейчас на стройке, — продолжает она,— а я хозяйничаю. Забот много. Живем пока без крыши, наш дом был полностью разрушен. Ну, ничего, мы его восстановим. Главное, чтобы родина наша была свободной и независимой.—Она говорила с оптимизмом и уверенностью.

Превратить Вьетнам в мощное социалистическое государство, имеющее современную промышленность и сельское хозяйство, строящее счастливую жизнь для народа,— на этом сосредоточены сейчас усилия коммунистической партии, руководящей и вдохновляющей силы вьетнамского народа.

В одной деревне я видел, как крестьянин проложил первую после изгнания китайских агрессоров борозду. Погоняя буйвола, шел за плугом хозяин земли, чтобы зазеленела она ковром рисовых побегов и принесла хороший урожай. Труд на рисовых полях — это кропотливая, неустанная работа под палящим солнцем, по колено в воде. Секретарь партийной организации кооператива Суон Фыонг рассказывает:

— Трудно порой приходится с рабочими руками. Многие юноши идут на фабрики и заводы. Девушки да пожилые люди составляют костяк кооператива. Но и у них много забот не только в поле. У нас созданы отряды народного ополчения. Занятиям по военной подготовке уделяется самое пристальное внимание. Вокруг деревни мы вырыли траншеи и сейчас учимся метко стрелять. Ведь все знают, что на границе и поныне неспокойно. Но мы сумеем за себя постоять. В нашем кооперативе богатые боевые традиции. Во время американской агрессии 1200 человек ушло на фронт, из них 209 девушек. Мы растим настоящих патриотов.

На Ханойском механическом заводе, который был построен с помощью Советского Союза, мне рассказали, что предприятие это поддерживает тесные контакты с «Красным пролетарием». Много добрых слов слышал я во время поездки о работе советских специалистов, которых знают повсюду в республике. Это неудивительно: 94 объекта сооружаются при техническом содействии и с помощью Советского Союза.

Воинские части и школа, поликлиника и детский сад, завод и кооператив — всюду советских людей встречают радушием, гостеприимством, дружеской улыбкой. Я увез с собой тепло рук вьетнамских друзей и еще раз убедился, что свободолюбивый народ СРВ уверенно смотрит в будущее. Это будущее — социализм. С пути к нему Вьетнам не свернет.

Ханой — Москва.

СТИХИ ВЬЕТНАМСКИХ ПОЭТОВ

ЗЯНГ НАМ

ГОРОД ЦВЕТУЩЕГО БЫОЯ

Ты помнишь, как пахло цветами ночного быоя[1],
Когда сквозь заслоны врагов шли мы рядом с тобою,
По узенькой улочке, к темной воде, сохраняя молчанье?
Ты помнишь, как руки мои, расставаясь с твоими, кричали?!

А помнишь те песни, что в детстве нам матери пели
Про быструю речку, про ту, что влюбленных разделит?
Река разлучила. Да разве река виновата?
А нынче свела нас с тобою опять, как когда-то.

И город все тот же, как будто и не было вовсе разлуки,
И та же река, и завод, и те же знакомые звуки:
Стук ткацких станков, торопливый, как сердцебиенье,
И белых бутонов быоя ночное цветенье.

И снова весна к нам вернулась, свой круг повторяя.
Светает. С завода расходится смена ночная.
Звенят голоса и летят над просторной водою.
И волосы девушек пахнут цветами быоя.

[1] Быой — грейпфрут.

НГУЕН ДЫК МАУ

ГРАНИЦА

Хоть небо над землей для всех одно,
И в синеве летают вольно птицы,
И дождь всю землю орошает. Но
Сама земля разделена границей.

И потому в краю моем лесном,
Где тишь и небо ясно-голубое,
Вдруг слышится порой разрывов гром,
И плач, и крики ужаса и боли.

Граница — это край земли родной,
Граница мрака и граница света.
Две стороны. Когда стреляют с той —
Горят жилища мирные на этой.

На этой поднимают целину,
Возводят города и села строят.
На той людей готовят на войну,
Ведут солдат к границе строй за строем.

Через Бенхай[2] здесь восстановлен мост.
Чтоб Север с Югом смог соединиться.
С той стороны на пограничный пост
Обрушен шквал свинца. В огне граница.

Год невоенный, семьдесят седьмой.
Но на границе света и печали,
Родную землю защитив собой,
Вновь полегли мои однополчане.

И снова мирный, семьдесят восьмой!..
И вновь печаль на материнских лицах.
Уже не раз, вступив в неравный бой,
Однополчане гибли на границе.

И там, они где в землю полегли,
Как будто бы остановилось время —
И молчаливо, струйками смолы,
Скорбят о них застывшие деревья,

Пробитые осколками. Листва
Багряная кружит. И так же немо,
Красноречивее, чем все слова,
Скорбит о них, одно над всеми, небо.

И этот год — опять не мирный год.
Но ждет земля зерна порой весенней.
Нет, враг через границу не пройдет.
И люди могут строить, могут сеять.

В ущельях каменистых и в горах,
В далеких уголках родного края
Стоят бойцы с оружием в руках,
Вьетнамскую границу защищая.

Она бежит сквозь джунгли, сквозь леса
Из века в век, и, значит, сохранится
Сегодняшней границы полоса,
Что совпадает с древнею границей.

[2] Река Бенхай, по которой до победы 1975 года проходила граница между Северным и Южным Вьетнамом.

Перевел с вьетнамского Александр ЖУКОВ.

А. Эрдели. 1891—1955. ОБРУЧЕННЫЕ.

Выставка украинских художников «Навеки вместе», посвященная 325-летию воссоединения Украины с Россией.

И. Тихий. Род. 1927. АИСТЫ.

Выставка украинских художников «Навеки вместе», посвященная 325-летию воссоединения Украины с Россией.

«Дорогая Анастасия Семеновна!
В Советском Союзе и за его пределами знают Вас как замечательную русскую женщину-мать, воспитавшую двух славных патриотов социалистической Родины — Николая и Виктора Гастелло, павших смертью храбрых в боях против фашистских захватчиков».

Из письма министра обороны СССР Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского. 9.10.60 г.

ГАСТЕЛЛО ОСТАЮТСЯ В СТРОЮ

Им. ЛЕВИН

Гастелло — фамилия белорусская. Точнее, Гастылло. Именно она значилась в документах молодого батрака Франца, пришедшего в Москву на заработки из далекой деревушки Плужаны. Было это в начале века. Здесь нашел работу по душе — вагранщиком в мастерских Московско-Рязанской дороги, и девушку по сердцу — белошвейку Настю Кутузову. Одна работа, одна семья — на всю жизнь.

Старший сын, Николай, до того, как стать военным летчиком, работал слесарем на заводе имени 1 Мая. Младший, Виктор, окончив школу ФЗО, стал работать на том же заводе. Здесь же встретил Аню, станочницу. Работала рядом. Рядом оставалась и всю их недолгую совместную жизнь. Перед самой войной родился сын Левушка. Тесновато — даже по довоенным меркам — было семье Гастелло, но жили дружно, весело. До самого 22 июня сорок первого...

В день начала войны Николай Гастелло как раз находился в родительском доме. Через несколько часов он уже выступал на рабочем митинге. Военный летчик, командир эскадрильи капитан Гастелло сказал тогда: «Что бы ни ждало нас впереди, все пройдет, все выдержим. Никакой буре нас не сломить, никакой силе не сдержать!»

В тот же вечер он был в своей части. А через четыре дня в едином экипаже с А. Буденюком, Г. Скоробогатым и А. Калининым направил горящий самолет в скопление вражеских танков и автомашин...

Сохранился снимок: вся семья читает сообщение в «Правде» о бессмертном подвиге экипажа Гастелло.

Виктор еще продолжал работать на заводе, ставшем сразу оборонным. Слесарь-модельщик высшей квалификации, он был крепко-накрепко «забронирован».

— Я должен быть на фронте. Мое место там: брат за брата! — слышали от него и в дирекции и в военкомате, повсюду, где решались вопросы мобилизации. И всюду отказ.

В газете «Вечерняя Москва» 1 сентября 1941 года помещено небольшое фото — брат героя Виктор Гастелло на трудовой вахте, у станка. Он дает продукцию фронту.

Но для него то был последний месяц «гражданки». В октябре надевает шинель с двумя сержантскими треугольниками.

Он провоевал всего год. На одном участке: Калинин — Ржев. Но за этот год прошел путь от командира отделения до командира батальона. Стремительный взлет, даже с учетом внеочередных фронтовых аттестаций.

В «Правде» от 25 мая 1942 года есть небольшая заметка, озаглавленная «Брат героя». В ней говорится:

«...Среди бойцов части, которой командует товарищ Поленов, мужественно сражается сержант Гастелло, брат легендарного летчика, Героя Советского Союза. Недавно Гастелло был вручен партийный билет. Гастелло заверил парторганизацию, что он с честью оправдает звание коммуниста, беспощадно будет громить фашистских людоедов, отомстит за смерть брата, за все злодеяния гитлеровских мерзавцев...»

В той же заметке приведены строчки из письма родителей сыну-фронтовику. Они поздравляют его с высоким званием коммуниста и благословляют на ратные подвиги во имя счастья и свободы народа.

«Крепче бей фашистскую нечисть. Будь достоин своего брата-героя» — этими словами заканчивается письмо.

Не много сохранилось свидетельств.

Пожелтевшие, вырванные когда-то из школьных тетрадей, исписанные карандашом листочки — весточки с фронта. Бережно, как святыня, хранятся они поныне у жены Виктора Анны Дмитриевны...

«Лева, наверное, стал большой. Скажи ему, как разгромим фашистов, так приеду домой и куплю ему большую лошадь... Нюра, я не могу представить, что Лева стал говорить. Как мне хочется услышать от него хоть одно слово...»

«...если бы ты знала, что остается после фашистов, когда их вышибают из какого-нибудь селения: ведь от деревни не оставляют ни одного дома, ни одного сарая, все дотла сжигают, и вот когда после боя займешь деревню, то в ней одни трубы да печи, да крестьяне бегут тебе навстречу и плачут от радости...»

И вот оно, последнее письмо. На нем дата — 26 сентября 1942 года.

«...Нюра, ты пишешь, что очень хочется увидеться и поговорить, а вот если бы ты знала, как мне хочется съездить в свой родимый угол и посмотреть на всех родных и знакомых. Не знаю, настанет ли такое время, когда я увижу всех, это очень трудно предугадать, впереди много жестоких боев...»

Воспоминания однополчан. Бывший политрук роты, московский инженер Анатолий Тимофеевич Калачев: «В сентябре сорок второго Виктор Францевич Гастелло командовал батальоном 673-го полка 220-й стрелковой дивизии. Перед нами стояла задача захватить военный городок, примыкавший к аэродрому города Ржева. Навсегда сохранил я память об этом удивительном человеке. Стройный, всегда подтянутый — он являл собой пример и для бойцов и для командиров. Как-то он пришел к нам на передовые позиции. И в этот момент немцы начали атаку. Комбат хладнокровно организовал оборону, сам лег за пулемет. С большими потерями враг был отброшен. Гастелло был очень человечен. Не помню случая, чтобы он на кого-нибудь накричал, кого-то, пусть даже ненароком, обидел. Все тяготы и опасности фронтовой жизни он поровну делил со своими бойцами. Он был настоящим командиром-коммунистом...»

Николай Гастелло.

Виктор Гастелло.

Фото из семейного альбома

Бывший военный переводчик 220-й стрелковой дивизии, доктор филологических наук, профессор одного из ленинградских вузов Лия Самойловна Мерзон: «Комбат-1 Виктор Гастелло выделялся не только личной храбростью и хладнокровием. Он был обаятелен, прост, скромен и мудр. Тогда нам, девятнадцатилетним, он, двадцатидевятилетний, казался почти пожилым человеком. Но ведь тоже был молод. Зрелость пришла к нему в боях. Солдаты его любили и верили в него...»

...Он погиб ночью в бою. Это засвидетельствовала старая крестьянка Алексеева из села Дебалово. В избе ее, оказавшейся в самой близости от передовых позиций, обогревались, ели и спали гастелловские бойцы в короткие и тревожные часы отдыха.

25 лет назад, когда родные впервые узнали о месте гибели Виктора Францевича, мать, жена и сын поехали в Дебалово. И там услышали рассказ о последних днях и часах комбата, их Виктора.

Да, старая женщина прекрасно помнила подтянутого, рассудительного, всегда спокойного командира. Она помнила его не только потому, что он был старший над солдатами, которых она кормила, поила, обстирывала и перевязывала. Он был добр, заботлив и справедлив.

В избе в ту пору оставалась ребятня — то ли внучата, то ли племянники хозяйки. Им отдавал комбат свои свободные минуты и тепло души. Отцовское тепло, которое так никогда не узнал его родной Левушка.

В конце сентября на фронте стало особенно неспокойно. То тут, то там вспыхивали ожесточенные бои. Батальон Гастелло твердо держал рубеж, хотя защитников его с каждым днем становилось все меньше и меньше.

Как-то поздним вечером, собираясь на передний край, командир попросил хозяйку к утру простирнуть подворотничок. Должно было подойти пополнение, и Виктор Гастелло готовился к его встрече...

Но не понадобился чистый подворотничок. Вместо него подала Алексеева на рассвете чистую простыню, в которую солдаты завернули тело своего командира.

Хоронили его со всеми доступными в горячей обстановке воинскими почестями. А час спустя хоронили командира полка. Такие это были бои.

...Братья Гастелло сегодня в граните. Каждый там, где встретил свою смерть и бессмертие. Николай — на развилке шоссе Минск — Молодечно, Виктор — подо Ржевом, там, где тихая речка Сишка впадает в великую Волгу.

Два брата Гастелло в граните.

И два брата Гастелло — их сыновья, давно уже перешагнувшие возрастной рубеж своих отцов, продолжают службу в армии. Оба — Виктор Николаевич Гастелло и Лев Викторович — офицеры, военные инженеры, коммунисты.

Гастелло остаются в строю.

НА СЛУЖБ

4 сентября на ВДНХ начнет работу вторая Московская международная книжная выставка-ярмарка. Ее девиз — «Книга на службе мира и прогресса».

Первый заместитель председателя Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Ираклий Иосифович Чхиквишвили и секретарь правления Союза писателей СССР, член коллегии Госкомиздата СССР Сергей Венедиктович Сартаков отвечают на вопросы корреспондента «Огонька» Феликса Медведева.

* * *

— Ираклий Иосифович, вначале назовите, пожалуйста, основные цифры, характеризующие вторую Московскую книжную выставку-ярмарку.

— Выставка-ярмарка разместится на площади 25 тысяч квадратных метров. В ней примут участие более 2000 зарубежных фирм и организаций из более чем 70 стран мира. Будут представлены также международные организации—ООН, ЮНЕСКО, СЭВ, МОТ... Самая большая экспозиция — советская: 20 тысяч экспонатов. По общему объему предполагаемой деятельности вторая Московская международная книжная выставка-ярмарка значительно превзойдет первую.

— А кстати, не могли бы вы вкратце рассказать о результатах первой выставки, которая проводилась два года назад? Что она дала советскому читателю?

— У меня под руками высказывания зарубежных участников и гостей первой выставки. Вот некоторые из них. Ромеш Чандра, президент Всемирного Совета Мира: «Выставка-ярмарка в Москве является богатым вкладом в дело мира, в продолжение дела Хельсинки. Есть, к сожалению, в мире люди, выступающие за гонку вооружений. Мы же выступаем за «гонку» книгоиздания, «гонку» во имя дружбы народов», Роберт Максвелл, глава английского издательства «Пергамон Пресс»: «Участие моей фирмы в ярмарке полностью себя оправдало».

И так далее, таких высказываний много. Главный итог: расширился международный книгообмен, активизировалось культурное сотрудничество. В частности, ВААП заключил 1245 контрактов на приобретение и уступку прав на издания, в результате чего за два года в СССР вышло 500 книг зарубежных авторов. Многомиллионные контракты по закупкам зарубежных изданий и продаже советской литературы заключены В/О «Международная книга», советские и иностранные издатели договорились о выпуске многих новых переводных и совместных изданий.

— Вы не могли бы назвать некоторые из них?

— Особенно хочется отметить издания произведений Л. И. Брежнева во многих странах мира. Их общий тираж составил несколько миллионов экземпляров. Кроме того, следует назвать «Осень патриарха» Г. Маркеса, «До завтра, товарищи» португальского писателя Тиаго, «Сезон волков» французского романиста Клавеля, «Сцены из семейной жизни» шведского писателя Бергмана, книгу Куше (США) «Бермудский треугольник», произведения Сименона, Ивашкевича, Сабо, Льоса, Спарка, Зарева... Здесь хочу назвать и наши книги, вышедшие за это время за рубежом: «Разгон» П. Загребельного — в Чехословакии, «Рассказы» С. Залыгина — в Венгрии, «Стихотворения» С. Михалкова — в Польше, «Блокада» А. Чаковского — в Индии, «Ночь после выпуска» В. Тендрякова, «Прощание с Матёрой» В. Распутина — во Франции, «Пегий пес, бегущий краем моря» Ч. Айтматова — в ФРГ, «Основы общей психологии» С. Рубинштейна — в ГДР, «Активное долголетие» А. Микулина — в Болгарии.

— Будет ли чем-то отличаться нынешняя ярмарка от предыдущей?

— Да, будет. В частности, организуется специальная экспозиция, посвященная детской литературе в связи с Международным годом ребенка, а также широкий показ спортивной книги, посвященной будущей Олимпиаде-80. Предполагается дискуссия за «круглым столом» по вопросам воспитания детей и влияния литературы на формирование сознания ребенка.

Можно отметить, что такие страны, как Боливия, Малайзия, Таиланд, Филиппины, Либерия впервые принимают участие в Московской выставке, что многие фирмы и организации будут выступать едиными национальными экспозициями. Об этом заявили Испания, Италия и другие страны. Больше, чем в прошлый раз, будет представлена литература развивающихся стран, вообще национальная литература, в том числе и наша, советская. Кстати, на выставке-ярмарке будут широко представлены почти все издательства Советского Союза, включая республиканские и областные.

— Ираклий Иосифович, скажите, кто организовывает предстоящую выставку-ярмарку?

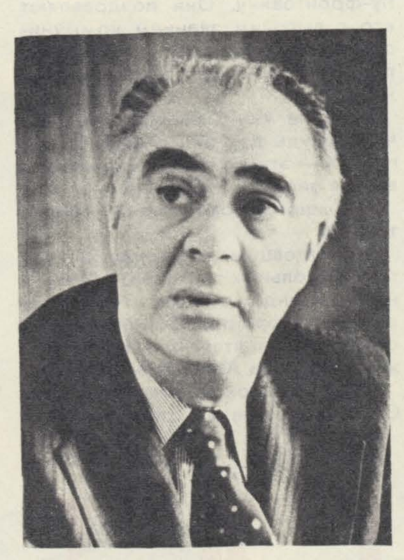
— Ее организуют Госкомиздат СССР, ВААП, Всесоюзное объединение «Международная книга». В оргкомитете ММКВЯ — представители многих государственных и общественных организаций, Министерства культуры СССР, ЦК ВЛКСМ, творческих союзов.

— Скажите, а кто отбирает на выставке книги зарубежных стран?

— Вопрос резонный; как из моря изданий выбрать то, что надо советскому читателю? Подготовка к этой работе идет задолго до начала выставки-ярмарки. Из разных стран мира мы выписываем каталоги книг, которые изучаются сотрудниками специально созданного и теперь уже постоянно действующего информационного центра, существующего при генеральной дирекции международных книжных выставок. Мы советуемся при этом с учеными, писателями, библиотекарями, специалистами разных профилей. Важно отобрать самое нужное, самое интересное.

— Чтобы потом пополнить фонды наших крупнейших библиотек?

— Не только для этого. Большая часть изданий, закупленных на ярмарке, поступает потом в книготорговую сеть — в специализированные магазины и специальные отделы крупных книжных магазинов. Достаточно сказать, что в Москве уже действует более сорока торговых точек, продающих зарубежную продукцию. Эти книги можно купить в Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Вильнюсе, Ереване, Новосибирске, Дубне, Таллине и других городах. После второй международной выставки-ярмарки количество торгующих зарубежной литературой магазинов значительно увеличится. Все это, безусловно, соответствует решениям Хельсинкского совещания.

И. И. Чхиквишвили.

— Скажите, а какие фирмы и организации на этот раз привезут свои издания в Москву?

— Всех, конечно, не перечислишь, но основные, наиболее крупные можно назвать: Ассоциации издателей Бельгии, Италии, США, Норвегии, Японии, Британский совет (Великобритания), «Танзания Паблишинг Хауз» (Танзания), Национальный центр книги и грампластинок (Ангола), Венесуэльская книжная палата, Дом эквадорской культуры...

— Кто из гостей будет присутствовать на торжествах?

— Приглашены заместитель генерального секретаря ООН Б. Левандовский, генеральный директор ЮНЕСКО А.-М. М'Боу. Приедут к нам и видные писатели, издатели, полиграфисты из многих стран мира. Добавлю, кстати, что посетителей и гостей выставки ожидает большая культурная программа — вечер в Большом театре Союза ССР, посещения музеев, выставок, памятных мест столицы и окрестностей.

— И последний вопрос, Ираклий Иосифович. Ярмарка — это очень важно, это интересно, это необходимо! А скажите, когда все-таки кончится у нас этот самый «книжный бум», то есть попросту нехватка книжной продукции, книжный голод на некоторые виды изданий? Что предпринимает Госкомиздат, чтобы его ликвидировать?

— Отвечу кратко: Госкомиздат делает все возможное, чтобы насытить книжный рынок продукцией. Мы ограничили объемы монографий, специальных изданий, постоянно перераспределяем с целью наиболее рационального использования имеющуюся в нашем распоряжении бумагу, резко увеличили выпуск детской литературы, произведений классиков в так называемой мягкой обложке, увеличили выпуск книг серии «Школьная библиотека», расширили внутри страны выпуск переводной литературы и литературы на русском языке для продажи в национальных республиках и областях. В общем, по всем показателям и прогнозам года через три-четыре мы сможем «смягчить» возникший несколько лет назад книжный голод. Одним из залогов этого явится и очередная вторая Московская международная выставка-ярмарка.

* * *

— Я нахожусь сейчас в напряженном и радостном ожидании: вот-вот начнет работу вторая Московская международная книжная выставка-ярмарка, на которой будет представлено все богатство нашей литературы. Так вот, с нетерпением думаешь: на какие же произведения советских авторов будет обращено внимание зарубежных гостей, какие книги, изданные в Советском Союзе за последние два года, увезут с собой представители книготорговых фирм более чем 70 стран мира? Ведь этот могучий книжный форум под девизом «Книга на службе мира и прогресса» как бы подводит некие итоги всей нашей книгоиздательской деятельности за последние годы...

Так началась наша беседа с секретарем правления Союза писателей СССР, членом подготовительного комитета по проведению второй Московской книжной выставки-ярмарки Сергеем Венедиктовичем Сартаковым.

— Но, Сергей Венедиктович, само слово «ярмарка» предполагает некий взаимовыгодный торговый обмен. По-видимому, вам приятно будет узнать, что не только мы сумели закупить для нашего чита-

ЕМИРА-КНИГА

теля интересные зарубежные издания, но и что, допустим, участник выставки-ярмарки Болгария приобрела право на издания книг французских авторов или Япония нашла для себя выгодным и интересным закупить права на издания произведений польской художественной литературы. И еще, понятно ваше волнение в преддверии «книжной Олимпиады», как стали уже называть предстоящую ярмарку,— ведь вы часто бываете за рубежом и, что называется, воочию наблюдаете за воздействием советской художественной литературы на читателей разных стран. Не могли бы вы поделиться этими впечатлениями?

— Да, в последние годы интерес к нашей литературе, к книгам, выпущенным на русском языке и продаваемым на Западе, все время увеличивается. Всякий раз, бывая за границей, я захожу в магазины, где продают советскую книгу, и убеждаюсь в этом. Особенно растрогал меня в прошлом году такой случай. Гуляя по улицам городка Нейбранденбурга в ГДР, я обратил внимание на толпу людей, собравшихся возле книжного магазина перед самым его открытием. Я вошел в магазин и был свидетелем того, как покупатели активно стали брать с полок книги советских и русских писателей не только на их родном немецком языке, но и на языке оригинала.

В Берлине я зашел в центральную городскую библиотеку и наугад просмотрел каталожные карточки читателей, интересующихся советской литературой. И что же: шесть из каждых десяти книг было прочитано. Мне думается, это неплохо!

В чешском городе Пльзене на встрече с молодежью я был поражен тем, что, рассказывая собравшимся о русской советской литературе на русском языке, я ощущал достаточно полное понимание аудитории. И я понял: наша советская книга пользуется здесь большим вниманием.

И в капиталистическом мире советская литература все больше пробивает себе дорогу. Это особенно чувствуется по интересу к ней в таких странах, как Португалия или Испания, совсем недавно вступивших с нами в культурные отношения. Причем я имею в виду не только литературу художественную, но и научно-техническую, общественно-политическую. Высокий интерес к советской политической книге объясняется той неустанной борьбой за мир, за укрепление дружбы между народами, за разоружение, ограничение запасов оружия, которую ведет Советский Союз. Что касается книготоргового обмена участников ярмарки, то, вне всякого сомнения, страны, чьи представители прибудут в Москву, окажутся равными партнерами, коллегами, у которых один девиз: «Книга на службе мира и прогресса».

— Сергей Венедиктович, и все-таки почему интерес к нашей книге в сегодняшнем мире особенно высок? О нем говорят и тиражи продаваемой за рубежом советской литературы, и количество фирм, увеличивающееся от выставки к выставке, и все углубляющиеся контакты Союза писателей СССР с творческими союзами и организациями других стран. Чем вы можете объяснить все это?

— Мне кажется, что западный читатель видит в советской литературе возможность ответить для себя на многие вопросы, которые он не может получить в своей литературе, перенасыщенной сенсациями, сексом, унижением человеческого достоинства, манерой творить чересчур уж «жирным пером», часто пренебрегающей святынями, которые мы бережно храним: нравственными проблемами любви, отношениями людей в семейной жизни, темами добра. И, во-вторых, к самой Советской стране обращено внимание всего человечества, как к стране, с которой связаны надежды мира. А если уж люди верят в возможность СССР повлиять на судьбу мира и прогресса, возможность предотвращения нашей страной катаклизмов и уничтожения культуры на земном шаре, то, разумеется, читателям интересно познакомиться и с литературой этой страны.

С. В. Сартаков.

— Сергей Венедиктович, вы прекрасно знаете современный литературный процесс. На ваш писательский и читательский взгляд, кого из современных советских авторов вы бы рекомендовали для перевода на другие языки, чьи произведения вы советовали бы купить на предстоящей выставке-ярмарке для распространения в других странах?

— Вопрос трудный в том смысле, что назвать три-четыре имени — значит признать, что наша литература ограничена в своих возможностях, а это совсем, совсем не так, и поэтому, когда я вижу в магазинах зарубежных стран выбор советских книг из 100—130 названий (кстати, это и результат работы 1-й Московской международной выставки-ярмарки), то я чувствую себя удовлетворенным. Есть что выбрать по вкусу западному читателю. Естественно, здесь представлены все поколения наших художников слова: от Шолохова и Леонова до самых молодых, появившихся совсем недавно.

— Кстати, о молодых. В нашей стране писательской смене уделяется огромное внимание. Скажите, как будет представлена молодая поросль на выставке-ярмарке?

— В отдельной экспозиции Союза писателей СССР будет рассказано о прошедшем в этом году VII Всесоюзном совещании молодых писателей, названы имена литераторов, обративших на себя внимание мастеров слова — руководителей творческих семинаров. Будут также представлены и книги начинающих. Некоторые из них примут активное участие в дискуссиях и встречах «книжной Олимпиады».

— Сергей Венедиктович, вы являетесь членом коллегии Госкомиздата СССР, то есть прямым образом причастны к самому рождению книги. Не могли бы вы в преддверии широчайшего торжества ее поразмышлять на тему «Писатель — книга — читатель»? Ведь это очень важно — знать, как рождается книга, которой, быть может, суждено стать орудием в борьбе за мир и прогресс на земле, стать предметом внимания книгораспространителей многих стран мира.

— Это длительный разговор. Ведь современная советская литература — очень сложный организм. Постоянное, все более ускоряющееся движение художественной мысли, органически связанной с созидательной деятельностью советского народа, живая душа всего литературного процесса. Партия дала художнику наших дней право разговаривать с современником во всю мощь своего голоса, своего дарования, единство художника и читателя становится все более нерасторжимым. Передовой писатель наших дней обретает право не просто судить мир, людей и нравы, «допрашивать» жизнь, а непосредственно участвовать в преображении мира. Вот почему советская художественная книга — это сражающаяся книга. Она никогда не знала и не знает социального и нравственного безразличия, нейтрализма и пессимизма. Среди потока модернистской антилитературы, проникнутой пафосом дегуманизации, она постоянно подтверждает тот непреложный факт, что интеллектуальная мощь художественного слова в нашей стране всецело поставлена на службу народа, на службу дела мира и социального прогресса.

Да, художественное слово — это частица нашего реального мира, в чем-то уменьшенная, ограниченная, но несущая тот же свет, ту же радость исторического творчества, что и большой мир советской действительности. Художественное слово, звучащее в нашей стране на многих языках,— это историческая память народа. И порой никакая статистика не способна полнее сказать о всех победах нашего народа, чем яркий художественный образ.

Если мечта не дерзкая — грош ей цена... Но иногда, соизмеряя наши мечты с достижениями, мы остаемся все же неудовлетворенными, сетуя, что до идеальной высоты еще далеко. Книг у нас выходит много, но воюют, как известно, не числом, а умением. В нашем деле категория качества играет важную и сложную роль, практически не восполнимую никаким количественным приумножением тех или иных видов посредственной продукции. Я не говорю уже о литературном браке. А вкусы возросшей читательской аудитории в нашей стране и за рубежом стали неким критерием оценки работы писателей и издателей. Судьба книги в наши дни, книги, идущей, кроме того, на международный рынок, к миллионам читателей за рубежом,— это не стихийное ее шествие к среднеарифметическому читателю. Вот почему в судьбу книги вносят коррективы и сами читатели. Они верят в писательскую способность говорить и думать о самом главном в нашей жизни. Никакими усилиями, идущими от издательства и критики, ни пышным оформлением, ни дразнящей рекламой псевдодискуссий не обеспечишь длительное действие мертворожденной, не прошедшей через сердце создателя книги. В наши дни само творчество — это не сфера поисков «частных» истин, удобных для душевного самоустройства одиночек. Эпоха, читатель не прощают безответственности, легкомысленности откровений, мелких «дерзаний», необязательных и даже разорительных по явной своей пустоте шумных словесных экспериментов, напоминающих пальбу холостыми патронами. Далеко ли пойдет будущая книга, какой будет ее сила воздействия, однодневка ли она, способная сделать по времени лишь два-три шага, или это книга, которая целые десятилетия будет нести свою «воспитательную вахту»,— все зависит во многом от формирования художника, от многообразия его жизненных впечатлений, связей с современностью. Талант, создающий книгу,— это ценность, окупленная трудовым, ратным, всем нравственным опытом народа. Талант «вручается» его обладателю под своего рода моральную расписку. И наше писательское и читательское призвание, наш всеобщий долг — не позволить разбазарить его, не обречь на пустое цветение. Писать всей жизнью... Гореть самой пламенной любовью к человеку — творцу новой социалистической действительности. Таким должен быть, по-моему, современный художник — центральная фигура всего литературно-издательского процесса.

Особое внимание обратить на совершенствование деятельности вновь созданных университетов.

Из постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии высшей школы и повышении качества подготовки специалистов»

Сыктывкарский университет.

НА БЕРЕГУ ВЫЧЕГДЫ

Проректор Сыктывкарского государственного университета, заслуженный деятель науки Коми АССР Б. Я. БРАЧ отвечает на вопросы корреспондента «Огонька» Ванды БЕЛЕЦКОЙ

— Борис Янович, ваш университет — один из самых молодых в стране, однако итог его деятельности — уже более тысячи специалистов, активно включившихся в промышленное и культурное освоение Севера страны. Как удалось вам в столь короткие сроки наладить преподавание?

— Нашему университету повезло. В год его создания было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему совершенствованию высшего образования в стране». Оно стало для нас программой. И вот новое руководство к действию.

Университет наш особенный. И не только потому, что молод. В силу обстоятельств он должен быть, по существу, средоточием всей учебно-методической, научной, политико-воспитательной работы, культурной жизни огромного региона.

Первая трудность — кадры преподавателей. Конечно, ученые, работающие в трех институтах Коми филиала Академии наук, оказали и продолжают оказывать университету действенную помощь. В частности, лекции читает председатель филиала доктор экономических наук Владислав Павлович Подоплелов. Ректор Валентина Александровна Витязева тоже уроженка этих мест. Доктор географических наук, глубокий и целеустремленный ученый, она оказалась и талантливым организатором. Кстати, Сыктывкарский университет и в этом особенный — его возглавляет единственная в стране женщина-ректор.

Наш университет в полном смысле слова — детище Ленинградского. Я это говорю с чувством огромной благодарности и в то же время гордости. Ведь сам я — ленинградец. Окончил там университет и до создания Сыктывкарского работал в Ленинградском, ставшем теперь нашим шефом.

Сначала некоторые лекции читали в Сыктывкаре ленинградские профессора. Их слушали и студенты и преподаватели. Потом уже каждый из преподавателей делал свой курс лекций более индивидуальным, проблемным с точки зрения северной тематики, но общее направление, культуру чтения, конечно, дали нам наши бескорыстные шефы. Свою жар-птицу мы держали крепко, хотя понимали, как иногда туго ей приходилось. Только теперь мы начинаем возвращать долги. Например, Витязева читала в Ленинграде лекции по географии Севера и развитию его хозяйства, я по-прежнему веду в Ленинграде аспирантов, работаю там в лаборатории.

Я так подробно рассказываю о скромном опыте Сыктывкарского университета потому, что он может пригодиться и другим молодым высшим учебным заведениям, возникшим в отдаленных, малоосвоенных районах страны. Им никак нельзя замыкаться в собственных рамках, им необходимо действенное общение, совместная творческая работа с университетами и научными институтами самого высокого класса. Сейчас, например, мы имеем собственные курсы лекций и все же надеемся, что лекции по отдельным проблемам будут читать у нас гости — поистине крупнейшие специалисты, светила в своей области науки.

Трудно приходится молодым университетам, у которых нет традиций. В Ленинграде или Москве — там сами стены воспитывают. Но, как это ни странно, в отсутствии старого багажа есть и положительная черта. Я уже говорил о двух постановлениях о высшей школе, 1972 года и недавнем. В некоторых старых учебных заведениях перестройка идет болезненно. А нам нечего перестраивать. Мы начали работать, учитывая самые новейшие требования.

— Вы сказали, что для Сыктывкарского университета постановление о высшей школе — руководство к действию. Как вы собираетесь реализовать новую программу?

— Наша деятельность будет развиваться по двум направлениям. С одной стороны — совершенствование всего комплекса работы внутри университета, с другой — расширение и углубление внешних связей, увеличение роли университета во всей учебной, научной, культурной, хозяйственной деятельности республики. Разумеется, оба эти направления тесно переплетаются.

В постановлении говорится о необходимости делать лекции проблемными. Весь свой курс мы строим, исходя из этого положения. Нет ничего скучнее и порочнее уверенности, что все вопросы уже решены. А для молодежи — особенно. Проблемная лекция заставляет задуматься, рождает у студента чувство собственной значимости («Мне это предстоит решить»), уверенности в своих силах («Мне доверяют»). Мы стараемся обращаться не только к разуму, но и к чувству слушателей, будить их эмоции.

Для полноценного учебного процесса на современном уровне необходимы новые технические средства. Они нужны и для обучения и для контроля. Вы видели нашу аудиторию, оснащенную кибернетическими приборами? В ней место каждого студента и лектора оборудовано специальными пультами. Преподавателю, скажем, требуется срочно проверить, как студенты усвоили материал, можно ли ему объяснять дальше. На экране он показывает слайд с четырьмя вопросами или задачами. На ответ дается несколько секунд: каждый студент на своем пульте нажимает соответствующие кнопки. И профессор на экране видит не только, как и кто усвоил материал, но и общий процент правильных и неправильных решений, который мгновенно вывело вычислительное устройство. Однако подобного оборудования у нас еще недостаточно, и здесь еще многое предстоит сделать.

— Как привлекаются студенты к научной работе университета?

— Мы стремимся, чтобы каждая дипломная работа содержала элемент новизны. Это рождает вкус к научному творчеству. Вот у меня на столе лежат дипломы, которые мы посылаем на конкурс лучших студенческих работ. А одна работа уже представлена к медали Министерства высшего и среднего специального образования СССР. Для молодого университета это — достижение.

Приведу еще пример. Наша кафедра ведет исследования важнейшей и очень интересной проблемы. В плане она называется «Установление закономерностей связи между строением вещества и его физико-химическими свойствами». Решение ее заложит основы теории создания веществ и материалов с заранее заданными свойствами. Эксперимент сейчас опередил теорию, он накапливает для нее ценнейшие данные. И здесь нам очень помогли студенты. Например, мой студент с четвертого курса Юра Рябков получил интересные результаты по окислам титана, которые использует в своем будущем дипломе.

Слабое место университета — научное оснащение лабораторий. Мы пытаемся искать выходы, ездим сами и посылаем дипломников работать в хороших лабораториях Москвы, Ленинграда, Горького. Нам идут навстречу, но пора Сыктывкарскому университету иметь свою собственную базу. Особенно остро ощущаем ее отсутствие мы, химики. Ведь биологи и геологи могут пользоваться лабораторной базой филиала академии, а химических институтов там нет.

Сейчас на берегу Вычегды заложен химико-биологический корпус, который будет оснащен самой совершенной аппаратурой. Я останавливаюсь на химических исследованиях не только потому, что сам химик. На наших глазах в республике возникают промышленные химические комплексы, которые без научных исследований развиваться не смогут.

— Раз уж речь зашла о химии, расскажите, пожалуйста, об XI Всесоюзной школе по неорганической химии, которая будет работать в начале сентября в Сыктывкаре.

— Впервые такая школа будет проходить у нас. Это очень большая честь. Инициаторами были химики, и нас очень поддерживал обком партии. Конечно, честно говоря, мы преследуем и «корыстные» цели: надеемся, что проведение школы именно здесь поднимет уровень науки в республике и в то же время заинтересует ведущих ученых страны северными проблемами. Ведь сюда приедут такие известные химики, как академик Николай Михайлович Жаворонков — руководитель отделения Академии наук Союза, наш шеф член-корреспондент АН СССР Валентин Борисович Алесковский — ректор Ленинградского университета, академик АН Украины Константин Борисович

Яцимирский из Киева, члены-корреспонденты Геннадий Петрович Швейкин из Уральского научного центра и Владимир Вячеславович Болдырев из Новосибирского академгородка и многие другие. Они уже обещали после окончания школы выступить на предприятиях, в научных институтах и, конечно, в Сыктывкарском университете. Школа будет заниматься проблемами химии твердого тела, неводных растворов и охраны окружающей среды, имеющими такое большое значение для развития хозяйства Севера.

— Как строится работа факультета общественных профессий? Какую роль играет он в идейно-политическом воспитании студентов?

— В университете разработана программа идейно-политической, воспитательной работы на весь период обучения. И большую роль играют в ней общественно-политическая практика и факультет общественных профессий. Сегодня на 14 отделениях этого факультета обучаются более 450 студентов. Отделения самые различные, на любой вкус, начиная от школы молодого лектора и кончая хореографией и камерным студенческим театром.

Целая система мероприятий учит студента вести общественную работу, жить и трудиться в коллективе, учит этике обращения с товарищами, учителями и коллегами, умению отстаивать свои убеждения, не бояться любой аудитории и уметь перед ней выступить. Все эти качества и навыки в значительной степени формируют личность с активной жизненной позицией. В прошлом году мы впервые ввели зачет по общественной практике.

Наши студенты прочитали до 800 лекций, выступая в Сыктывкаре, а также в леспромхозах, на буровых, у оленеводов; дали около 230 концертов в самых разных уголках республики.

О камерном студенческом театре я должен рассказать особо. На Всесоюзном конкурсе он удостоен золотой медали. Кроме того, наш студенческий театр получил высокое звание народного.

Я уже говорил, что Сыктывкарский университет имеет ряд особенностей. Это распространяется и на студенческий театр, который в наших условиях становится единственным молодежным театральным коллективом в целом районе. Он приобщает людей к прекрасному, к творчеству, раскрывает огромную силу художественного слова.

Растет наш молодой университет. Там, где заложен химико-биологический корпус, будет со временем целый университетский городок. И мы решили: в этом году проведем посвящение в студенты здесь, на высоком берегу Вычегды, откуда далеко видны северные просторы. И в день посвящения заложим в фундамент будущего университетского городка капсулу с обращением к студентам 2001 года.

Иногда наши ребята признаются, что завидуют тем, кому мы написали это послание. Конечно, они не испытают наших трудностей с оборудованием, с приборами, будут работать в прекрасных лабораториях. Но, думается, и они кое в чем позавидуют сегодняшним студентам и нашим первым выпускникам, которые уже начали осваивать прекрасный и богатейший северный край.

ОПАЛЬНОЕ ЗЕРНЫШКО

«Куда пропала чечевица? Может, в ней обнаружили вредные для человека компоненты? Или такая же история, как и с гречкой: все знают, как полезна гречка, а все-таки в магазинах ее увидишь редко... Расскажите, как сейчас в нашем сельском хозяйстве обстоят дела с чечевицей?»

Л. И. Гаврилова

Ее на прилавках не увидишь. Спросишь: «Когда в последний раз поступала?» Старые продавцы пожимают плечами, не помнят. Молодые говорят: «Какая хоть она, чечевица?» О чечевичном супе или пирожках вспоминают только люди преклонного возраста. Молодежь больших городов знает о них понаслышке.

Куда же девалась эта ценная бобовая культура, которой в начале века засевалось в России не менее миллиона гектаров и спрос на которую за рубежом был так же велик, как на русскую пшеницу? С охотой покупают ее и сейчас, причем заявок так много, что «Экспортхлеб» не в силах удовлетворить их. Хозяйствам не хватает даже на семена.

В чем же дело? Вот официальные данные Министерства сельского хозяйства СССР: в 1940 году в РСФСР под чечевицу было занято 410,3 тысячи гектаров, в 1971-м—57,8 тысячи. На Украине в 1950 году под эту культуру заняли 20,6 тысячи гектаров, а в 1970, 1971, 1972 годах... ни одного!

— Маленькие плоские зернышки чечевицы, густым зеленым цветом напоминающие уральский малахит, растут повсюду на нашей планете и упоминаются еще в древних легендах. За чечевичную похлебку, как утверждает библейская легенда, Каин предал своего брата Авеля. Зернышки содержат много белка, состоящего из ценных аминокислот. Быстро развариваются, очень вкусны,— рассказывает заведующая крупяной лабораторией при Государственной комиссии по сортоиспытаниям сельскохозяйственных культур Зинаида Филипповна Аниканова.— Чечевичные зерна используют для приготовления колбас, консервов и даже некоторых сортов шоколада...

В феврале 1978 года на Международной выставке продовольственных товаров в Брно, где участвовали 34 страны, наша чечевица по единодушному заключению всех экспертов получила золотую медаль «Салима-78». Тогда представители многих иностранных фирм обратились в наше внешнеторговое объединение «Экспортхлеб» с просьбой продать им чечевицу.

Чечевицу, удостоившуюся золотой медали, вырастили на саратовской земле. Саратовцы по своей инициативе построили цех по очистке и калибровке зерна, после чего качество здешней чечевицы резко улучшилось, а цена на нее возросла на 40 процентов. И вот сотрудница «Экспортхлеба» Альбина Васильевна Кузьмина выступает на партийно-хозяйственном активе области. Она рассказала, как высоко ценится на международном рынке чечевица, и особенно саратовская — по вкусовым качествам это лучшая в мире.

— Так вы уж постарайтесь, товарищи, — взывала представительница «Экспортхлеба».

— Нас агитировать не надо, мы целиком и полностью «за», давно научились работать с этой культурой, — говорили на активе, — но что поделаешь, погода...

Но дело, видимо, не только в погоде. Издавна родиной чечевицы в России считались Пензенская, Тамбовская, Воронежская и Саратовская области. Из года в год посевные площади, отведенные здесь под нее, сокращались, а в Пензе, где в свое время были созданы лучшие сорта чечевицы «Пензенская 14» и «Петровская 4/105», ее почти перестали сеять: если в 1940 году было засеяно 76 тысяч гектаров, то в 1976—1978 годах — лишь сто! Та же картина и в других районах Центральной черноземной области...

— Замучили сорняки, — жалуются агрономы, — избавиться от них на больших площадях практически невозможно. В последние холодные годы чечевица стала невыгодной хозяйствам: в лучшую пору получали до двадцати центнеров с гектара, в прошлое лето, например, по три-четыре центнера.

Одно время начали было выращивать чечевицу в Башкирии, Татарии, но и там интерес к ней пропал.

В чем же дело? Почему сокращаются площади под «золотое» зернышко? Почему утратили интерес к нему селекционеры?

Вот как отвечают на эти вопросы специалисты сельского хозяйства:

— До тех пор, пока за выполнение плана по чечевице не будут спрашивать с каждой области, едва ли наступит улучшение. Со временем мы совсем потеряем эту культуру, как случилось с полбой, — говорит сотрудник государственной комиссии по сортоиспытаниям сельскохозяйственных культур М. Колесенкова.

— Колхозы Центральной черноземной области, Украины и Татарии стараются возделывать высокоурожайные культуры: пшеницу, горох, производственные затраты на которые значительно ниже, чем на чечевицу, — рассказывает ведущий агроном Министерства сельского хозяйства СССР Евгений Михайлович Синицын. — Наше министерство разработало специальную программу по чечевице и предложило областям — обязать мы не можем — придерживаться ее, но относятся к ценной культуре по-прежнему, как к падчерице... Сравнивают с пшеницей, мол, за пшеницу спросят — и выговор дадут и награду,— а за чечевицу в худшем случае пожурят. Да и стимула для тех, кто ее выращивает, нет...

Нет стимула! Но ведь если сопоставить экономические характеристики чечевицы с другими культурами, преимущества ее очевидны: одна тонна гороха стоит 160 рублей, овса или ячменя — 75, проса — 88, ржи — 84, а чечевицы — 300 рублей! Правда, убирать ее нелегко: в Испании, Чили, Алжире чечевицу убирают вручную, обрабатывают и сортируют на деревянных валках, чтоб не поцарапать. У нас приспосабливают для уборки обычный зерновой комбайн, ухудшая тем самым товарный вид зерна. Еще одна беда — механизаторы не заинтересованы в ее уборке, им бы поскорее убрать пшеницу, а капризная чечевица любит утро или сумерки. Вывод ясен: надо заинтересовать механизаторов, работающих на уборке этой культуры.

В планах хозяйств чечевица не входит в число обязательных культур, и многие руководители не хотят ее сеять.

— Кое-кто прямо заявляет, — говорит главный специалист Министерства заготовок СССР, кандидат сельскохозяйственных наук Алексей Павлович Пылов,—будем сеять пшеницу, горох, что угодно, только не чечевицу! Ведь урожайность новых сортов пшеницы и гороха в два раза выше, чем у чечевицы! А работа хозяйства оценивается по урожайности. Но нельзя забывать, — продолжает он, — что белка много не только в зернах этой культуры: чечевичная солома — отличный корм для скота! Необходимо восстановить чечевицу не только в Нечерноземье, но и в южных областях Украины, в Закавказье.

...В Балашове, чечевичном центре Поволжья, построили уникальный элеватор, единственный в стране, специально для чечевицы. Здесь зерна доводят до нужной кондиции. НИИ сельского хозяйства Саратова разработал специальное приспособление для уборки чечевицы, которое в три-четыре раза меньше «травмирует» зерно. Совхоз «Елизаветинский» давно убирает эту культуру с помощью наклонных камер, которые навешивают на комбайн. Но опыт саратовцев, к сожалению, не выходит за пределы области.

Когда репортаж готовился к печати, я связалась по телефону с управлениями сельского хозяйства четырех областей. Вот что мне ответили...

Воронеж: не сеяли чечевицу в прошлом году, не посеяли и в этом.

Пенза, родина лучших сортов чечевицы: в прошлом году было занято под чечевицу тридцать гектаров, столько же и нынче.

Тамбов: в 1975 году засевали 560 гектаров, а в прошлом и нынешнем не сеем...

Полтава: уже пятнадцать лет вообще не занимаемся чечевицей!

И только в Саратовской области посеяно более десяти тысяч гектаров.

Неужели этой древней культуре, издавна выращиваемой в нашей стране, суждено забвение?

по просьбе читателя

Л. КОРОБОВА

БЕССЛАВНЫЙ ЮБИЛЕЙ

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Кипит, бурлит, отдыхает, лечится, развлекается прекрасная Юрмала. Курортные праздники сменяют друг друга: то театрализованное представление на берегу Рижского залива, то спортивные состязания, то костюмированное шествие, то концерты в Луна-парке, то родео и, конечно же, целебные, лучше всех лекарств, прогулки по бесконечным песчаным пляжам, даже в ветреные, штормовые дни, даже под зонтиками... Переполнены санатории и дома отдыха, турбазы, гостиницы и пансионаты. Едут и едут сюда со всех сторон, несмотря на стойкие в середине лета сплошные грозы и ливни, не обращая внимания на серое, низкое небо, отраженное в таких же серых волнах Балтики...

И мы тоже едем, обгоняя автобусы и электрички, едем вдоль моря, от станции к станции — Булдури, Майори, Дубулты, Пумпури... Среди могучих сосен и елей, как сказочные замки, возникают очертания корпусов и коттеджей. Но нас на сей раз интересует не столько то, что есть, сколько то, что будет, что давно уже должно было быть. Строится, например, новый корпус санатория «Рижское взморье»—быстро, хорошо он растет, ничего не скажешь. Строится здравница для ученых и машиностроителей — тоже быстро и хорошо. Строится пансионат «Правда»... На эти объекты мы не заглянем: раз все в порядке, нечего нам тут делать. А вот как строится профсоюзный санаторий «Кемери»? Сюда, на самое западное крыло Юрмалы, мы и держим свой путь. Поступили сигналы, что невероятно долго, медленно строится эта здравница общесоюзного значения. А казалось бы, всему надлежит быть наоборот. И вот почему.

Кемери занимает особое положение в системе курортов Юрмалы благодаря своим исключительно богатым целебным ресурсам. Здесь расположены знаменитые сероводородные источники с лечебными водами, известные еще с конца XVIII — начала XIX века, ценные торфяные сероводородные грязи болота Слокас и сапропелевые грязи озера Каниерс. Основанный более ста лет назад, в 1838 году, курорт был назван именем лесника Ансиса Кемера, на усадьбе которого имелись естественные выходы серных вод, сюда и приезжали лечиться окрестные жители. Одно лишь перечисление недугов, которые здесь успешно подвергаются лечению — заболевания опорно-двигательного аппарата, травматические поражения позвоночника и спинного мозга, заболевания периферической нервной системы, органов пищеварения, обмена веществ и кожи, спастические параличи и парезы различной этиологии у детей,— говорит о том, насколько важен и необходим человеку этот курорт. «Кемери» — его базовый санаторий — одновременно может принять всего 300 человек. Очень немного по современным масштабам! Другие здешние санатории также невелики. Люди же стремятся сюда со всех концов страны, даже из Сибири.

Президиум ВЦСПС еще в восьмой пятилетке предусмотрел строительство здесь самого крупного во всей Латвии санатория на 1200 мест. Секретариат ВЦСПС 15 ноября 1968 года утвердил технический проект, через год началось строительство. Сегодня на календаре не шестидесятые годы, кончаются семидесятые, а никто с уверенностью не может сказать, когда объект «1200» станет санаторным комплексом и сможет принять первых жаждущих исцеления больных. Минуло десять лет! Своего рода юбилей, не делающий чести строителям. Бесславный юбилей...

Генподрядчик — Министерство строительства Латвии в лице треста «Юрмалстрой», еще более конкретно СУ-67. У подрядчика, конечно, наготове тысяча объективных причин, которыми он прикрывается, как щитом, забывая, что эти причины порождены самим же министерством. Говорят: «Тресту не хватает производственных мощностей, планы намного превышают его возможности». В тресте же, специально созданном для развития Юрмалы, уточняют: до самого недавнего времени работали главным образом на всю республику — чего только и где не строили! И теперь многие объекты не имеют отношения к курортам. Позволительно спросить у руководителей министерства: отчего же профсоюзная здравница отодвигалась на второй план? Речь ведь идет о здоровье советского человека — самого драгоценного капитала страны!

Говорят: «Не хватает рабочих, у нас могучие конкуренты — колхозы и совхозы, там заработки намного выше».

Кстати, вопрос о заработках должен регулироваться в самой республике... А если копнуть поглубже, то вопрос этот упирается в необеспеченность рабочих жильем, недостаточное культурно-бытовое обслуживание. Отсюда и нестабильность кадров в тресте «Юрмалстрой», она выше, чем в других трестах.

Строители любят козырять и таким фактом: на целых полгода, если не на год, задержало работы отсутствие оборудования для котельной. «Если б заказчик — УКС Республиканского совета профсоюзов Латвии своевременно его поставил, мы еще в прошлом году приступили бы к отделочным работам и в этом бы году сдавали первую очередь». Да, было такое. Но не ради защиты и оправдания заказчика — справедливости ради следует сказать, что Госснаб СССР не очень-то своевременно и качественно обеспечивает оборудованием профсоюзные здравницы-стройки, и этот пример, к сожалению, не единичен. Однако это случилось так давно. А комплекс строится одиннадцатый год!

Да, его можно было бы построить за пять лет, соглашаются в Минстрое, как и намечалось, то есть он был бы сдан в эксплуатацию еще в прошлой, девятой пятилетке, если бы... За «если бы» хватаются, как утопающие за соломинку, и министр строительства И. Улманис, и его заместитель А. Шафиров, и начальник производственного управления министерства В. Стреляева, и все руководители по инстанции ниже: «Ах, если бы заказчик был основательным. А то, что за заказчик: триста, ну, пятьсот тысяч в год! На них не разгонишься... Вот если бы миллион-полтора! Тогда бы «Кемери» давно был готов!» Причем произносятся эти слова с оглядкой по сторонам: нет ли поблизости заказчика? И неосведомленные люди наивно и слепо верят. Есть такие в самых авторитетных организациях!

Довела я эти сетования до сведения заказчика. Как он, мол, среагирует?

— Басня, рассчитанная на простачков! Чего-чего, но такого от Минстроя я не ожидал,— возмутился заместитель председателя Совета по управлению курортами профсоюзов Латвии А. Атварс.— Пытались неоднократно финансировать строителей миллионами, но что из этого получилось?! В 1977 году ВЦСПС предоставил на объект «1200» один миллион рублей, освоено было 433 тысячи. Полный провал. Ведь на каждый год есть документы.

Красноречивые документы!

В. Петрова, заведующая производственным отделом УКС Латвийского совета профсоюзов, раскрыла папку. Оказывается, на тот, 1977 год ГЛАВУКС ВЦСПС направлял даже не один миллион — 1 410 000 рублей. Но в связи с тем, что строители не сдали пусковой профсоюзный объект 1976 года — районную котельную и теплосети, 410 тысяч рублей были направлены на «незавершенку», так как банк больше ее бы не финансировал. Но и скорректированный миллион, как уже известно, строители освоили всего на 43 процента. В «Протоколе-заказе» строительно-монтажных работ, передаваемых профсоюзами республики министерству на 1978 год,— он подписан заместителем министра А. Кролсом — фигурирует число 1 300 000. Министерство принимает только девятьсот тысяч, но на этом не останавливается. «Горел» очередной пусковой объект профсоюзов, и возникла новая поправка, в результате осталось всего 698 тысяч. Освоено же было в прошлом году и того меньше — 453 тысячи рублей. На 1979 год предлагалось 1 100 000 рублей, принято было 600 тысяч. И так из года в год. Росла ползучая «незавершенка», замораживались профсоюзные средства.

На что, спрашивается, рассчитана эта дезинформация о недостаточности финансовых ассигнований? Ясно, на что: выгородить себя, ввести в заблуждение общественное мнение. Не перехитрили ли сами себя строители?

Минстрой республики после того, как санаторный комплекс «Кемери» был предметом обсуждения на совещании ВЦСПС, предпринял попытку исправить положение. В помощь «Юрмалстрою» направляются бригады других трестов республики. Однако далеко не безвозмездно: на правах дольщиков-субподрядчиков. Стимулятор работы — дополнительные путевки этим коллективам. Коллегия министерства принимает решения, создается пусковой штаб, заседают многолюдные оперативки, на которых людей порой больше, чем на этажах корпусов, ждущих строителей...

Что же делается под аккомпанемент этих решений на самой строительной площадке?

Прекрасное выбрано для нее место — в благодатной тишине, в вековом лесу. Над кронами деревьев взметнулись высокие корпуса в виде буквы «Н» с трехэтажной поперечиной пищеблока и клуба. На аккуратном вагончике надпись: «Санаторий «Кемери» строит бригада плотников-бетонщиков СУ-67 треста «Юрмалстрой». Бригадиры Долгов, Клапин. Прораб Травин. Срок сдачи первой очереди 1980 год». Наконец-то определен срок! На двенадцатый год с начала строительства!

Ни Долгова, ни Клапина на стройке нет. Ни бригад, ни бригадиров. Отправлены на какие-то другие объекты. Прораба Травина тоже нет, в отпуске. Замещает его инженер Утляков. Молодой инженер. В 1976 году окончил Новополоцкий политехнический институт. Направили в Латвию, попал на эту стройку. Коробки зданий были почти готовы, завершался монтаж третьего корпуса. Вскоре Геннадия Утлякова призвали на действительную службу в армию. Он и там интересовался, как идут дела в Кемери. Первая в его жизни стройка! Приехал в отпуск и сразу сюда. Огорчился: стройка, можно сказать, еле теплилась. Пустынно, глухо. Всего несколько человек работали на кровле. Весной этого года вернулся из армии.

Конечно, не раз задумывался над тем, почему комплекс у треста как бедный родственник. Конечно. не хватает людей. Сейчас бы иметь человек пятьдесят — это минимум. Каменщикам нужно класть перегородки внутри корпуса, плотникам-бетонщикам — строить резервуар, но их нет. Работает всего восемнадцать: диспетчер, электрик, слесарь-механик и кнопочница на подъемниках, остальные — разнорабочие, подсобники, их не поставишь ни на отделку, ни на сантехнику. Разве что бить отверстия в стенах? Это «свои». Прибыли «чужие» — субподрядчики-дольщики. Раскрепили их по этажам. Мастера своего дела, особенно из Даугавпилса, работают быстро и качественно, им только фронт го-

товь. А что же получается? Простаивают. То материалов, то техники не хватает. Позарез нужен экскаватор «Беларусь», но его куда-то угнали; башенный кран нужен, еще один компрессор.

— Плохо работает УПТК, управление производственно-технологической комплектации,— дополняет слесарь-механик Александр Владимирович Тузков, коммунист, кадровый рабочий треста.—В прошлом году Долгов и Клапин бетонные монолитные работы вели в корпусах, заливали полы. Так не было цемента. Очень много стояли. С пиломатериалами до сих пор беда. Горим. А снабжение инструментом—кельмами, ножовками, рубанками, электропилами?.. Нет инструмента, и все! Сколько раз говорили на собраниях о спецодежде! Подойдет, не дай бог, как в прошлом году зима, когда под сорок было, а у рабочих ни валенок, ни фуфаек, ни брюк. Об этом в тресте никто не думает. Материала якобы в Латвии нет. Ну, кто этому поверит?

Спрашиваю: а как с жильем?

— Недавно получил. Десять лет ждали, семья ведь. А вообще-то неважно. По существу, только начали строить.

Вряд ли нужны комментарии к этим словам, характеризующим истинное положение дел в тресте «Юрмалстрой». Становится понятно, почему одиннадцатый год тянется строительство санатория «Кемери», отчего трест не выполняет планы. А ведь в соседней республике, Литве, где строятся профсоюзные объекты такого же значения, совсем иная картина: Минстрой Литвы выполняет свои обязательства. Чувствуется, что там горкомы партии, партийные организации, горисполкомы оказывают им действенную помощь, держат их под контролем.

Юрмалский горком партии в марте этого года обсуждал работу парткома и администрации треста «Юрмалстрой» по подготовке и воспитанию кадров.

Во втором квартале на объекте «1200» положение несколько улучшилось, а в середине июля, зените лета, самом благоприятном месяце для строительных работ, снова спад. Это тревожит заказчика.

— Чтобы трест вместе с дольщиками выполнил свои обязательства в третьем и четвертом кварталах, на площадке должно работать не шестьдесят человек, а в несколько раз больше,— говорит начальник УКС Совета профсоюзов Латвии А. С. Бабаев,— и в нарастающем числе. Только при этом условии можно будет освоить 1700 тысяч рублей, предназначенных для первой очереди комплекса — спального корпуса на 600 мест, клуба и столовой, надворных сооружений и инженерных коммуникаций.

Бабаев задумывается, что-то подсчитывает.

— Если бы комплекс пустили вовремя, государству уже было бы возвращено около шести миллионов рублей — две трети затраченных на его сооружение. Арифметика простая: 1200 мест, минимальная стоимость путевки — 100 рублей.

Я подсчитываю другое. 1200 мест. Это значит: 14 400 человек могли бы лечиться здесь каждый год. За пять лет — 72 тысячи. Вот это и есть та главная потеря, которой могло не быть. Ее не измеришь и не компенсируешь ничем!

КАК МЫ ШЕФСТВОВАЛИ НАД ДЕРЕВНЕЙ

Высший Литературно-художественный институт имени В. Я. Брюсова, где я училась в 1923—1925 годах, взял шефство над Чаплыженской волостью, Бронницкого уезда, Московской губернии. Ездили мы туда по железной дороге до Бронницы, а потом шли пешком 15—20, а иногда и 25 верст. Автобусов тогда не было.

В учебное время наезжали реже. Помню, задумал один парень жениться, мы решили организовать первую комсомольскую свадьбу. Хлопот с ней оказалось много. Жених и невеста обрадовались нашему предложению, а вот отец парня заупрямился: «Что это еще за безбожие!.. Какая такая свадьба без попа! Не бывать этому!..»

Взялся за него парторг нашего института Иван Андреевич Козлов (известный советский писатель-революционер, автор книги «В Крымском подполье», трилогии «Жизнь в борьбе»), но и он не убедил старика. Тогда Иван Андреевич пригласил на свадьбу своего друга, писателя Александра Серафимовича Серафимовича. Приехав в село, Серафимович сразу познакомился с упрямым отцом. Тому польстило, что знаменитый писатель приехал на свадьбу сына и с ним, простым мужиком, «за ручку здоровкается». Старик пришел на свадьбу, а увидев, как торжественно и пышно (по тем временам) она обставлена, и вовсе возгордился,— мол, знай наших!..

Вернувшись в Москву, Александр Серафимович написал об этой свадьбе рассказ «Глаза блестят», вошедший в однотомник его избранных произведений.

И. Козлов в деревню ездил часто, помогал секретарю волкома партии и председателю волисполкома в налаживании советской и партийной работы. Поучиться у Ивана Андреевича было чему. Член партии с 1905 года, он прошел царское подполье, гражданскую войну, побывал в нескольких тюрьмах, на каторге, в двух ссылках, концлагере. В эмиграции встречался с Владимиром Ильичем Лениным.

В волости не было еще комсомольских ячеек и пионерских отрядов. Организовать их поручили мне, потому что я окончила курсы пионервожатых.

Сначала работа моя не ладилась. Девушки вообще отказались вступать в комсомол, да и ребят было маловато. Но тем не менее нам удалось создать три комсомольские ячейки. Устав мы одолели за три-четыре занятия, а вот с политобучением было трудновато. Мешала малограмотность и отсталость деревенской молодежи. Да и мы, «ленторы», были не на высоте. У нас было больше энтузиазма, чем знаний.

Итак, три комсомольские ячейки есть! Пора при них создавать пионерские отряды.

В воскресенье у школы собралось до полсотни ребятишек. Я рассказала им, кто такие пионеры, почему так называются, чем занимаются, как должны вести себя в школе и дома, со старшими и младшими, какие у пионеров есть песни и игры, как пионеры помогают комсомольцам в общественной работе...

— А теперь давайте разучим пионерский марш:

Взвейтесь кострами, синие ночи,
Мы пионеры, дети рабочих...

Марш ребятам очень понравился, и в первый же день они пели его без конца. Вступить в пионеры решили почти все. Разошлись довольные. Но на следующий сбор пришли только тридцать ребят. Занимаюсь с ними, а на душе неспокойно: «Почему не все пришли?» Наконец не выдержала и спросила у ребят. И тут посыпались такие ответы, что на душе кошки заскребли. Оказывается, родители, узнав, что «приезжая стриженая девка» хочет записать их детей в безбожники и «завладеть их душеньками», запретили детям даже близко к школе подходить. А для острастки на первый раз «ограничились» тем, что надрали ребятам уши, а некоторых отстегали веревкой.

— И ваши родители так думают?..

И. А. Козлов с секретарем волостного комитета партии и председателем волисполкома. 1924 год.

— Н-е-е, наши сознательные. Сознательные родители были из числа сельской интеллигенции и активистов села.

В воскресный день приехали из института Иван Андреевич Козлов и наша комсомолка Маруся Сидорова, привезли знамя, пионерские галстуки со значками, барабан, горн.

Накануне кто-то распустил по селу слух: «Завтра, как кончится в церкви заутреня, пионеры будут давать сатане клятву и свои души ему будут закладывать». Старухи взвыли: «Видно, конец света наступает!..» В воскресенье у школы собралось полсела, всем хотелось собственными глазами увидеть такие страсти.

Утро выдалось солнечное. Все ребятишки пришли чистенькие, тщательно причесанные. Вижу, взбудоражены, волнуются, но ведут себя сдержанно.

Построились перед школой.

— Смирно!..— Все застыли. Мы с Марусей обошли строй, каждому повязали галстук и прикололи пионерский значок. Затем ребята повторили за мной текст торжественного обещания. Вышло хорошо.

— Юный пионер, к борьбе за рабочее дело будь готов!

— Всегда готов! — единым выдохом ответил строй. Четкий пионерский салют, торжественные ребячьи лица — картина волнующая!..

Вручая знамя отряду, наш парторг И. Козлов сказал ребятам добрые напутственные слова. А я, зная о провокационных слухах, украдкой наблюдала за публикой, собравшейся у школы. Приподнятое настроение ребят передалось и взрослым, некоторые женщины прослезились. Еще бы! Ожидали увидеть всякую нечисть, а тут такая красота.

Наш горнист заиграл сбор. Мигом все заняли свои места в шеренге, построились парами.

— Ша-агом марш! — И рассыпалась веселая дробь барабана, развернулось, полыхнуло алое знамя, загорелся на солнце золоченый наконечник.

Под звуки пионерского марша, с веселыми песнями промаршировали вдоль всего села. Вернулись к школе, свернули бережно знамя, поставили в класс, убрали барабан и горн. Пионеры выпорхнули на улицу. Их обступили взрослые и дети, о чем-то расспрашивают, рассматривают галстуки.

Назавтра, едва я приблизилась к школе, меня окружили деревенские ребятишки: «Шура, запиши нас в пионеры!..» Отвечаю им: «Не могу. Ваши родители не разрешат вам». «Не-е! Теперь разрешают!» — кричат хором.

— Тогда пусть кто-нибудь взрослый из семьи придет и подтвердит согласие родителей!

До конца дня у меня перебывало полсела: отцы, матери, сестры, братья — с просьбой принять в пионеры их детишек. Наш отряд вырос почти втрое. После этого были организованы еще два отряда в других деревнях, при других ячейках комсомола.

Так постепенно завоевывали мы авторитет на селе.

А. СМИРНОВА

«АТОММАШ»: СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ

Михаил АНДРИАСОВ
Фото А. ГОСТЕВА

Специальные корреспонденты «Огонька»

На заводе «Атоммаш» бригадир сварщиков из цеха парогенераторов Вячеслав Алексеев говорил:

— Недавно все мы пережили волнующие дни — провели первый боевой шов. Это было очень трудно, но и очень интересно. Ведь, освоив эту операцию, мы сделали еще один шаг на пути к созданию первого донского реактора.

Растет завод, растет Волгодонск, город юных, город энтузиастов. Они поднимали завод и уже выводят солнечные проспекты на берега Цимлянского моря... В семьдесят шестом году в Волгодонске было тридцать пять тысяч жителей, а сейчас уже сто пятнадцать тысяч...

Вячеслав говорил так, словно рассказывал о чем-то личном, о страницах своей биографии, о том, что стало неотъемлемой частью его жизни.

Растет «Атоммаш», растет Волгодонск, мужают, растут его люди. Они любят, по сути, свой новый город, дорожат его честью и старательно украшают своим нелегким, но столь вдохновенным трудом.

В главном корпусе «Атоммаша» я познакомился со своим земляком, ростовчанином Борисом Бекетовым.

— Знаете, стройка сразу захватила меня,— говорит он.— Завод небывалый, а город прекрасный. Ростов я люблю. Первое время даже хотелось вернуться. Но Волгодонск перетянул. Столько тут интересного, невиданного! И институт не бросил. Учусь заочно, уже на четвертом курсе. Посмотрите, на какой оригинальной установке работаю.

И он кивает в сторону необычного сооружения.

— Что это?

— Камера дефектоскопии,— поясняет Бекетов.

— Что-то вроде рентгеновского аппарата?

— Вот именно! Определяет, нет ли раковин в отливках, узлах и деталях, предназначенных для реакторов.

Высота этой камеры, похожей на огромную квадратную башню,— шестнадцать метров. В ее стены влито свыше десяти тысяч кубометров бетона.

Темпы атоммашевцев — темпы победителей. Мне рассказали шутливую историю о том, как бригадиры Николай Каминский, Анатолий Усиков и Алексей Ельников выиграли пари у специалистов, осуществлявших шеф-монтаж закалочных печей.

Когда тепломонтажники сказали, что намеченный срок подготовки печей сократят на целый месяц, специалисты усомнились.

— Это невозможно! — заявили они.— Слишком трудоемкое дело. Опыт лучших мастеров свидетельствует: еще никто не выполнял эту работу быстрее, чем за три с половиной месяца.

— Поглядим,— ответили ребята.

И выполнили эту работу за два с половиной месяца!

Инженер Валерий Енин приехал на завод издалека. Он окончил Алтайский политехнический институт. Продолжалось строительство завода, но строящийся завод уже был действующим предприятием. Пущенный в эксплуатацию третий корпус уверенно набирал силу, выпуская нестандартизированное оборудование.

Три года назад Валерий Енин пришел в этот цех и стал мастером в бригаде Николая Хопрянинова.

— Народ там толковый. Вот только дисциплина их подводит,— такое напутствие услышал Енин в отделе кадров.— За год три мастера сменилось.

Бригада понравилась молодому инженеру. Смекалистые, имеющие опыт рабочие. У многих высокий производственный разряд. Если объединить таких людей и укрепить дисциплину, они многое смогут.

От глаз Енина не ушло и то, что кое-кто в бригаде посматривал на него с лукавинкой, а то и с плохо скрываемой улыбочкой. Взгляды некоторых как бы говорили: «Ты, брат, у нас четвертый. Недолго держались твои предшественники. Отступали перед трудностями. Посмотрим, каким будешь ты. Тоже временным?..»

Но Валерий не хотел быть временным. Такие тут ребята, дело хорошо знают, работы не боятся, и бригадир умелый. Так кто же виноват, что за год три мастера сменилось? Рабочие? А может, сами мастера, что сдрейфили перед первыми барьерами? Такие ребята, а уже дважды не вытянули месячные планы...

«Нет, я не уйду»,— решительно сказал себе Енин.

Однажды Валерий вызвал бригадира на откровенный разговор.

— Что, Коля, невесело жить в середнячках?

Бригадир будто ждал этого вопроса.

— Середнячки — это еще куда ни шло. В отстающих скоро будем!

Разговор получился. Делились мыслями, высказывали предложения. Не во всем сходились. Однако в главном были единодушны: баста, отступать некуда! Решили собрать бригаду — всех двадцать шесть человек. Пусть выскажутся.

Так и сделали. На нового мастера стали смотреть с уважением, а главное — всегда и во всем помогать. Дела пошли лучше. Чуть позже избрали совет бригады из пяти человек. Малейшее нарушение теперь выносилось на обсуждение совета. Так что с дисциплиной полный порядок. Решили искать новые формы работы. Надо было отбросить старый, как мир, принцип: «Каждый работает на себя».

Казалось бы, кто в бригаде во второй половине двадцатого века мог усомниться в том, что коллектив сильнее одиночки?! Увы, нашлись такие. Когда по предложению подавляющего большинства решили перейти на пооперационную обработку металла, кое-кто усомнился: а не снизит ли это заработок рабочего? Нет, не снизит—так ответило само время.

Теперь бригада трудится с учетом коэффициента трудового участия (КТУ). Каждый член бригады выполняет на станке только ту операцию, на которой он может достичь наивысшей производительности труда. Итоги общих усилий суммируются, и положенная всем вместе заработная плата делится между членами бригады, но непременно по коэффициенту трудового участия в общем труде. Выросла производительность, улучшилась дисциплина, выше стала культура производства, больше заработок.

Скептики начали капитулировать, и через два-три месяца сторонников старого принципа уже не было.

Возникает вопрос: как же ведется подсчет КТУ?

Валерий Енин и Николай Хопрянинов ввели книгу учета, в которую совет бригады, мастер и бригадир регулярно вносят свои записи. Скажем, за опоздание на работу сбрасывается от 0,1 до 0,5 балла, в зависимости от того, на сколько минут опоздал станочник.

Успехи бригады стали замечать. Прошло некоторое время, и она, первая на «Атоммаше», получила денежный фонд мастера. Такой фонд — хороший рычаг в руках мастера и бригадира. Совет использует его на премии, на то, чтобы сделать подарки в день рождения, на другие добрые дела.

Прошли годы, как бригада работает по-новому. Успехи налицо. Сейчас коллектив, возглавляемый мастером В. Ениным и бригадиром Н. Хопряниновым, трудится в счет 1980 года.

...Еще несколько месяцев назад прохожие месили на этом участке вязкую, по колено, глину. Теперь перед глазами — высокие благоустроенные дома, широкая, красивая, заасфальтированная улица...

Еще совсем недавно тут был пустырь, еще держались за землю, окруженные вековой тишиной, пряно-сладкий чабрец да седой ковыль, а ныне стоит, сверкая окнами, словно столичный, большой «Универсам», красивое, привлекательное кафе «Надежда», Дом быта, убегают вдаль только что народившиеся белые живые кварталы...

Кажется, еще вчера волгодонцы старательно выравнивали отнятую у степи землю, грохотали бульдозеры и грейдеры, а сегодня по рельсам детской железной дороги весело бежит паровозик, на котором написано: «Малютка». Он тянет за собой уютные вагончики. В них ребятишки, законные хозяева новой стальной магистрали, проложенной в волгодонском городском детском парке.

Мы стоим на новой благоустроенной улице с председателем горсовета А. Е. Тягливым.

— А помните, тут «МАЗ» застрял в грязи? — вспоминает он.

Этих «помните» и «не забыли» в нашем разговоре много. Но, пожалуй, самое удивительное, что мы говорим о новом Волгодонске, о той части города, где первый дом был заложен всего лишь 15 января 1976 года.

Радостно всматриваемся в современный город, раскинувшийся у Цимлянского моря. И как тут не вспомнить прекрасную песню тридцатых годов: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»

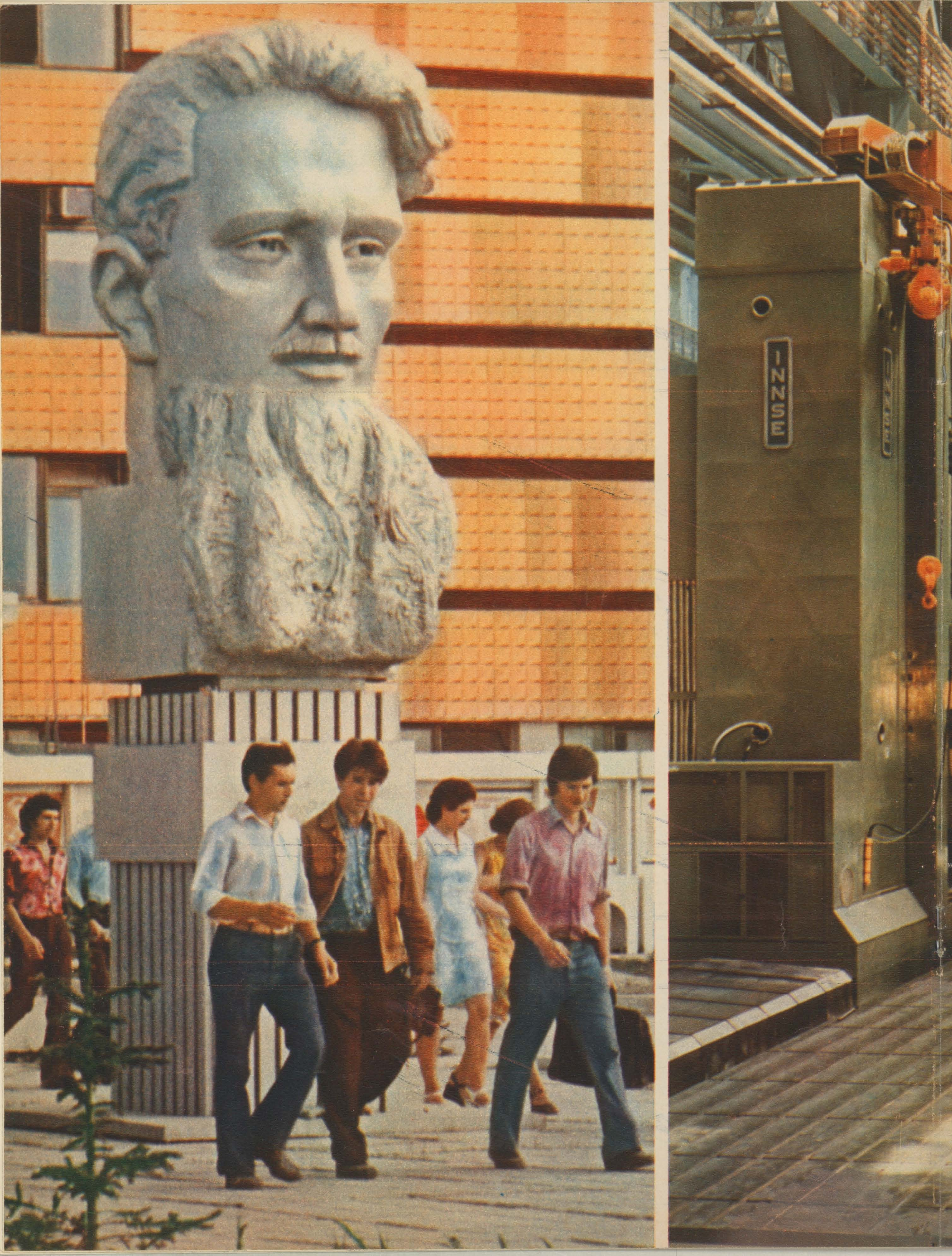
А. Е. Тягливый приехал на «Атоммаш» из Таганрога. Родился он в приазовском селе Алексеевке. Ходил в школу, а в свободные часы бегал в колхозную мастерскую. Подрос. Уехал на ближайшую шахту. Из Донбасса — на Тихоокеанский флот. Закончил военную службу коммунистом. Вернулся в родные края. Работал плотником Таганрогского строительного управления. Стал комсомольским вожаком, бригадиром. Строил трубопрокатный цех Таганрогского металлургического завода. Вернулся в строительное управление. Через некоторое время бывшего плотника назначили начальником управления. Через два года жители Таганрога избрали Александра Егоровича председателем Орджоникидзевского райисполкома.

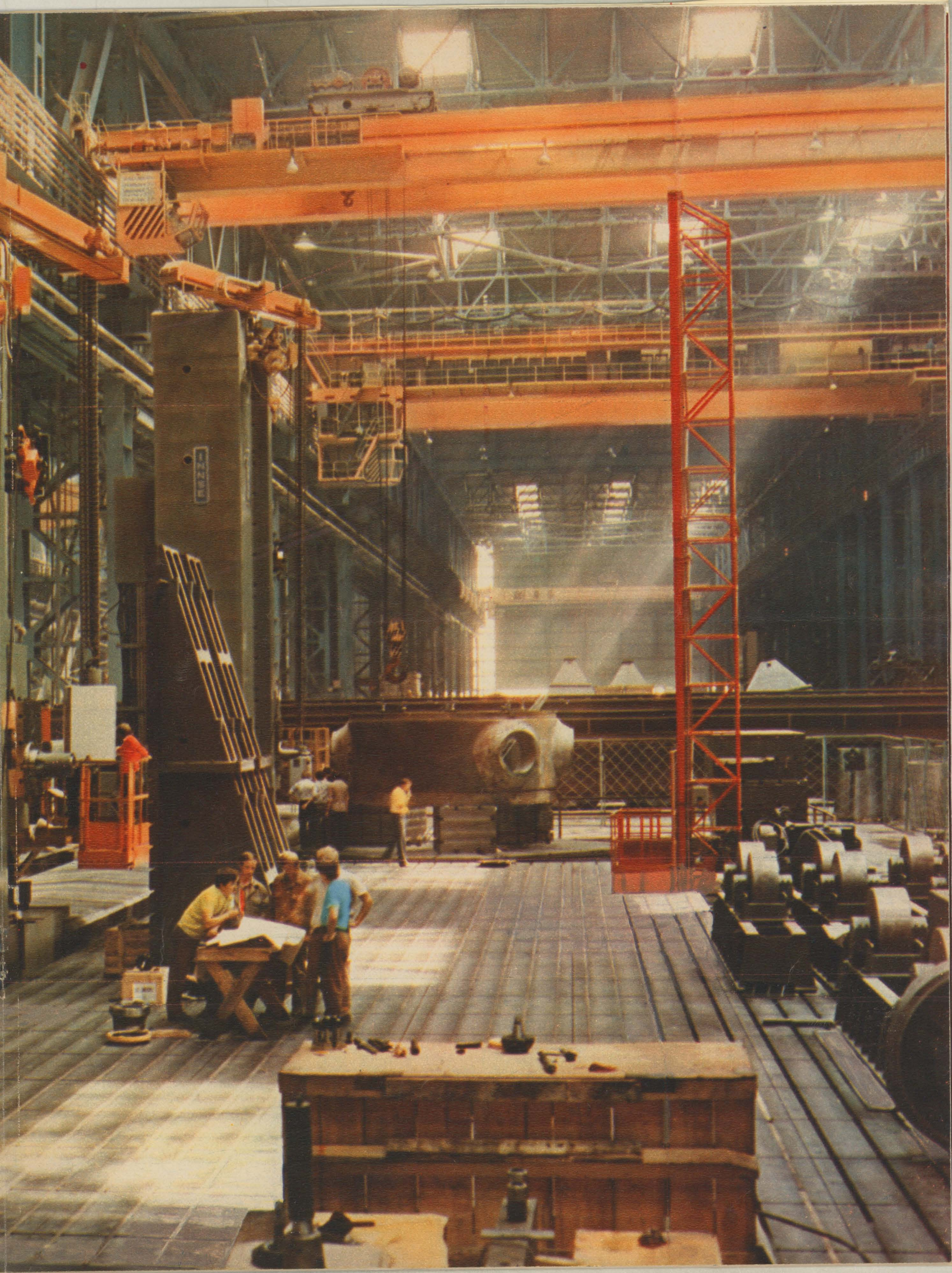
Шахтер, моряк, строитель, народный депутат — годы постоянного общения с людьми, служение народу, знание человеческих характеров, умение прислушиваться к голосу рабочих — эта великолепная школа с годами окрылила Александра Тягливого. Вчерашнего плотника решительно потянуло к строящимся корпусам завода отечественного атомного машиностроения.

Коммунисты знаменитой ударной стройки избрали его секретарем парткома. Вместе со всеми атоммашевцами делил он общую радость, когда был пущен третий корпус завода. Потом в строй победно входил главный корпус. Сначала были сданы для установки оборудования лишь сто тысяч квадратных метров производственных площадей. На освоенной части главного корпуса, как бы начиная перекличку с третьим корпусом, монтажники

Бригадиры А. Аношкин и Л. Куракин рассказывают гостям об «Атоммаше». * У последнего шлюза Волго-Донского канала.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Памятник И. В. Курчатову у входа на завод. * Полным ходом идет монтаж оборудования.

INNSE

АТОММАШЕВЕЦ

собрали мощный токарный станок. На нем было написано: «Я — первый!».

Тяглывый помнит, с какой гордостью сотни и сотни строителей и эксплуатационников шли в главный корпус, чтобы поглядеть на первый, прикоснуться к нему, погладить его...

18 декабря прошлого года была одержана еще одна выдающаяся победа — досрочно ввели в действие производственные мощности по выпуску трех миллионов киловатт современного реакторного оборудования. К этому рубежу тридцать тысяч атоммашевцев, из которых две тысячи пятьсот человек были коммунистами, шли трудной, напряженной дорогой. Ввод в действие всего главного корпуса и, значит, сдача в эксплуатацию первой очереди завода-гиганта были отмечены на Дону как большой всенародный праздник.

Помню, как вместе с секретарем парткома шел я по главному корпусу.

— Да нет, вы вглядитесь в глубину корпусного пролета,— показывал рукой куда-то вдаль Александр Егорович.— Вы такого никогда не видели. Смотрите — дух захватывает...

А потом был день «первой стружки», и, наконец, боевой шов, о котором писал «Огонек»...

Жизнь стройки, судьбы строителей, их быт, взаимоотношения, конфликты — да был ли хоть один серьезный вопрос, который мог бы остаться вне поля зрения парткома и его секретаря Александра Егоровича Тяглывого?! Он хорошо знал людей, очень многих поименно, знал бригады, рабочих, мастеров, техников, инженеров, начальников участков. К нему приходили с просьбами, а чаще — за консультацией, за добрым советом.

Как-то, еще в дни строительства главного корпуса, к Тяглывому пришел коммунист Аношкин, известный на «Атоммаше» бригадир монтажников.

— У меня вот какое дело,— решительно начал он.— Для моей бригады фронт строительных работ готовит бригада Куракина. Небось, слышали?

— Конечно. Кто же не знает Леонида Павловича?! У него хорошие ребята.

— Так вот, эти ребята вяжут нас по рукам и ногам.

— Как это?

— Очень просто. Они все время сдерживают мою бригаду.

— С Куракиным не говорили?

— Нет.

— Оба коммунисты. Могли бы и объясниться...

Тяглывый посмотрел на часы, встал из-за стола.

— Поехали к нему.

Беседа двух бригадиров, в которой принял участие и секретарь парткома, поставила все на свои места. Объяснились, поговорили, и выход был найден. Бригадиры подружились. Нынче смежники развернули соревнование, в котором нет отстающих. Всей стройке известны их добрые дела. Бригадиры перевыполняют свои нормы в два-три раза. Впрочем, о том, как они работают, не лучше ли всего говорят правительственные награды? Анатолий Алексеевич Аношкин награжден орденами «Знак Почета» и Трудовой Славы 3-й степени, а Леонид Павлович Куракин — орденом Трудового Красного Знамени. Оба окончили строительный техникум. К слову говоря, бригада Анатолия Аношкина — обладатель переходящего приза «Огонька» «Мирный атом».

...И строители и эксплуатационники «Атоммаша» на хорошем творческом взлете. Растет завод, растет Волгодонск, растут его люди. Их много, им по плечу любые подвиги, и в первых рядах среди них коммунисты и беспартийные Леонид Куракин и Анатолий Аношкин, Нина и Владимир Буцыны, Павел Мазур и Гинтаутас Пиворюнас, Владимир Ляшенко и Николай Потапчик, и многие, многие другие.

Им несть числа.

Волгодонск.

Железная дорога—подарок Ленинского райкома КПСС города Ростова детворе. * В детском саду «Казачок» прекрасный бассейн. * После купания отменный аппетит. * На улице Волгодонска.

НИТЬ АРИАДНЫ

«Так как сфера нравственности есть по преимуществу сфера практическая, а практическая сфера образуется преимущественно из взаимных отношений людей друг к другу, то здесь-то, в этих отношениях и больше нигде, должно искать примет нравственного или безнравственного человека, а не в том, как человек рассуждает о нравственности или какой системы, какого учения и какой категории нравственности он держится».

Этими словами В. Г. Белинского начинает книгу «Конфликт: за или против» И. Кичанова, сразу же приглашая читателя не к умозрительному обсуждению различных морально-этических систем, а к деловому, конкретному разговору о той самой практической сфере, где ежедневно, ежечасно и даже ежеминутно вспыхивают электрические разряды конфликтных ситуаций, острейших жизненных коллизий, к которым никто не может остаться равнодушным.

Споры о нравах и нравственности, о совести и морали, о долге и ответственности стары, как и сам мир. Рождение первого конфликта не зарегистрировано историческими хрониками. Он возник, когда впервые две разные точки зрения на предмет оказались столь бескомпромиссно полярными, что совместить их не удалось.

И. Кичанова не предлагает читателям готовых рецептов, призванных служить панацеей от всех бед. Публицистическая по своей тональности книга — по сути дела, сборник очерков, ярко и убедительно рисующих динамику рождения, вызревания и разрешения ряда конфликтных ситуаций. Сюжеты очерков не выдуманы автором. Все они взяты из жизни и той или иной своей линией пересекаются с аналогичными или похожими ситуациями, свидетелем, а то и участником которых приходилось бывать практически каждому.

Свободная от елейной дидактики и душеспасительных сентенций, книга И. Кичановой апеллирует к творческой инициативе читателя, его готовности к размышлению и спору, способности выслушать и понять иную позицию и даже пересмотреть свою, ошибочную, если ошибка доказана фактами, которые невозможно опровергнуть. В простоте изложения сложного, в доверии к читателю, а скорее — собеседнику, пожалуй, главное достоинство книги.

Другое ее безусловное достоинство — в исследовании национальной традиции, обычая, культуры как животворных источников нравственного начала, которое, словно нить Ариадны, выводит человека из лабиринтов самых сложных и запутанных житейских проблем. Лишь тот, кто связан неразрывными узами любви и долга с землей, взрастившей его и вложившей в его сознание первые представления о добре и зле, первые навыки нравственного и этического, способен в острейшей ситуации не уронить себя и даже в ущерб собственным интересам все-таки поступить по совести и чести.

Овладение конфликтом, умение правильно обнаружить его подводные течения, не спасовать, смело противопоставляя потребительскому и сиюминутному принципиальность и убежденность в торжестве добра, — все это отнюдь не надуманные проблемы. От их решения во многом зависит, каким быть завтрашнему миру, в котором нам предстоит жить.

И. ТИМОФЕЕВ,
кандидат филологических наук

Инга Кичанова. Конфликт: за или против. М., «Молодая гвардия», 1978 г., 224 стр.

ПОД ОДНУ ГРЕБЕНКУ?

К. БАРЫКИН

В одном из крупнейших столичных гастрономов продавали... расчески и гребни. Унылая форма, обреченная на невнимание расцветка. Они лежали в секции неподалеку от молочного отдела. Мне показалось, что товар не пользуется особым спросом.

— Берут? — поинтересовался у продавщицы.

— Если вы купите, будете вторым за два дня,— ответила она.

...В какой магазин ни загляну — расчески и гребни. Прохожу мимо табачного киоска — гребни и расчески. «Союзпечать» — тот же товар, в том же ассортименте.

Расчесочный бум? «Месячник гребенки»? А может, директива такая: всем выпускать! Всем продавать!

Звоню в объединение «Союзпластпереработка». Сначала меня не понимают: «Какая еще директива?» Тогда спрашиваю иначе:

— Сколько расчесок делается в стране?

— Поручим ассортиментному кабинету, подсчитают...

— Сколько тонн пластмассы уходит на расчески?

— Ответить трудно. Пластмасса выделяется на групповой ассортимент. Расчески и гребни — галантерейная группа.

В «Росгалантерее» я узнал, что расчесок и гребней только в РСФСР делают что-то около девяноста миллионов штук («Учитываемых. Местная промышленность иногда начинает выпуск, едва успев оповестить торговлю»). Девяносто миллионов. В одной республике. «Но не в этом беда,— поясняют мне.— Низко качество, унылы модели. Крайне беден ассортимент».

И показывают документ, из которого явствует: несколько лет назад проводили смотр расчесок и гребней (согласитесь, неплохо звучит: смотр расчесок?!), на котором 22 образца рекомендовали снять, а по 50 сделали замечания. Всего же было представлено 355 образцов и моделей! И многие — миллионными тиражами. И многие ничем не отличаются от других, от тех, что с другим артикулом.

— Мы ориентируемся на торговлю. Сколько она просит, столько и делаем.— Это снова «Союзпластпереработка».

На деле не все так. Пожелает какое-то предприятие выпускать расчески — и тут же от слов к делу. А желающих много. Товар простой, хлопот с ним нет — один удар штампа, вес невелик. Сто, а то и двести расчесок можно сделать из пластмассы, которая пошла бы на столь нужную шкатулку для рукоделия или на картотечный ящичек. И текут расчесочные двугривенные...

Нередко торговлю лихорадят именно те изделия, от которых подвоха вроде и ждать не следует. Прилавки вдруг заполняются каким-то товаром, а потом наступает отлив: вещицы исчезают самым непостижимым образом. «Что же вы удивляетесь! — переспрашивают знатоки рыночной конъюнктуры.— Это же непланируемый товар...» Значит, необязательный: хочу — выпускаю, не хочу — нет... В последнее время есть симптомы настораживающие: иные заводы и фабрики охотнее производят то, что попроще. И скудеют магазины, в недоумении покупатель, который не может найти нитки нужного цвета или, скажем, иголки, всякие там щипцы и прочее, и прочее, как говорится.

Нет достаточного выбора изящных дамских сумочек, зато «многоведерные» баулы-гиганты отправляются контейнерами и даже вагонами. Вам не нравится? Не покупайте... Отправим в другую область, район, республику. Страна-то большая, где-нибудь и согласится торговля принять этот товар. Совсем нелепо складывается положение с поделками из пластмассы. Фонды на них похудели на заметные тысячи рублей. Тем бережливее бы расходовать сырье, тем расчетливее составлять ассортимент, не забывая о его разнообразии. Но расчески делать бесхлопотнее.

Нет, не ждите, товарищи покупатели, тех же шкатулок, тех же картотек, всяких красивых крючочков и прищепочек из пластмассы — она пошла на расчески.

И торговля пусть не ждет пластмассового достатка. Пусть берет расчески. Слишком спокойно реагирует торговля на расчесочный поток, очень спокойно... Расчесочный вал — 45 миллионов мужских расчесок и 82 миллиона женских гребней — уже прорвал плотину, проник на прилавки. Стихия! А с ней бороться трудно.

Но главная беда — низкое качество. «Расчески из полистирола не удовлетворяют эстетическим и качественным требованиям. Крайне ограниченна гамма расцветок. Нет нового пластика» (его должны были разработать химики взамен целлулоида). Все это я вычитал в справке. Да и уследишь ли за той или иной моделью, когда их 355? Бывает, выловит торговля какие-то особо неудачные модели, добьется того, чтобы их сняли с производства. Снимать-то снимают, но оснастку, случается, передают другому предприятию (в другом городе или республике). И там начинают штамповать все те же расчески, но с индексом «Н» — новинка!..

...Остановился у галантерейного прилавка. Спрашиваю покупателей:

— Вы часто покупаете расчески?

— Раз в два-три года, когда потеряю старую...

* * *

...Интересно, куда идут нераскупленные расчески? Кто-то мне сказал, что их иногда возвращают заводам на переработку — в пластмассу.

Чтобы из нее делать новые расчески?

Пляж на берегу Зенфтенбергского озера. Несколько лет назад здесь был «лунный пейзаж».

Фото Клауса Мерля

ЗЕМЛЯ РОЖДАЕ

Н. КРЫЛОВА,
специальный корреспондент «Огонька»

Природе нужно двести лет, чтобы создать плодородный слой почвы толщиной в один сантиметр. А уничтожить его можно за секунды. Добывая уголь, руду, прокладывая нефте- и газопроводы, люди нарушают природный ландшафт на огромных пространствах. Угольный карьер шириной в три километра «пожирает» в сутки три метра земли. И темпы добычи все время растут. Что же мы оставим следующим поколениям? «Оскальпированную» землю, «лунные пейзажи»? Землю можно вернуть к жизни. Интересный опыт в этом отношении есть в ГДР. Чтобы рассказать о нем, «Огонек» направил туда своего специального корреспондента.

ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ

Бывая в ГДР, условливаясь о встречах с самыми разными людьми, я не раз слышала: «У меня сегодня уголь». Никаких других дел в тот день, когда привозят уголь, быть не может. Это главный источник тепла и для жителя маленького домика и для крупных электростанций. 40 процентов получаемого во всем мире бурого угля добывается открытым способом в ГДР — около 250 миллионов тонн в год. Более половины из них дает округ Котбус. Иоахим Нейман руководит здесь отделом по охране среды при окружном совете.

— Что бы вы хотели посмотреть у нас? — спросил он.

— Как преобразуются «лунные ландшафты» на месте бывших карьеров. И, конечно, Зенфтенбергское озеро.

Лучшего спутника, чем этот человек, нельзя было и пожелать. Он работает тут с 1963 года. С детства любил лес и мечтал после рабфака пойти учиться лесному делу. Судьбу его решила случайная встреча в поезде: попутчиком Иоахима оказался человек редкой профессии — архитектор по ландшафту. Из разговора с ним узнал, что в Университете имени Гумбольдта есть факультет, который готовит таких специалистов.

— Я любил рисовать и очень хотел иметь дело с деревьями,— вспоминает Нейман.— И решил — вот как раз то, что мне нужно.

Мы не успели проехать и квартала от центра Котбуса, как он попросил шофера остановить машину возле какого-то дерева на углу улицы Карла Маркса.

— Оно называется гинкго.— Товарищ Нейман вписывает это название по-латыни мне в блокнот.— Лист его, видите, он похож на маленький веер из сросшихся хвоинок,— эмблема дендрологов всего мира. Теперь посмотрите сюда.— Он показывает на уходящую вдаль улицу.— В том месте, где мы стоим, она искривлена. Это из-за гинкго. Когда прокладывали новую магистраль, решили сохранить дерево, и улица его обогнула. На соседней Банхофштрассе снесли старые дома, а липы оставили.

Проезжаем стройплощадку. Работы еще не начались. Успели только снести ветхие дома и разровнять место. Старые деревья, оставшиеся на площадке, заботливо обложены бетонными плитами, чтобы их не повредили бульдозеры и экскаваторы.

— Когда строители получают план застройки,— рассказывает Нейман,— в нем обозначено каждое дерево, которое они обязаны сохранить, каждое! За самовольно срубленное дерево в городе — штраф в тысячи марок.

Разговор зашел о штрафах, и я спросила, как наказывают те предприятия, которые нарушают нормы охраны окружающей среды. Лишают премии?

— Если факт нарушения установлен — штрафуем директора. Немедленно. Причем он платит штраф из собственного кармана... Ну вот, вы хотели увидеть «лунный пейзаж»? Пожалуйста.

Выхожу из машины, и кажется, будто попала на неведомую мертвую планету. На сотни метров тянутся черно-коричневые отвалы, оставшиеся по краям карьера, откуда уже выбран уголь. Ни былинки. Ни песчинки. Мрачная картина.

— Но мы вернем эту землю к жизни,— говорит Нейман.

— Кто будет этим заниматься?

— Как кто? — В голосе его слышится удивление.— Угледобывающий комбинат, конечно. Его производственный план выполнен только тогда, когда возвращена земля.

— А деньги?

— Эти расходы входят в себестоимость угля. Теперь поедем вот сюда.— Нейман разворачивает карту, показывает на ней очертания другого карьера.

Пейзаж уже не похож на лунный. Искусственное водохранилище с пологими песчаными берегами.

— Откуда здесь вода?

— Прежде чем приступить к добыче угля, надо откачать грунтовые воды. Их сливают в реки, а часть накапливают в таких водохранилищах для промышленных нужд.

На вид вода чистая. Я спрашиваю, можно ли здесь искупаться.

— Пока нет,— отвечает «начальник среды».— Вода должна пройти очистку. Сейчас увидите, как это происходит.

Еще несколько километров в машине, и мы подъезжаем к живописному озеру среди холмов, поросших молодыми соснами. Из зеленой травы поднимаются к солнцу лиловые стрелы лупинусов.

— Идиллическое местечко, да?

Я киваю. И как бы в подтверждение этого из прибрежных камышей взмывает лебедь. А где же очистная установка? Ищу ее глазами, но вокруг только камыш, сосны и водная гладь. Оказывается, само озеро и есть очистная установка.

В этом карьере добыча окончилась в 1962 году. Потом началось затопление. Камыш специально посадили, чтобы растения очищали воду. Им помогает отработанная вода брикетной фабрики и алюминиевого завода. Ее химический состав таков, что при взаимодействии с водой из карьеров получается вода очень хорошего качества.

— Если бы построили очистную установку из бетона, это обошлось бы в 26 миллионов марок. А «идиллия» стоила всего миллион, включая расходы на посадку деревьев.

И вот наконец мы идем вдоль роскошного пляжа. Он тянется более чем на два километра. Белый песок. Разноцветные зонтики, гомон и смех отдыхающих. Курорт как курорт. А Иоахим Нейман помнит, когда тут гремели взрывы и рычали бульдозеры — угледобывающий комбинат разравнивал берега бывшего карьера. И пляж и озеро, что плещется у шахтерского города Зенфтенберг,— рукотворные. На берегу среди сосен — веселые коттеджи со всеми удобствами. Много уютных кафе и ресторанов, спортивных площадок. Есть палаточный городок и даже теплоход для прогулок по озеру. А вот моторные лодки запрещены, хотя озеро большое — 1200 гектаров.

Одних городских средств для создания этого рая не хватило бы. Были заключены коммунальные договоры с предприятиями, которые помогли благоустроить территорию, построили санитарные сооружения и многое другое.

— За сезон здесь отдыхает более миллиона человек, в основном горняки с близлежащих предприятий,— говорит товарищ Нейман.

И я бы не отказалась провести здесь отпуск. Но пора возвращаться в Котбус.

— Сколько туда километров?

— Сорок,— отвечает шофер.

— Тридцать восемь с половиной,— уточняет Нейман.— Я во время студенческой практики каждый день сюда на велосипеде ездил. Мы занимались исследованиями грунта, предшествующими рекультивации. Когда возник проект Зенфтенбергского озера и зоны отдыха на его берегу, немало было скептиков. Да это и понятно. Тогда здесь только пыль на зубах хрустела. Сейчас новые кварталы Зенфтенберга ориентируются на озеро.

На обратном пути разговор зашел о живописи. «Начальник среды» увлекается рисованием. В свободное время пишет с натуры лес, небо, воду, особенно любит акварель.

Я не видела пейзажей Иоахима Неймана на бумаге. Только те, что созданы с его участием в натуре. И могу сказать, что они прекрасны.

ВСТРЕЧА ВТОРАЯ

В 15 километрах от Лейпцига в поселке Дольциг находится отдел Института ландшафтоведения и охраны природы Галле-Заале. Отдел занимается исследованиями, связанными с рекультивацией бывших карьеров. Руководит им доктор Конрад Вернер.

— Начинали мы с опытов в цветочных горшках,— рассказывает он.— Брали грунт с бывших карьеров и выращивали разные растения, чтобы определить, какие из них смогут жить на новых землях. Потом — опытные делянки. Очень много проблем надо было решить. Например, какой толщины должен быть слой почвы, какой севооборот, сколько понадобится затрат.

Доктор Вернер употребляет множество специальных терминов, и переводчик то и дело переспрашивает.

— Минуточку,— остановил его ученый,— позовите, пожалуйста, Эдит,— попросил он секретаршу. В комнату вошла стройная миловидная женщина с голубой книжечкой в руках.

— Эдит Кведнау — переводчица,— представилась она и спросила по-русски: — Чем могу вам помочь?

— Как будет землеустройство? — спрашивает наш переводчик.

Эдит открыла книжечку в голубой обложке — это оказался словарь специальных терминов.

— Вот вам вещественное доказательство нашего сотрудничества с советскими коллегами. Мы вместе составили этот словарь,— улыбнулся доктор Вернер.— У нас хорошие контакты со специалистами Москвы, Новосибирска, Таллина, Харькова. Началось со встречи в Катовице, на симпозиуме ученых стран СЭВ. Наш научный центр в Дольциге — головная организация в СЭВе по теме «Разработка способов рекультивации ландшафтов, нарушенных промышленной деятельностью». Ученые братских стран регулярно встречаются, обмениваются опытом. Первый такой симпозиум состоялся в Лейпциге, последний в Донецке в 1976 году.

— Но ведь условия у нас, в ГДР и в Польше разные?

— И тем не менее есть много общих тем. Например, теоретические проблемы почвообразования или методы анализа почв.

Доктор Вернер рассказал, что первые три-четыре года на новых землях сеют люцерну или бобовые. Эти растения образуют хорошую структуру почвы и дают много кормовой массы. Потом — рожь, кукурузу на силос, озимую пшеницу, ячмень.

Оказывается, еще до того, как в карьер придет первый экскаватор, уже существует составленный по рекомендациям ученых план возрождения земли. Такой план — результат труда геологов, мелиораторов, почвоведов, агрономов, экономистов, представителей местных органов.

— Пришлось наладить сотрудничество около двадцати учреждений.— Мой собеседник довольно подробно говорил об этом, и я подумала: собственно, это ведь не относится к исследовательской работе. Но доктор Вернер — не кабинетный ученый. Его лаборатория — поля соседнего кооператива имени 8 Мая.

— Да, это наш опытный полигон, и я покажу вам его, а сейчас вернемся к плану.

Итак, горное предприятие имеет пятилетний план. В нем сказано, в каком году, какие площади, какого качества оно должно сдать. Государственные органы решают, кто их получит: сельское хозяйство, лесное, или они станут зоной отдыха. Назван хозяин «будущей» земли, и комбинат вступает с ним в контакт. Составляется договор, в котором записано: столько-то будет ровным, столько-то холмистым, и срок, когда кооператив получит новые земли. Пока идет разработка карьера, крестьяне уже знают, что они будут делать на этих площадях.

— Тракторы должны стоять на краю поля.— Конрад Вернер для убедительности постукивает ладонью по краю стола.— Вот так! Каждый месяц промедления — это потери с таким трудом воссозданной земли, ведь вода сносит верхний слой почвы... Ну, а теперь поехали, посмотрим, как все это выглядит,— приглашает ученый.— К сожалению, Эдит не сможет нас сопровождать, она едет на аэродром встречать делегацию советских специалистов, которые будут нашими гостями...

...«Магдеборн» — читаю на дорожном указателе. Справа от шоссе только контуры фундаментов, а слева — домики под черепицей с тюлевыми занавесками на окнах и с розами в палисадниках.

— Если вы попадете сюда в сентябре, то и этих домов не будет и дороги, по которой мы приехали, тоже. Деревня Магдеборн переезжает на новое место. Из трех с половиной тысяч жителей осталось около двухсот.

Я уже догадалась, что здесь будет карьер: вдалеке виднелись силуэты экскаваторов. Свыше тридцати деревень в округе уже переехали. До двухтысячного года предстоит переселить еще сто. Все из-за угля.

— Вы не представляете, какое это хлопотное дело — переселение! — Конрад Вернер устало проводит рукой по лбу, как бы стирая заботы тех лет, когда он, ученый, получив специальные полномочия от министра, проводил собрания крестьян, которых предстояло переселить.

— Крестьянину, особенно старому человеку, нелегко бросить свой дом, садик, своих кур или кроликов. Каких только проблем не возникает! Раз, помню, шло собрание. Один крестьянин сидел в уголке, тянул свое пиво, не проронил ни слова. Уже начали расходиться, как он встал и спросил: «Ну хоть кладбище-то оставите на месте?»

— И что вы ему ответили?

— Сейчас уже не помню. Но только кладбище тоже переехало. Естественно, все расходы по переселению государство берет на себя. Людям предоставляют новые квартиры со всеми удобствами. Бывает, устраиваем даже «тройные обмены», например, если сельские жители не хотят в город. Мне пришлось в те годы юридическое образование получить.

На основе опыта, который был накоплен в процессе переселения деревень, выработаны соответствующие юридические нормы, и теперь при министерстве сельского хозяйства есть специальный консультационный пункт, куда люди могут обращаться по всем вопросам, связанным с переселением.

Машина то мчится среди полей, то ныряет в зеленые туннели аллей. Пересекаем небольшую речку в бетонных берегах. Неширокая, вроде нашей Клязьмы.

— Реку мы тоже перенесли. И шоссе и железную дорогу.— Мой спутник говорит об этом, как о перестановке мебели в квартире.

Останавливаемся посреди широкого поля, окаймленного темными полосами леса.

— Все, что вы видите до горизонта,— возрожденная земля! — торжественно произносит Конрад Вернер и смотрит на меня, наслаждаясь произведенным впечатлением.

Да, это действительно впечатляет. Зеленое кукурузное поле, ровное, чистое, я бы даже сказала — нарядное, окаймленное алыми маками у обочины шоссе. Этому полю десять лет от роду. А по другую сторону дороги ветер гонит волны тугой ржи.

— Просто не верится, что несколько лет назад здесь была мертвая земля!

— Я ее видел собственными глазами, кажется, это было совсем недавно,— улыбается ученый.— Каких-нибудь десять лет назад.

Именно тогда кооператив имени 8 Мая получил рекультивированные земли. Их у него тысяча гектаров. Первые годы с этих земель хозяйство ничего не сдает государству, которое выделяет ему большие средства на их освоение.

Сегодня с них собирают по 45—50 центнеров пшеницы и ячменя, по 25 центнеров ржи. В этом году хозяйство отметило свое двадцатипятилетие. Восемь человек получили орден Труда.

— Среди награжденных и двое членов нашего коллектива,— с гордостью сказал доктор Вернер.

Мы долго колесили среди полей. Как отец многодетной семьи без запинки называет даты рождения своих детей, так Конрад Вернер говорил, то и дело оборачиваясь ко мне с переднего сиденья машины: «Это земля 1971 года рождения. Это люцерна восьмого года. Этот лес посадили в 1953 году. Здесь мы собрали рекордный урожай ячменя — 69 центнеров».

Вот она, зримая связь науки и практики. Здесь ее можно потрогать руками — колосок ячменя, зеленую стрелку кукурузного листа или кустик люцерны. И даже тень леса, где мы остановились на перекур,— ведь лес-то тоже рукотворный.

ВСТРЕЧА ТРЕТЬЯ

— Восстановление земли и возвращение ее народному хозяйству возведено у нас в ранг государственной политики,— сказал в беседе со мной заместитель министра охраны окружающей среды и водного хозяйства ГДР Гуидо Томс,— так же как и забота о сохранении в чистоте рек, озер, воздуха. Обязанность государства и общества — заботиться в интересах здоровья граждан об охране природы зафиксирована в статье пятнадцатой конституции ГДР, в соответствующих законах и постановлениях. Вообще-то понятия «охрана среды» и «охрана природы»,— говорит товарищ Томс,— на мой взгляд, несколько пассивны. Правильнее говорить о рациональном использовании природных ресурсов, чтобы улучшить условия жизни людей и повысить эффективность народного хозяйства.

— Что вы понимаете под рациональным использованием?

Повернувшись к окну, за которым в солнечном мареве плавился Берлин (день был жаркий, термометр показывал тридцать в тени), заместитель министра ответил:

— Знаете, сколько воды расходует в такой день житель крупного города? Около четырехсот литров. Наши бабушки и дедушки обходились несколькими ведрами из колодца. Химический комбинат Лейна берет в секунду из реки Заале одиннадцать тысяч литров. А водные ресурсы ГДР весьма ограничены. Спрашивается, как быть? Ключ к решению проблемы — в многократном использовании воды промышленными предприятиями. Это успешно делается, например, на нефтеперерабатывающем комбинате в Шведте, на металлургическом комбинате в Эйзенхюттенштадте. Там построены мощные очистные установки, и вода в Одер возвращается чистая.

— Такие сооружения стоят ведь очень дорого?

— Да. Но очистка загрязненной реки обходится в десять раз дороже.

— Воду можно использовать несколько раз. А землю?

— И землю тоже. Тем более что ее у нас не так много. На каждого жителя ГДР приходится 0,37 гектара сельскохозяйственной полезной площади. Это значит, что участок размером в футбольное поле должен прокормить одного человека. Мы теряем много земли из-за разработок бурого угля. Рекультивация этих земель — важнейшая задача. Мы решаем ее успешно. За пять лет было рекультивировано и отдано сельскому хозяйству 12 600 гектаров.

И тут я хочу привести одну цитату.

«Даже целое общество, нация и даже все одновременно существующие общества, взятые вместе, не есть собственники земли. Они лишь ее владельцы, пользующиеся ею, и, как boni patres familias (добрые отцы-семейства)... должны оставить ее улучшенной последующим поколениям».

Это сказал Маркс.

ТСЯ ВНОВЬ

На фото сцена из спектакля «Берег».

ДЛЯ СВЕЖЕЙ ЗРИТЕЛЬСКОЙ ДУШИ...

Фото М. Строкова

гастроли

Н. ТОЛЧЕНОВА

«Искусство бессильно только над душами изжившимися, но над теми и все бессильно. Свежую душу театр захватывает властною рукой...» — замечал А. Н. Островский.

В ту пору не очень-то много было на Руси театров. Пензенский же начал свое существование в 1793 году. К началу двадцатого века творческая биография этой сцены оказалась богата многими свершениями, многими громкими именами, вписанными в историю русской культуры. Достаточно назвать приезжавших играть в Пензу таких актеров, как Савина и Федотова, Садовский и Дальский, или хотя бы лишь упомянуть знаменитые Далматовские сезоны с их спектаклями, обращенными уже в то время не к внешнему, а внутреннему миру героя.

Нынешние спектакли в Москве были очередным «отчетом» Пензенского театра; он носит имя А. В. Луначарского, чьи пьесы, кстати сказать, пользовались здесь успехом еще при жизни автора.

Гастроли, прошедшие этим летом, дали возможность почувствовать сплоченность, ансамблевость труппы, а в то же время и ее подвижность, мобильность, разносторонность.

Самой сильной среди привезенных в столицу постановок стал «Тихий Дон». Народность трагедии, ее поразительные характеры отчетливо и крупно прочерчены в спектакле.

Упрекнуть пензенцев можно, пожалуй, лишь в том, что художник Г. Д. Епишин явно поскупился «на реализм» в оформлении. Могучая река, на фоне которой происходят события, невнятно обозначена чуть скошенной, металлически поблескивающей планкой на заднике; не каждому зрителю придет в голову, что это, мол, и есть Дон. Но к подобным упрекам художники уже давно не прислушиваются; наоборот, они опасаются, как бы «не отстать» от иных, в авангарде находящихся столичных сценографий, и поэтому спешат отдать свою посильную дань моде, а если сказать точнее — модерну. Публика же, приученная постепенно к несообразностям и вычурностям сценического декора, попросту на них не смотрит, сосредоточивая свое внимание на актерах.

Григорий Мелехов — наверное, лучшая работа В. Смирнова, артиста явно незаурядного. Молодой, искренний при первой с ним встрече, он меняется на глазах, яростно взыскуя справедливости. Вот тут главнейшая нота в художественной и нравственной полифонии образа. Театр делает эту ноту ведущей и в решении всех других ролей. Видишь во весь рост не одну только Аксинью А. Зибровой, но и прелестную, любящую, нежную Наталью Л. Шапоренко, и Дуняшу Г. Репной, и Дарью — лихую, резкую, а в то же время обездоленную и бесконечно несчастную у М. Тамбулатовой... А каков Пантелей, драматично и в то же время живописно представленный Б. Уксусовым! Каковы все казаки, все солдаты в народных сценах!.. Обычно они зовутся «массовками», такие сцены, но здесь-то видишь отдельно каждого человека с его отдельной, ни на чью другую не похожей судьбой.

Стремление отобразить жизнь как бытие народа на самых крутых переломах прослеживается во многих спектаклях пензенцев. Инсценировка романа Юрия Бондарева «Берег», которой открывались московские гастроли, получила от театра такую же серьезную, глубинную разработку.

Осуществляя свой замысел, режиссер С. М. Рейнгольд сосредоточивает внимание, как и в «Тихом Доне», не на событийной, а на психологической сути происходящего. Это снова борьба сильных, неординарных характеров. Борьба, идущая вокруг того, каким быть человеку, как ему жить, какую цель несет он в себе и какую видит в окружающих его людях...

Главные действующие лица в спектакле «Берег» представлены двумя парами исполнителей. Л. Шапоренко — фрау Герберт и В. Смирнов — Никитин — наши современники; они комментируют происходящее; они кажутся сдержанными, даже спокойными, но в себе несут крайнее напряжение: мы это чувствуем... Молодой, наивный А. Сутягин в роли юного Никитина, артист очень искренний, видит еще и то, каким станет этот в з р о с л ы й Никитин... Менее удачно решает аналогичную проблему С. Белогруд, играющая молоденькую Эмму Герберт. Но это тактично восполняет Л. Шапоренко, позволяя видеть, какой трудной, даже трагической оказалась роковая в общем-то встреча на несоединимых берегах былого и настоящего, берегах жизни и смерти...

В спектакле опять же хорошо видны лица героев второго, казалось бы, плана. Все они несут в себе основы моральных правил — и высоко духовных и самых низменных. Гранатуров — Ю. Абызов, Зыкин — Б. Уксусов, Ушатиков — А. Нехороших... Фигурой страшной, даже зловещей становится Меженин Г. Вавилова...

Причины успеха спектакля «Характеры» В. Шукшина были сокрыты опять же в его атмосфере, то озорной, то щемяще-грустной, а в целом серьезной, раздумчивой по интонации, какой окрашено все, что оставлено нам замечательным писателем.

Характеры возникают, множатся... Но нет в них пестроты. Есть диалектика — те коллизии, которые порождены разностью поступков, взглядов. Их не то что «примиряет» жизнь: такого не бывает. Но как бы сама жизнь указывает свежим зрительским душам в ту сторону, где находится правда и справедливость...

ВЕЛИ

К 80-летию со дня рождения Андрея Платонова

В. ЧАЛМАЕВ

...Андрей Платонов как будто писал нарочито «тихо», не пробуя никого вокруг себя перекричать. Он вслушивался в мелодию мысли глубокой, постоянно обновляющейся. Слов громких, но бездуховных он стыдился. И писательский голос его, слегка приглушенный, утомленно-печальный, по-чеховски сдержанный, покоряет бесконечной собранностью, кротостью. Кажется, он никогда не знал весеннего буйства красок. Всегда над ним серовато-лиловое небо осени, холодок зрелой пронзительности мысли, одним словом, то, что увидел Ф. И. Тютчев в ранней среднерусской осени:

...изнеможенье — и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном
мы зовем
Божественной стыдливостью
страданья.

С немногих платоновских фотографий смотрит сейчас на нас человек, не знавший экстаза театральности, плена славы, человек, одухотворенный всепоглощающей заботой о человеке. На этом лице замечаешь одни глаза — живую поверхность его сердца. Вся телесная оболочка кажется и простоватой, «арифметической», и хрупкой для того огня сложной мысли, который он, автор «Джан» и «В прекрасном и яростном мире», вызвал в себе.

«Сказка жизни» Андрея Платонова, особенно на первых ее страницах, тоже необыкновенна и даже фантастична. Он родился в 1899 году в семье многодетного слесаря из Ямской слободы на окраине Воронежа. И с детских лет изведал горечь жизни «в людях», расслышал противный стук нужды в дверь. Поденная работа в разных местах, нередко по 16 часов в сутки, «за хлеб», который он приносил младшим братьям и сестрам, но одновременно и восхищение миром умных машин, паровозом, нашедшим затем в Платонове своего певца... Наконец, революция и «дробные» фронты под Новохоперском в 1919 году, где Платонов был уже корреспондентом «Известий Воронежского укрепрайона»...

Очевидцы последующего стремительного взлета Платонова, рабочего-самоучки, изумлялись многому. Первой крупной публикацией Платонова, недавнего помощника машиниста, страстного пропагандиста ленинского плана электрификации, была брошюра «Электрификация» (1921). И делегаты Воронежского съезда работников печати в 1920 году были поражены не столько докладом Платонова о плане ГОЭЛРО, сколько самим фактом: «не успел еще радиотелеграф полностью передать всего плана... инженера Кржижановского, а в нашем городе простой рабочий-журналист смело заявляет, что нужно поддержать предложения великого техника, что они вполне приемлемы и что в них наше спасение от голода, холода и нищеты» («Воронежская коммуна», 1920, № 295).

Откуда что взялось? Может быть, все великое действительно не имеет наглядных причин и окружает нас сразу, как лес, скрывая тайну и скорость роста?

Платонов в 20-е годы, с одной стороны, неутомимый пропагандист науки, яростный поклонник машин, мелиоратор, построивший в родном воронежском подстепье, на земле Кольцова и Никитина плотины, колодцы, водоемы. Он призывал научную мысль, веявшую доселе над землей, как горный воздух, невесомый эфир, «влиться, вгрызться в землю и перестроить ее». И одновременно работал и сам, оставляя для дел по мелиорации и поэзию (хотя в 1922 году вышел его сборник «Голубая глубина», близкий космической лирике поэтов «Кузницы», замеченный В. Брюсовым), и журналистику, и диспуты в рабочих клубах, университете.

Но за кажущейся пестротой интересов, распыленностью внимания молодого энтузиаста науки таилось зерно высшей сосредоточенности. Революция оживила ростки многих идей. Великая гуманистическая идея, грандиозная утопия, родственная золотой мечте К. Э. Циолковского об эфирных поселениях в околосолнечном пространстве, мысль Н. Ф. Федорова об общем деле человечества необъяснимо властно увлекла Платонова. Из бесплотного мира мечтаний — а ведь человечество никогда не мечтало впустую! — Платонов взял, наполнил силами своей яркой революционной души, надеждами сердца одну мечту...

О чем? «Как случайную, нечаянную жизнь человека превратить в вечное господство над чудом вселенной» («Эфирный тракт»).

Не ожидать пассивно будущего, не высматривать робко кусочек его из «кокона» жалкого одиночного бытия, а объединить всю свою деятельность, энергию, разум для завоевания будущего! Таково единственное предназначение человечества в его взаимоотношениях со средой, взятой, конечно, в космических масштабах. Как у того же К. Э. Циолковского и его идейного вдохновителя, «московского Сократа», беззаветного пропагандиста науки Н. Ф. Федорова.

Это начало и есть загадка Платонова, секрет его уникального, не поддающегося «разгерметизации» художественного мира: он начал его строить с верхнего этажа...

О чем мечтают усвоившие жгучую платоновскую потребность действий инженеры-Прометеи космической эры — в ранних повестях Платонова «Потомки солнца», «Лунная бомба», «Эфирный тракт»?

Они, строя космические корабли, отыскивая электромагнитное русло притока эфира к электронам, ищут всецело в духе создателя «Философии общего дела» Н. Ф. Федорова, как отметила современная исследовательница творчества Платонова Н. Малыгина, «универсальное средство», призванное избавить человечество от голода, нищеты». Один из героев Платонова восклицает:

— Эх, земля! Не будь мне домом — несись кораблем небес!.. Ответь, обыватель, на корабле мы или в хате? Ага, на корабле,—

ЧИЕ ПРОСТЫХ СЕРДЕЦ

Андрей Платонов с сыном. 1946 год.

тогда держи руль свинцовыми руками... («Эфирный тракт»).

Все восходящее в те годы восходило как будто к одной точке. И можно изумляться тому, сколько «мелочей», близких гениальным догадкам К. Э. Циолковского, А. Л. Чижевского, С. П. Королева (скажем, открытие современной биоэнергетикой «электростанции живой клетки» и путей увеличения ее запасов), ожило в этой полузабытой научной фантастике Платонова! Россия в те годы действительно была, как сказал В. О. Ключевский, не очень опрятной «деревенской люлькой, в которой возилось и кричало мировое будущее». В том числе космическое...

Однако завоевание будущего, великое распрямление человека, бесподобное — и тревожное! — увеличение его власти над планетой и своим прошлым — непрочно, обманчиво, односторонне вне великой гуманистической традиции. Прежде всего вне уроков Пушкина, которого Платонов любовно назвал «наш товарищ» в статье 1937 года. Велика мощь научного разума, бесконечно заманчива мечта-утопия того же Н. Ф. Федорова, к которому с большим уважением относились и Л. Н. Толстой, и Ф. М. Достоевский, и А. М. Горький. Прекрасна его мечта о том мгновении, когда «земля станет первою звездою в небе, движимой не слепой силой падения, а разумом, восстанавливающим и предупреждающим падение и смерть...». И для Платонова день претворения этой утопии, как и для автора «Философии общего дела», — «день желанный, от века чаемый, необъятного неба ликование...».

Но слово Пушкина, а позже и Горького, высоко ценившего талант Платонова и особенно «нежность отношения к людям», для Платонова, создателя классических советских новелл «Фро», «Река Потудань», «Июльская гроза» и «Возвращение», неизмеримо выше любых построений утопистов и ослепленных мощью машин инженеров. Платонов 30-х годов, открывший для себя Пушкина и частицу Пушкина в себе, — это новый художник. Пушкин научил его видеть великое созидание, идущее в глубинах быта, в пестром смешении «высокого» и «низкого», научил найти свою «Ассоль из Моршанска», будущую героиню «Фро».

Величие простых сердец... Это истинно платоновская тема, открытая при свете Пушкина. Пушкинский Евгений из «Медного всадника», как писал Платонов, «тоже ведь «строитель чудотворный», как и Петр I, — «правда, в области, доступной каждому бедняку, но недоступной сверхчеловеку: в любви к другому человеку» («Пушкин — наш товарищ»).

Через Пушкина, через которого, вероятно, вообще на Руси умнело все, что способно поумнеть, и свершился главный творческий подвиг Платонова.

В лучших своих произведениях, начиная с «Ямской слободы» (1927), «Сокровенного человека» (1928), «Джан» (1934) и кончая рассказами «Афродита» и «Неизвестный цветок», Платонов, сохранив величественную космическую перспективу конечной цели человечества, раскрыл с замечательным психологизмом в ситуациях бытовой жизни, труда, войны процесс непрерывного «зодчества», созидания нового человека и новых гуманистических взаимосвязей человека и народа. Величие простых сердец — единственная гарантия любого величия науки, ее вмешательств в судьбы вселенной. Без этого величия нет истинного завоевания будущего.

Общеизвестна та жизненно-философская формула, которую часто используют для емкого определения гуманизма Платонова. Старый машинист из рассказа «Старый механик» говорит жене, торопясь в депо: «Народ там есть, Анна Гавриловна, а меня там нет. А без меня народ неполный!»

Платоновские машинисты и мастера в «Происхождении мастера», «На заре туманной юности», «Фро», вошедшие в историческую память народа краснофлотцы, преградившие путь фашистским танкам в Севастополь («Одухотворенные люди»), его дети с их «вкусом гуда» жизни («Июльская гроза», «Ветер-хлебопашец») — это замечательная галерея характеров. Без них не полон был бы портрет родной страны, советского народа.

Сейчас, когда многие сочинения Андрея Платонова (и прежде всего повесть «Джан», обретшая заключительные главы, объемом в два печатных листа) появились наконец по рукописям в полном виде (А. Платонов. Избранные произведения в 2-х томах. «Художественная литература», 1978 г.), читатель поразится философской глубине чудесных формул, некогда устранявшихся в газетах и журналах как «усложненное мудрствование». Нельзя, например, не восхититься мыслью Платонова-гуманиста об особой власти детской наивности и слабости над сердцами взрослых, восстановленной в «Маленьком солдате»: «Эта слабость детского, человеческого сердца, таящая за собой постоянное неизменное чувство, связывающее людей в единое родство, — эта слабость означала силу ребенка»... И в повести «Джан», кончавшейся ранее несколько пессимистично — после героических усилий коммуниста Чагатаева народ «Джан», выведенный им из теснин горя, все же разбредался вновь, — теперь появилось иное звучание: «Никакой народ, даже джан, не может жить врозь: люди питаются друг от друга не только хлебом, но и душой, чувствуя и воображая один другого; иначе что им думать, где истратить нежную, доверчивую силу жизни, где узнать рассеяние своей грусти и утешиться, где незаметно умереть... Питаясь лишь вообржением самого себя, человек скоро поедает свою душу, истощается в худшей бедности и погибает в безумном унынии».

Но растущее воздействие гуманистических формул Платонова усиливается не только благодаря их количественному приумножению. Еще важнее удивительная созвучность жизненных путей, «душевных биографий» платоновских героев современным раздумьям о прекрасной, желаемой часто сущности человека.

Совсем недавно один педагог раздумывал о сложном процессе воспитания: «К сожалению, приходится отметить, что нередко происходят своего рода **утечки ранней детской одаренности.** Малыш, блиставший живостью ума, свежестью восприятия, довольно часто вырастает в весьма заурядного взрослого».

Всматриваясь в страстные искания платоновского красноармейца Никиты Фирсова, чья душа, как река Потудань, долго словно таилась и холодела подо льдом («Река Потудань»), в просветляющий вывод Иванова, долго чувствовавшего «другую жизнь через преграду самолюбия и собственного интереса» и лишь при виде бегущих за ним детей «внезапно коснулся ее обнажившимся сердцем» («Возвращение»), наконец, сочувствуя Фро, обзывающей себя же мещанкой за бестолковость в понимании проектов мужа-технократа («Фро»), мы вновь ощущаем, как Платонов, искавший выхода в счастье для человека, приходит нам на помощь.

Где этот выход? Как пересоздать мир и самого себя, чтобы не пропадала бесплодно впустую, не истощалась среди суеты, раздражения священная энергия многих юных душ? Не иссыхали, как речки в пустыне, благородные стремления сердца? Пушкинский вопрос перед неразгаданной загадкой жизни, ее целью —

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана? —

все платоновские герои переосмысливали многократно. Да, можно действительно растратить, распылить жизнь, талант, и тогда она действительно предстанет как «дар напрасный, дар случайный»... Можно дать увлечь себя мнимо достойными целями. Трагедия пропащей силы, потерянных поколений повторяется еще — одна из мрачнейших для Платонова. Его вера в возможности найти такие великие цели, выработать истинно гуманистические связи с людьми, с поколениями ушедшими и грядущими, вера в то, что жизнь может стать даром вовсе не напрасным, а оправданным, закономерным, — это бесценное достояние нашего времени.

Андрей Платонов — «очарованный странник» в литературе, верящий в ее способность одухотворить мир, внести в него то, чем извечно «голодно» человечество — теплоту единения и братства людей, — успел написать не столь много. Правда, часть его наследия — и прежде всего драматургия — ждет публикаций, ждет читателя и зрителя. Но он не знал горения вполнакала, не терпел пустых приготовлений к «изречению мысли», той рекламной барабанной словесной дроби, с помощью которой иные писатели готовят читателя, как к кульминационному цирковому номеру, к восприятию, увы, часто пустоватой мысли.

Все в его творчестве оплачено высшей ценой — истраченного на каждую строку вещества жизни, собственного существования. О многом, созданном этим художником, о его героях и о мире, их окружающем, суровом и напрягающем парус мечты, можно с благодарностью сказать словами горячо любимой им А. Ахматовой:

О, есть неповторимые слова,
Кто их сказал —
истратил слишком много.

Глава 28

РАССКАЗ СВЕТЛАНЫ СУХОВОЙ

Нейрохирург, сделавший Светлане Суховой операцию на черепе и затем лечивший ее, был опытным врачом. Вначале он остерегался обнадеживать Веру Сергеевну скорым и полным выздоровлением ее дочери, потому что и сам не был в нем уверен. У него имелись основания сомневаться в возможности полного восстановления некоторых функций травмированного мозга. Правда, он рассчитывал на мощные компенсационные ресурсы молодого организма, но многое представлялось ему проблематичным. Однако на третьем месяце лечения стало ясно, что окончательной поправки ждать совсем недолго, о чем он и сообщил с великим удовольствием Вере Сергеевне.

В первых числах августа к Светлане вернулись зрение и слух. Через неделю она стала говорить. До неузнаваемости исхудавшая за полтора месяца, в течение которых ее питали через вены, она быстро начала набирать вес. В конце августа ей позволили встать с постели. В середине сентября Вера Сергеевна взяла дочь из клиники. Домой они дошли пешком — так захотела Светлана...

Для завершения дела Кутепова недоставало лишь показаний самой потерпевшей.

Майор Семенов поговорил с врачом — тот заверил, что она готова давать показания, ее здоровью это не повредит. Пригласив подполковника Орлова к себе, Семенов послал за Светланой машину.

Они не знали, как выглядела Светлана до случившегося, но сейчас увидели высокую, стройную девушку, может быть, излишне полную для своих лет. Смотрела она уверенно. Физическая травма явно не нанесла ей травмы психической.

Беседа была долгой. Светлана рассказывала, Семенов и Орлов слушали, изредка вставляя вопросы.

Вот основная часть рассказа Светланы.

«Весну семьдесят второго мы с Галей Нестеровой ждали с таким нетерпением, прямо дни считали, когда станет тепло. У нас уже много отличных вещей было. Конечно, можно и зимой носить, но одно дело, когда ты идешь в замшевом костюме, а поверх надето зимнее пальто, и совсем другое, когда без пальто. Тут и аксессуары играют, а их у нас тоже хватало,— Пьетро все выбирал со вкусом и в самых разных стилях.

Виктор Андреевич за зиму еще три раза ездил в Италию и навез нам столько — не знали, куда девать, где прятать. Пришлось мне подключить Таню Балашову, нашу, из универмага. Она одна живет, без родителей, у нее и оставить можно и переодеться. Конечно, когда прятать приходится—это сплошное дерганье, но что делать? Продавать вещи жалко было. Мы же не спекулянтки, правда?

Все-таки наши мамочки что-то почуяли. Я своей врала, честно сознаюсь. Ну, она сначала верила, что я в долги влезаю, а потом сообразила: сколько же у меня должно накопиться долгов? И кто это такой добрый нашелся — тысячами дает, а когда получать будет, неизвестно. В конце концов я сочинила историю про пожилого поклонника. Предлагает пожениться. Все подарки от него.

В общем, ничего, обошлось у меня с мамочкой, она у меня добрая, а вредной так и никогда не была, не то что Галкина маман. Но, оказалось, мы с Галкой зря на Ольгу Михайловну грешили, она в данном случае вела себя с большим понятием. Мы думали, объяснять ей насчет моего поклонника и почему он подарки из-за границы присылает — все равно что лапшу на уши вешать, как Леша выражается, то есть абсолютно бесполезно, не поймет. А она все прекрасно поняла, когда Галка ей мою историю рассказала.

Да, я забыла про тот перстень. Галка наплела матери, что у одной ее знакомой студентки тяжело больны родители, надо ехать лечиться на целый год, а денег нет, и вот они решили продать перстень. Ольга Михайловна за семьсот рублей покупать не хотела, говорила, это с ее стороны будет просто грабеж. Она очень хорошо в таких вещах разбирается, почти как настоящий ювелир. Но почему-то не пришло ей в голову спросить: чего ж эти бедные родители в скупку колечко не сдадут? А вообще-то она со странностями, могла об этом просто не подумать. В общем, она сказала, честнее будет предложить хотя бы девятьсот рублей. Галке спорить ни к чему, она взяла девятьсот, Виктору Андреевичу отдали семьсот — сколько просил. Две сотни оставили себе.

У нас с Лешей тогда, между прочим, опять дружба начала налаживаться, хотя он, как увидит меня в заграничном, обязательно начнет подковыривать. Я этого не люблю. Сама умею. Но у него занятно получается, ему простить можно. Ну вот, я его пригласила погулять — на те деньги, конечно,— а он мне чуть по роже не съездил. И с тех пор опять разъехались. Если по-честному, то мне тоже, как и Галке, стыдно было из-за тех двух сотен, но только пока их в сумке таскала, а когда потратила — забыла и про перстень и про эти несчастные рубли. Ну, думаю, никого же мы не обманывали. Виктор Андреевич сам семьсот запросил, Ольга Михайловна сама на девятьсот напросилась, разницу мы оприходовали — с кого спрашивать? Не выбрасывать же, когда тебе дают. Может, я не права, не знаю, но тогда над этим не рассуждала. Меня больше другое задевало. Сейчас скажу.

Вот представьте себе. Живет девушка как девушка, не хуже других. И вдруг подходит к ней красивый молодой человек, иностранец, признается в любви и на следующий день уезжает. Он ей в общем-то до лампочки, несмотря на красоту, но он вдруг начинает посылки присылать в доказательство своей любви, а в письмах пишет, что просто умирает от тоски.

И вот представьте, я тоже понемногу в него влюбилась. Выходит, за тряпки и за колечки? Никуда не денешься — значит, за тряпки. Я вам честно признаюсь — так оно и было, но вы можете верить, что я себя за это презирала. Я себя иногда спрашивала: сколько же ты стоишь? А когда человека можно оценить в рублях — неважно, в тысячах или там в миллионах — это уже не человек, а так, предмет для продажи.

Я никому о своих мыслях не говорила. Галка, знаю, тоже так думала, но тоже молчала. Так иногда буркнет что-нибудь, поворчит неопределенно, а вещи брала одинаково со мной. Тут мы обе хороши, ничего не попишешь.

Но Виктор Андреевич меня всегда удивлял. Как будто у него такой аппарат был — для чтения мыслей. Он, например, все время нас уверял, что от любящего человека подарки принимать не грех и что вообще в большинстве случаев мужскую любовь можно измерить подарками. Если одни слова, а раскошелиться рука дрожит — значит, никакой любви нет. Грубо, конечно, но мне казалось, что доля правды в этом есть. А это успокаивало. Вот так побесишься, побесишься, а потом посидишь с Виктором Андреевичем за рюмочкой — и успокоишься.

Только один раз подозрение у меня появилось. В конце апреля я получила от Пьетро письмо по почте, на универмаг, потому что домашнего адреса я ему не давала. Письмо брошено в Москве. Это было уже после пятой посылки. Читаю и ничего не пойму. Разговор такой, будто ничего между нами нет и не было. Просто вежливое послание девушке. Даже спрашивает, не совсем ли я его забыла. И про Виктора Андреевича ни гу-гу. А он же вроде специального курьера между нами. И, пожалуйста, о нем ни звука, даже и привет не передает. А почерк тот же... Хотя какой почерк? Так, наверное, все первоклашки пишут. А в самом конце маленькими буквами написано, что он приедет в Советский Союз и не позже двадцать третьего мая будет в нашем городе.

Я сдуру показала это письмо Виктору Андреевичу. И вы знаете, первый раз тогда видела его расстроенным. Еще подумала: вот как можно обидеть человека.

Мы тогда сидели и разговаривали в «Пирожковой», знаете, там столики прямо около тротуара стоят, на открытом воздухе. Виктор Андреевич мне бутылку «Байкала» взял, а себе минеральной, ничего спиртного там не продают, мне просто пить захотелось. А у меня как раз чулок поехал — о стул зацепила. Чтобы петля дальше не спустилась, надо прижечь, а Виктор Андреевич не курит. Я тоже давно бросила. Ну, я его и попросила у кого-нибудь стрельнуть. Он сходил через дорогу в ларек, принес пачку сигарет и спички. Я закурила, прижгла чулок и машинально раз-другой затянулась, даже тошно стало.

Окончание. См. «Огонек» №№ 17—29, 31—35.

Олег ШМЕЛЕВ
Владимир ВОСТОКОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

И надо же, тут мимо проходил Витек, парнишка из нашего двора, Лешин адъютант. Ну и, конечно, увидел меня. А он не только глазастый, но и вредный иногда бывает. Рассказал моей матери. Та в слезы, у нее глаза на мокром месте. «Опять пьешь, опять куришь, не доведут тебя до добра такие знакомства» — и так далее...

В общем, после той встречи мы с Виктором Андреевичем долго не виделись. Правда, звонил и мне и Галке, но, по-моему, он и сам встречаться не очень хотел. Вроде отпуск себе взял и нам тоже дал отдохнуть.

В это время я пыталась с Лешей поговорить... Нет, конечно, чтобы наладить все как раньше — об этом смешно говорить. Он сильно обиделся на меня, я знала. А у меня в голове один Пьетро... Но я думала: почему мы с ним должны быть врагами? Он славный. И мы же по-настоящему дружили... В общем, я к нему первая подошла, он с ребятами около нашего парадного стоял, а я с работы возвращалась. Позвала его в сторонку, чтобы не при всех говорить, а он: «Что, Светлана Алексеевна, старички уже надоели?» А ребята ржут, довольны.

Да-а, такие дела... Ну, а потом — это после майских праздников было — Виктор Андреевич опять пожелал нас видеть, катал на машине и про племянника рассказывал, о котором раньше говорил. Сказал, что скоро сюда приедет дней на пять повидать дядю. Очень он его Галке нахваливал, прямо сватал.

Двадцатого мая Виктор Андреевич позвонил мне вечером домой и попросил разрешения повидать меня завтра, но без Галины, одну. Сказал, есть деловой разговор. Я подумала: опять едет в Италию.

Мы встретились в половине девятого, еще светло было. Он ждал меня в своей машине на улице Тургенева, возле сквера. Поехали по Московскому шоссе, он сказал, посидим, если я захочу, в ресторане «Лесной», это километров двадцать от города, вы, наверно, знаете. Но в ресторан мы не попали... Мы до «Лесного» не доехали. Виктор Андреевич свернул на какое-то другое шоссе, потом на проселок и предложил выйти погулять. Ни о каких делах до той минуты он не заикался. Вообще всю дорогу непривычно как-то молчал.

И вдруг... Чего угодно ждала, только не этого. Он говорит:

— Должен вам сообщить, Светланочка, мы попали в очень неприятную историю.

Спрашиваю:

— Кто это мы?

— Вы и я,— отвечает,— и отчасти Галя и ее мама тоже. Но в основном вы и я.

— Объясните,— прошу его, а у самой все внутри дрожит, нехорошо даже.

Ну, он объяснил.

— Как вы считаете,— говорит,— кто такой Пьетро Маттинелли? Он работал здесь в качестве инженера. Это верно, он и есть инженер. Но не только. Главная его работа носит секретный характер, понимаете? Вы удивлены? Я тоже был удивлен, но несколько раньше. И был так же напуган, как напуганы сейчас вы, моя дорогая.

— Чего вы от меня хотите? — спрашиваю.— Зачем я вам нужна?

— Не мне вы нужны,— сказал он.— Я только исполняю волю других.

— Но при чем здесь я?

Он в тот момент совсем на себя не был похож. Буквально незнакомый человек со мной разговаривал, как будто первый раз его видела. Глаза злые, усмешечка такая и даже голос другой. Говорит:

— Нет, дорогая девушка, сейчас я буду вопросы задавать. Вы сколько посылок получили? Если на деньги перевести — какую сумму это составит? Не считали или все-таки считали? А тот перстенек с изумрудом — он разве семьсот рублей стоит? И почему же вы его в скупку не сдали? Себе оставили или кому-нибудь уступили? Уж не почтенной ли Ольге Михайловне?

Я молчала, потому что ответ на каждый свой вопрос он сам заранее знал, это ясно. А что я могла добавить? У меня просто язык отнялся. Он дальше:

— Вы девушка умная, поэтому я обращаюсь к вашему разуму и прошу понять меня правильно. Ничего страшного не произойдет, если вы будете строго следовать моим наставлениям и хранить наши новые отношения в глубокой тайне.

— Какие же у нас будут отношения? — спрашиваю.

Он словно облегчение почувствовал, даже рассмеялся. И объясняет:

— Все останется по-прежнему, не беспокойтесь. Но вы, как только мы с вами договоримся, будете не просто девушкой Светланой, которая очень нравится Пьетро Маттинелли, но его ценной сотрудницей. А руководить вами он будет через меня. Повторяю, все это не столь трагично, как может показаться на первый взгляд.

— Но что я должна делать? — спрашиваю.

— Ничего особенного. Это даже нельзя назвать делом. Вы имеете большое влияние на людей, которые вас знают. Вот это мы и будем использовать.

До этого момента я была как оглушенная. Что-то спрашивала его, а в голове ничего не оставалось. Чувствую, творится что-то гадкое, подлое, а умом понять не могу. Но наконец-то до меня дошло. И злая я стала. И страшно сделалось. Даже подумала: может, все это просто шутка? Вот сейчас он кашлянет в кулак — он всегда так делал, когда собирался пострить,— и скажет, что разыгрывает меня. А он говорит:

— Вы, Светланочка, скоро увидите: все прежние подарки — мелочь по сравнению с тем, что вы сможете иметь, если будете меня слушаться.

Мне захотелось поскорее в город, домой, к маме. Так тошно, прямо сил нет.

— Едем отсюда,— прошу его. Между прочим, уже давно стемнело, и жутковатым мне показалось то место.

Он говорит:

— Еще минуту, мы не закончили нашу беседу. Вы должны сказать либо да, либо нет. Но во всех случаях я теперь вынужден заручиться вашим обязательством никому ни о чем не рассказывать.

— Расписку вам давать, что ли? — спрашиваю.

— Это ненадежно,— сказал он.— Мы придумаем более верные гарантии. А сейчас я должен вас предупредить: о нашем разговоре вы не имеете права сообщать даже Пьетро. Сам он об этом спрашивать вас, разумеется, не будет.

Тут только я подумала, какую же комедию целый год разыгрывал со мной этот Пьетро. И какой же надо быть сволочью и как нас с Галкой купили. Ненавидела я себя в ту минуту лютой ненавистью, как гадину последнюю. Губы себе все искусала до крови, чтобы не разреветься.

— Поедемте отсюда,— прошу его. Но он не торопится. Решил ковать железо, пока горячо. Говорит с издевочкой:

— Я понимаю, у вас незавидное положение и чувствуете вы себя скверно, но что же поделаешь? Уверяю вас, дорогая Светланочка, уже завтра вам станет значительно легче, а через неделю вы поймете, что ровным счетом ничего не произошло. Ну какая из вас шпионка? Вы же еще, в сущности, ребенок, а те маленькие услуги, о которых я вас буду просить, они же безобидны, как детский поцелуй.

Я застонала от тоски, и тут он добавил:

— Но если вы кому-нибудь проговоритесь — знайте: это будет стоить жизни и вам, и вашей матери, и тому, кто узнает нашу тайну.

До чего же ты докатилась, думаю. Если этот старый подонок не побоялся тебе в открытую говорить такие вещи — за кого же он тебя считает? Значит, уверен, что и ты гадина, которую за красивую тряпку можно с потрохами купить. Было бы что под руками, честное слово, я бы его убила.

— Мы уедем отсюда в конце концов? Или я уйду! — кричу ему.

Он мне руки больно сжал и говорит:

— Потише. Я вам все сказал. И не сомневайтесь, все так и случится, если вы не пожелаете держать язык за зубами.

Было уже, наверное, половина двенадцатого, когда мы приехали в город. Я хотела выйти из машины у первой трамвайной остановки, но он сказал: «Подвезу к дому». Ладно, думаю, все равно. Я уже решила, что надо делать. Приду, позвоню Лешке, попрошу зайти за мной, и вместе пойдем в КГБ, от нас десять минут пешком. Успокоилась, хотя очень курить захотелось.

Мы ехали к моему дому со стороны гаражей. Там и у Леши есть гараж для мотоцикла — он называет стойло. И вот, не доезжая до этого места, машина вдруг заглохла. Он сказал, кончился бензин. Я вышла, он тоже и говорит: «Я вас провожу». Я говорю, не надо, а он меня догнал и идет сбоку. Там узенький асфальт положен, вдоль забора тянется. Он спрашивает тихим голосом:

— Так мы договорились?

Я молчу.

— Светлана, вам же хуже будет, подумайте.

Не выдержала я, говорю:

— Сволочь проклятая, тебе в тюрьме место. Тут, наверное, он меня и ударил...».

Отправив Светлану домой, Орлов и Семенов еще посидели в кабинете.

Двойственное чувство вызвал у них ее рассказ. Им не понравилась манера изложения, но дело было не в лексиконе.

— Вот и спрашивай после этого: осознала или не осознала? — сказал Семенов.

— Неистребимая молодость,— иронически заметил Орлов.— Ты обратил внимание: она таким тоном говорит, как будто вообще ничего особенного не произошло... Ну, подумаешь, шла по дорожке, о камушек споткнулась, нос разбила...

— Тут ты немножко не прав,— возразил Семенов.— Она же не колебалась, что ей делать. Сразу решила заявить, куда надо. Поняла, что дело серьезное.

— Верно. Но она и до этого тоже не колебалась — брать или не брать все эти подарочки. Брала спокойно. И ничего не понимала. А скажи ей об этом — она бы посмеялась: отсталые взгляды и так далее. Оттрепать с самого начала как следует — все бы отлично поняла.

— Ты слишком суров. Это непедагогично,— сказал Семенов.

— Согласен, педагогической жилки у меня нет. Но нам с тобой еще придется с ней беседовать на эту тему. Как ты ее собираешься вразумлять? Такие, как она, журавля в небе не признают, голым призывом их не проймешь. На них действует только то, что можно пощупать руками.

Семенов видел, что Орлов по-настоящему расстроен рассказом Светланы Суховой. Он и сам в основном был с ним согласен. Но у них так уж повелось чуть ли не с момента знакомства, что всякий разговор превращался в дискуссию, в которой один был оппонентом другого.

— Я бы прежде всего показал ей, где именно и на чем она споткнулась,— сказал Семенов.

— А где? На чем? Как ты разложишь все это по полочкам?

— Ну, разных полочек тут хватает.

— Хорошо. Ты ей скажешь: все началось с легкомысленного знакомства. А она тебе скажет: знакомиться можно где угодно и с кем угодно, в том числе и с иностранцем. Так?

— Так и не так.

— Дальше. Ходила в рестораны и выпивала. А разве это запрещено совершеннолетнему человеку?

— Нет. Но надо знать меру.

— Она тебе ответит: а кто эту меру установил? И потом они же ходили с солидным человеком. Дальше. Принимала дорогие подарки от малознакомого мужчины. А почему не принять?

— Нужно иметь чувство собственного достоинства,— скажу ей я.

Орлов усмехнулся.

— Собственное достоинство руками не пощупаешь. А красивые вещи можно надеть. Ты ее — отвлеченным понятием, а она тебя — тряпкой, и семь — ноль в ее пользу.

— Подожди, Михаил Петрович,— возразил Семенов.— Ты ее совсем уж отпетой считаешь, непробиваемой.

— Не ее. Я тебе просто воспроизвожу возможный вариант душеспасительной беседы. Сухова — не пропащий человек, возможно, я на нее грешу. Я про то, что есть люди — ничем не удивишь, ничем не проймешь, хоть кол на голове теши. Знаешь, сейчас много таких бывалых развелось. Ты ему говоришь: у меня в ванне крокодил живет, вчера напился виски, уснул с горящей сигаретой, пожар устроил, пожарные приехали — он дверь не открыл, послал их подальше. А бывалый тебе: ну и что?

— На то он и бывалый,— сказал Семенов.

— Правильно, и черт бы с ним. Но бывалые — они же еще и широкие натуры. Не в смысле попировать, хотя за чужой счет и это могут. У них, видите ли, широкие взгляды. Терпимость и снисходительность.

— А чем это плохо — терпимость и снисходительность?

— Тоже правильно, прекрасные вещи. Но только не за чужой счет. Ты попробуй проверить их собственную терпимость. Наступи на любимую мозоль. Ого-го! Крику не оберешься.

— Тебе не кажется, что мы немного отклонились от темы? — спросил Семенов скорее риторически.

— Нисколько.

— Но все-таки нельзя во всем винить одну Сухову и ее подругу. Они живут не в безвоздушном пространстве.

— Ты хочешь сказать: куда смотрел коллектив и родители?

— Да. Обычно именно этот вопрос встает в подобных случаях.

— Видишь ли, мы с тобой уподобились резонерам. Мне это не нравится, я закрываю диспут.

ЭПИЛОГ

Остается сказать несколько слов в заключение.

Истории, аналогичные той, в которой принимали участие Брокман и руководивший его действиями на территории Советского Союза сотрудник разведки, прикрывавшийся дипломатическим паспортом, к сожалению, не единичны. О некоторых сообщалось на пресс-конференциях и в периодической печати.

Цели иностранных разведывательных ведомств остаются неизменными — методы меняются. Советские контрразведчики, свято хранящие высокие чекистские традиции, вскрывают тайные враждебные акции во всеоружии профессиональных знаний и опыта. И как бы ни изощрялась агентура зарубежных разведцентров, все тайное неизбежно становится явным. Так было, есть и будет.

Что касается личных судеб агентов, прошедших перед читателем, то каждому воздалось по делам его. Был суд, и их приговорили к различным срокам лишения свободы.

Копия обвинительного заключения и копия приговора были подшиты в последний том дела, в котором хранились документы, относящиеся к операции «Резидент». И на этом операция закончилась.

Л. Лабенок. Род. 1927. ПАПА.

Выставка украинских художников «Навеки вместе», посвященная 325-летию воссоединения Украины с Россией.

М. Тодоров. Род. 1916. УТРО.

Выставка украинских художников «Навеки вместе»,
посвященная 325-летию воссоединения Украины с Россией.

...И ОЖИВАЕТ СТАРИНА

И. МИХЕЕВА

Мы в древних стенах Новоспасского монастыря на берегу Москвы-реки. В XV веке он был крепостью-форпостом против иноземных нашествий. Сейчас реставрируется, здесь собираются открыть музей. А в жилых корпусах располагается Всесоюзный производственный научно-реставрационный комбинат Министерства культуры СССР. Под его опекой — всемирно известные памятники русской архитектуры, усадебные и мемориальные ансамбли.

— Серьезное внимание уделяется поддержанию и восстановлению мемориальных ансамблей, связанных с именем Владимира Ильича Ленина,— рассказывает заслуженный архитектор СССР Л. А. Петров.— Большая работа проделана по реставрации дома в Ульяновске, по созданию музея-заповедника в Шушенском «Сибирская ссылка В. И. Ленина». Там были восстановлены оба дома, в которых жил Ленин, и часть села с тремя десятками крестьянских домов в том виде, в каком его видел Ильич.

Дела комбината разнообразны и многосторонни. Его сотрудники (а их полторы тысячи человек — архитекторы, художники, рабочие) реставрируют исторические здания и произведения живописи, воссоздают ткани, антикварную мебель. Есть здесь специалисты по чеканке, позолотным работам, по восстановлению осветительной арматуры и художественных изделий из металла.

«ЗЕЛО КРАСЕН»

— Самое главное для нас — это Московский Кремль, — рассказывает главный архитектор комбината Лев Артурович Давид.— Мы проводим здесь большую работу: укрепляем стены, башни, удаляем обветшалые участки кладки, делаем инъекции, наносим водоустойчивую эмульсию.

Архангельский собор мы привыкли видеть белым. Архитекторы Н. Д. Виноградов, Д. П. Сухов, А. И. Власюк проводили исследования и установили облик собора, каким он был возведен венецианцем Алевизом Новым. Осторожно снимая штукатурку, делая расчистки, архитекторы обнаружили, что выступающие части — карнизы, пилястры — были белыми, а собор расписан под кирпич. Почему? Архитектор С. С. Подъяпольский, который несколько месяцев пробыл в Северной Италии, рассказал, что некоторые памятники того времени решались там именно таким образом. Так работа исследователей позволила представить собор в том виде, в каком его создал архитектор. Был большой соблазн восстановить собор в первозданном виде, даже проект разработали (архитектор В. Н. Меркелова). Однако тогда собор выпадал бы из современного ансамбля Кремля. К тому же и у нас и за рубежом пришли к выводу, что не всегда нужно восстанавливать древнее сооружение в первоначальном виде, надо бережно относиться и к поздним напластованиям. Ведь они отражают новые веяния, вкусы, события и зачастую оказываются даже более интересными, чем памятник только одной эпохи, чем творчество одного архитектора.

Вот и было принято решение: во время реставрации учесть исторические процессы, через которые прошел Архангельский собор. Что сделали? Укрепили, где нужно, своды, восстановили утраченные архитектурные детали, заменили покрытия на медные. А первоначальный вид собора остался запечатленным на бумаге — на чертеже.

Однако нередко реставраторы с полным основанием идут на ампутацию всех поздних наслоений. Исторические данные свидетельствуют, что собор Андроникова монастыря возник в конце XIV — начале XV века. Это было время становления архитектуры московской школы, которая оказала большое влияние на развитие общерусской архитектуры. Позднее зодчие не раз обращались к архитектурным формам этого собора...

Лев Артурович продолжает свой рассказ:

— Мой учитель и учитель многих архитекторов-реставраторов, Дмитрий Петрович Сухов, член-корреспондент Академии архитектуры СССР, иногда говорил: «У тебя получилось лучше, чем в шестнадцатом веке». И это, представьте, было страшным укором для нас, его учеников. Но здесь такого не произошло. При реставрации собора Андроникова монастыря архитекторы пожертвовали наслоениями шестидесятых годов прошлого века. Ведь под ними скрывалось бесценное: воспроизведение утраченного открыло прекрасный памятник раннемосковского зодчества, возведенный при участии великого художника Андрея Рублева... Реставрация этого собора была начата в шестидесятые годы, а окончена четыре года назад. Этим храмом, который в древности наделили эпитетом «зело красен», любуются теперь и москвичи и гости столицы.

Иногда задают вопрос: что думают реставраторы, работая над древними памятниками, об окружающей среде, о городе? Они возвращают городу памятники старины. А градостроители, создатели нового должны относиться с неизменным уважением к тому, вокруг чего они создают современную городскую среду.

КАК ДЕЛАЮТ БРОКАТЕЛЬ

После беседы с архитекторами идем в мастерскую по воссозданию тканей, единственную в нашей стране. Мерно шумят ткацкие станки. Ткачихи здесь опытные. А. Д. Пыркова, например, работает уже лет тридцать, начинала еще девочкой в Павловом Посаде. А производительность... от десяти до пятидесяти сантиметров за смену.

Художник С. Х. Пунча в мастерской восстановления тканей.
Фото И. Гаврилова

Иначе тут нельзя: мастерицы ткут старинные материи для музеев — шелковую мебельную брокатель, цветную с узором камку, узорчатый штоф. А на этом станке делают аграмант — узорчатое плетение из шнура для Музея Станиславского в Москве. Жизнь ткани недолгая — всего-навсего лет тридцать, а потом что?.. Вот и идут в мастерскую письма-заказы из самых разных музеев Советского Союза.

Шелк-сырец — здесь работают на натуральном сырье — разматывают и крутят машины. В красильне — и она есть в мастерской — готовят краски по рецептам начала XIX века. Их обнаружили в одной старой книге из библиотеки имени В. И. Ленина. Краски в основном применяют натуральные. Очень распространен был раньше в тканях, гобеленах и шпалерах золотистый тон. Для него идут в ход кора крушины, березовые почки, зверобой. Желтый цвет дают корни барбариса, а красный — марена. Вот только плохо с синим: натуральных красителей нет, а искусственные не очень-то пригодны для старинных тканей.

Но как же все-таки воссоздают ткани? Пришел, скажем, образец из Петродворца. (Кстати, в мастерской делали для этого музея много тканей — для Куропаточной гостиной, Голубой приемной, Кавалерской.) Художники А. А. Фейгина, С. Х. Пунча, В. Т. Рыбчевская прежде всего анализируют переплетения нитей и плотность материи. Затем абсолютно точно снимается рисунок, по которому и заправляется станок. А если нет образца? Тогда воссоздают ткань по старым описаниям. Получили в мастерской такое описание для Кусковского музея: «Штоф трехцветный, по нему персонажи, птички и цветы». И начинаются поиски в архивах. Нашли подходящий кусок в Эрмитаже, но рисунок крупнее, чем нужно. И поиски продолжаются.

...Мелькают челноки с разноцветными нитками. Это идет белый атлас с розовыми нежными букетами для Петродворца. А по соседству ткут малиновую с желтым тафту для занавесей музея в Кускове.

МАСТЕРА—ЗОЛОТЫЕ РУКИ

На полках — шары, кубки, керосиновая лампа, старинный самовар. А в углу — давильный станок, такой же, как и полтора века назад. Только тогда его приводили в движение подмастерья, а теперь — мотор. Тут же деревянные формы и давильные инструменты.

— Сложная наша работа и потому интересная,— рассказывает давильщик Борис Федорович Серебряков.— Металл нужно чувствовать и знать дерево. В нашем деле лучшая древесина — береза и бук: и форму держат и не ломаются. Когда, например, люстра поступает на комбинат, архитекторы смотрят, в каком она состоянии, и решают, что можно реставрировать, а что придется заменить. Получим эскиз и сначала крепко подумаем, как тут быть. Потом вырезаем заготовку нужного размера из металла и давим инструментами так же, как делали наши прадеды сто лет назад. Сколько раз давильником по металлу проведешь! Смотреть нужно остро, чтобы металл не прогнулся, не сгофрировался.

Борис Федорович в войну, мальчишкой еще, точил мины для фронта. Потом отслужил в армии, и привлекло его редкое ремесло давильщика. Учился у стариков, до тонкости знавших дело. А теперь свои знания, свое умение сам передает ученику.

Работают давильщики в тесном контакте с осветителями. Работу ведь одну делают. Интересна история создания фонарей для музея в Кускове. На чертеже усадьбы крепостного архитектора А. С. Миронова изображены четыре фонаря. Проект их воссоздания разработал художник О. В. Никитин. По чертежу рассчитали высоту. Определили толщину металлического листа. Долго искали аналоги. И вот стоят эти фонари в мастерской. Совсем такие, как на чертеже.

Для Колонного зала Дома союзов в комбинате реставрировали около 400 люстр, бра, канделябров. Работали над ними и хрустальщики. Только в каждой люстре зрительного зала около семи тысяч хрустальных подвесок, а всего нужно было обновить около четырехсот тысяч хрусталинок: где отшлифовать, где отполировать. А потом все еще проволокой перевязать, нанизать по рисунку и смонтировать. Вот уж действительно кропотливый труд.

— Хрустальщики многое должны уметь,— говорит кавалер ордена «Знак Почета», бригадир Иван Иванович Петухов.— И гранить, и полировать, и шлифовать. И делать все это на самом высоком уровне — не хуже, чем в старину.

Дружба начинается с улыбки.

КОЛОКОЛА НАДЕЖДЫ

Н. ХРАБРОВА,
фото И. ТУНКЕЛЯ,
специальные корреспонденты «Огонька»

На аэродроме в Софии садились самолеты, прилетевшие из разных концов света. Они привезли в столицу Болгарии 1200 ребят — участников первой на нашей планете Международной ассамблеи детей. Это мальчики и девочки, но они уже понимают: чтобы ясным было небо над твоим домом, оно должно быть ясным над всей планетой.

Девиз ассамблеи — «Единство, творчество, красота».

«Уверен, что ваша встреча хорошо послужит утверждению благородных идеалов, заложенных в ее девизе»,—говорится в приветствии, которое направил ассамблее Леонид Ильич Брежнев.

Горячими аплодисментами встретили участники ассамблеи, собравшиеся в зале «Универсиада», руководителей партии и правительства Народной Республики Болгарии во главе с Первым секретарем ЦК БКП, Председателем Государственного совета НРБ товарищем Тодором Живковым.

Середина августа, а в Софии вдруг похолодало и задождило. Но Болгария, как мать, кинулась оберегать детей: всех, кто приехал налегке — а таких, не знающих в своих странах холода, сотни,— всех одела в яркие непромокаемые куртки и шапочки, обула. В корпусах студенческого городка, ставшего детским, включили отопление, на круглосуточное дежурство заступили врачи.

В аэропорту навстречу гостям выбегали болгарские пионеры, у каждого в руке роза, цветы тотчас переходили в руки русских и ангольских, венгерских и американских, вьетнамских и шведских, монгольских и английских детей.

Гости вручали Болгарии и ассамблее свои подарки. Только рисунков более шести тысяч, а еще стихи и новеллы, симфонии и песни, спектакли и оперы. Тринадцатилетняя софийская девочка Илиана Савова сказала: «Поэт приходит в мир, как счастливая капелька росы, которая может отразить в своем волшебном зеркальце все прекрасное, что есть на земле...»

Уникальнейший музей всемирного детского творчества только что родился в Софии. И, наверное, среди всех даров самый символичный — колокола. Отовсюду: из США, Бельгии, Непала, Танзании, Франции, Польши, Дании, Мозамбика, Никарагуа. У каждого своя история. Их голоса слились в один гимн мира и надежд. Светло зазвучала в нем мелодия колокола из СССР.

Удивлению перед умом, сердцем, талантом и мужеством людей из прекрасной Страны Детства нет предела. Взрослые говорят о них: «Они умны, добры, талантливы, очаровательны и отважны».

В парке Заимова только что возникла скульптура: ритмичное чередование бетонных кубов, украшенных мозаикой из цветной черноморской гальки. А вот и авторы — девочки из Бургаса Елена Пиперкова, Жасмина Бакалова, Донка Гутова, Фани Шаматова. С ними руководительница кружка Димитрина Караиванова. Девочки все делали сами — от рисунка до технического выполнения. У каждой много работ, да еще каких! В ноябре прошлого года они ездили в Париж на выставку ЮНЕСКО и покорили своим творчеством взыскательных парижан.

У выставочного зала на улице Шипка мы встретили советских ребят. Нас окружили пятнадцать пионеров с октябренком из Душанбе — Бежаном Пулоди, который возвышался на плечах высокого болгарского комсомольца. Бежан сказал мне, что он самый молодой композитор СССР. Москвичка Лида Щетинина — лауреат разных конкурсов, недавно закончила оформление новой книги Агнии Барто. Лида Кавина — композитор, певица и поэтесса. Ленинградка Таня Олейникова привезла свои стихи:

К нам приплыло в гости лето.
Нет, вприпрыжку прискакало,
Прилетело к нам ракетой
Или просто прибежало...

Раушан Аспендиарова из Алма-Аты — автор текста и рисунков в книжке «Часы», которая вышла тиражом 7500 экземпляров в издательстве «Жалын».

Потом мы слушали хор японских ребят, оперу маленьких перуанцев, литературную композицию гвинейцев. Все залы Софии были предоставлены детям, и жители города изумлялись, сколько детей земли знают болгарские песни...

А в одном из корпусов студенческого городка я познакомилась с тремя мальчиками из Никарагуа, еще не остывшими от войны тринадцатилетними солдатами-сандинистами: Роберто, Маркосом и Франсиско. Они не пишут стихов и не умеют танцевать.

— Мы споем революционные песни,— сказали ребята.

Прощаясь, все трое пожали мне руку, и я почувствовала, как жестки их совсем не ребячьи ладони. Еще бы, ведь эти руки делали бомбы и зарывали их в землю на пути врага, хоронили убитых — родных и товарищей, таких же, как они, совсем юных солдат свободы.

Здесь эти трое чуть-чуть отошли от войны. Свое оружие — пистолеты, настоящие, не игрушечные — они подарили Музею Георгия Димитрова. Ребята рассказали мне, что любят играть в бейсбол. Они без конца готовы были вспоминать про яркий праздник открытия ассамблеи. Их потрясло, что главы государств прислали детям такие добрые приветствия. И все трое не переставали удивляться, что софийские регулировщики останавливали поток транспорта перед детьми, а в украшенных детскими рисунками троллейбусах и трамваях можно ездить бесплатно. Я спросила ребят, чего им хочется больше всего.

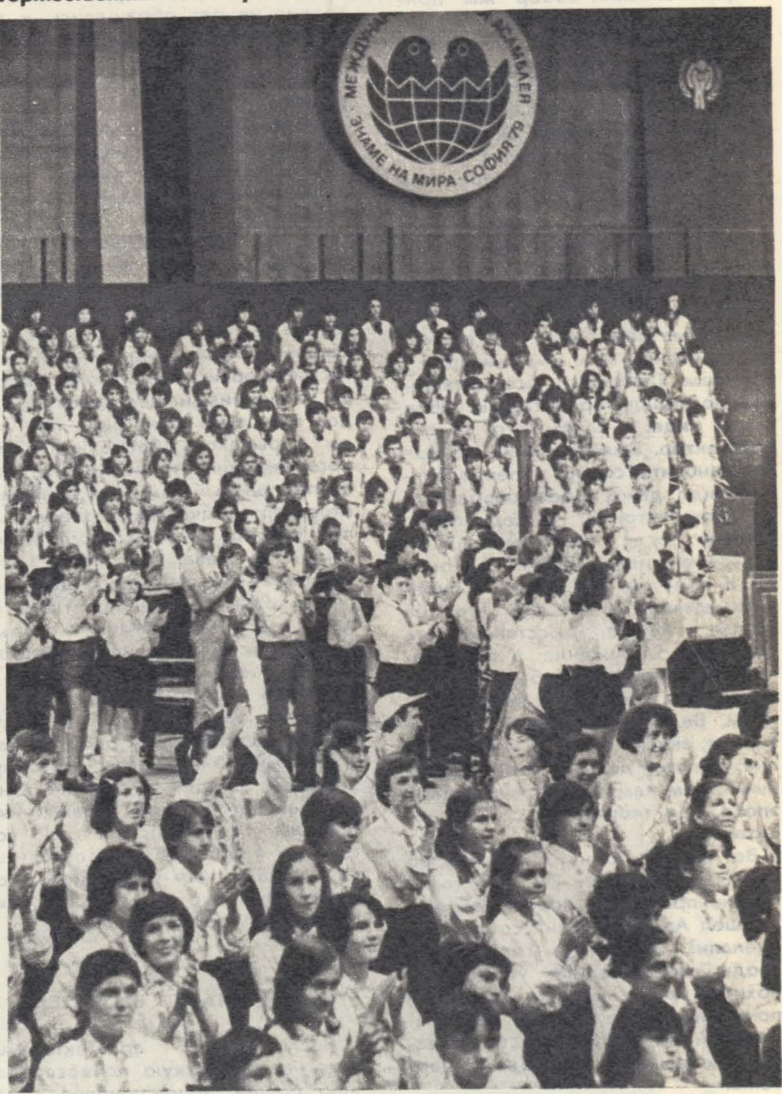
— Учиться! На Кубе или в СССР!

Ходил среди детей их общий любимец, сказочник с доброй улыбкой — Джанни Родари. На вопрос, какие надежды он возлагает на эту необычную ассамблею, писатель ответил:

— Это — великое благо для будущего целого поколения. Пусть они поиграют, понаслаждаются талантами и искусством друг друга, поговорят о своих заботах, именно так они станут друзьями. Миллионы ребят сейчас прислушиваются к ассамблее и тоже узнают и поймут радость дружбы и творчества. Это поколение дружбой своей объявит войну войне.

София.

Торжественный час открытия ассамблеи.

ТЕАТР НАЗЫВАЕТСЯ „ЭСТОНИЯ"

гастроли

А. ЗВЯГИНА

Гастроли — явление сезонное. Глядя не на календарь, а лишь на театральную афишу, можно сразу сказать, судя по количеству гастролирующих коллективов, что лето еще в разгаре.

У любителей театра богатый выбор, и они спешат его использовать полностью, но все-таки выбирается да и запоминается самое яркое и интересное. В целом же спектакли, привезенные в Москву Государственным ордена Трудового Красного Знамени Академическим театром оперы и балета Эстонской ССР, который так и называется — «Эстония», выдержали справедливый и строгий зрительский суд.

Первостепенное значение в этом театре придается актеру. Гордость коллектива — его солисты. Они развивают и хранят традиции вокально-сценического и хореографического мастерства, передающиеся из поколения в поколение.

Внимание к актерам главного режиссера А. Микка именно и дает простор творческой фантазии, сплачивая в то же время коллектив единомышленников, единый ансамбль художников. Здесь нет примадонн; здесь каждый актер — неповторимая художественная индивидуальность. Актеры тонко чувствуют своеобразие музыкальной драматургии, психологический настрой образов. Большой полноценный оркестр под управлением Э. Класа приобрел за последние годы еще и немалую концертную практику.

Некоторые спектакли «Эстонии», может быть, спорны, особенно это касается балетных постановок Май Мурдмаа на музыку Бетховена и Вивальди. Но в них чувствуется поиск и дерзание: жизнь реальная возникает в противопоставлении миру поэзии и искусства. С этим, разумеется, можно спорить. Но если искусство художника не оставляет нас равнодушными, значит, в нем доброе зерно.

Искусство Май Мурдмаа, пожалуй, несколько элитарно; оно обращено скорее к узкому кругу любителей хореографии. Зато эстонской опере присущ демократизм. Традиционность — в лучшем смысле этого слова — становится стержнем оперных спектаклей, хотя и в давних традициях Арне Микк ищет истоки новаторства... Он смело строит репертуар. Первым в стране Микк поставил три одноактные оперы Дж. Пуччини: «Плащ», «Сестра Анжелика» и «Джани Скикки», затем был осуществлен «Телефон» Дж. К. Менотти (1973), «Атилла» Дж. Верди (1976) и «Давай устроим оперу» Б. Бриттена (1977). Наконец, Микком осуществлена постановка оперы «Катерина Измайлова», интересного и очень непростого произведения Д. Шостаковича... Героиню, эту русскую леди Макбет, купчиху Катерину Измайлову играет заслуженная артистка республики Маре Йыгева. В основе образа — безысходность и тоска. Серая, вязкая скука душит, дурманит молодую женщину; гнет социальных условий вызывает озлобленность...

Трагизм сюжета, как и психологически насыщенная музыка Шостаковича, прекрасно чувствуется актерами. Зрелое вокальное и сценическое мастерство, большой темперамент проявила Маре Йыгева, играя Катерину Измайлову.

Ее партнер, народный артист республики Хендрик Крумм, исполняющий партию Сергея, возлюбленного Катерины, внешне очень выразителен, хотя, возможно, глубина проникновения его в образ еще не вполне достаточна. Мужа Катерины Зиновия играет Ростислав Гурьев; вокальная сторона этой партии удачна, голос певца мягок и гибок, красив по тембру, но драматическая сторона роли Зиновия выражена слабее. В целом же спектакль был интересен.

Совсем иного плана «Дочь полка» Г. Доницетти.

Арне Микк замечательно точно улавливает патриотическое звучание комической оперы с ее чисто итальянским юмором и характерной для романтизма историей счастливой судьбы бедной девушки.

Опера искрится и переливается радостной музыкальной и цветовой гаммой. Обладая сочным, летящим сопрано, народная артистка ЭССР М. Войтес задорно, с большим подъемом исполняет партию маркитанки Марии. Простая и милая героиня остается такой же непосредственной и славной в доме нашедшей ее матери маркизы.

Сцена из «Катерины Измайловой».

Как нельзя более точно вторит всему духу оперы, всему ее жизнерадостному колориту художественное оформление заслуженного деятеля искусств ЭССР Эльдора Рентера.

И еще один, непохожий на предыдущие спектакль: ранняя опера Дж. Верди «Атилла»... А. Микк точно выверил и настроил каждый образ «Атиллы»; каждый герой наделен своей жизнью, прочерченной ярко и убедительно; все увязано в единой художественной гармонии.

Центральную партию Атиллы, короля гуннов, исполняет Мати Пальм. Он создает сложный образ жестокого и властолюбивого полководца, которому все же не чужды человеческие чувства; не чужда ему любовь, вдруг вспыхнувшая в нем к Одабелле, дочери патриция, убитого его воинами. Одабелла повторяет подвиг Юдифи, убивая Атиллу...

Непреклонную воительницу Одабеллу, для которой судьба родины превыше всего, сыграла Сольвейг Рая. В ее героине, думается, есть что-то от амазонки и даже от Жанны д'Арк...

Зрители и слушатели оперы сразу узнают в роли Аэция (римского полководца) народного артиста СССР Тийта Куузика с его обаятельным голосом и прекрасной дикцией. Партию молодого воина Форесто из Аквилей, возлюбленного Одабеллы, исполняет трепетно и светло народный артист республики Хендрик Крумм.

...Вот какие разные, непохожие по стилю и характеру, по значимости, но равно интересные оперные спектакли показал эстонский театр. О балетных спектаклях говорить сложнее. Тем не менее всеобщий интерес вызвала лучшая из показанных работ, «Блудный сын» С. Прокофьева. Она построена как серия пластических эпизодов, рассказывающих о душевных страданиях героя и менее всего о его земных мытарствах и невзгодах... Работы Мурдмаа в первую очередь обращены к духовному миру человека. В ее спектаклях это характерно и для более крупных балетных форм.

М. Мурдмаа создала балет по своему либретто, взяв сказку Гофмана «Золотой горшок». Спектакль по Гофману, «История Ансельма», воспевает творческое, духовное начало личности. Центральную партию Ансельма танцует Евгений Нефф, чутко улавливая замысел балетмейстера. Талантливо воплощен на сцене и образ пэри, золотой змеи Серпентины. Талантливая и хореографически и актерски Лариса Толкачева наделяет этот поэтический образ чистым, возвышенным смыслом.

Своеобразен в гастрольном репертуаре эстонских гостей балет Адана «Жизель». Балетмейстеры-постановщики А. Шелест и Р. Вагабов бережно отнеслись к классическому наследию Ж. Коралли, Ж. Перро, М. Петипа... Изящна и легка Элите Эркине в заглавной роли; актрисе свойственны органическая музыкальность, лиричность, хороший вкус и прекрасная техника. В ее танце покоряют и эмоциональность и внутренний драматизм.

Содержателен, наполнен глубоким смыслом и танец Тиита Хярма (граф Альберт). Москвичи запомнили и полюбили этих исполнителей...

Театр «Эстония», возглавляемый А. Микком, продемонстрировал высокую исполнительскую и музыкальную культуру, показав спектакли не только по произведениям русской и мировой классики, но и сочинения современных эстонских композиторов. Их эмоциональная клавиатура отличалась большой широтой и своеобразием.

ПОСВЯЩЕНО КЛАССИКЕ

Ю. КАЮРОВ,
народный артист РСФСР

«Наше национальное достояние» — так называется передовая статья пятнадцатого номера журнала «Театральная жизнь», посвященная воплощению русской классики на советской сцене. Здесь — коренные проблемы, встающие сегодня при постижении классики, вечного источника гуманистических идей, совершенства и красоты формы.

«Встречи с произведениями великого искусства всегда побуждают задуматься над преемственностью поколений, обостряют чувство ответственности перед историей, перед мировой культурой, перед грядущим. Наверное, в этом и состоит высокий смысл гуманистической культуры и искусства» — эта мысль, высказанная товарищем Л. И. Брежневым, является ключевой для всего номера в целом. Именно с пониманием своей ответственности перед историей и мировой культурой, перед грядущими поколениями выступают на страницах журнала видные мастера театра.

Мне, актеру Малого театра, театра Островского, испокон веку бережно и любовно относящегося к русской классике и имеющего свои богатые традиции ее воплощения, было особенно интересно ознакомиться с размышлениями моих коллег по театру.

«Каждый раз праздник» — так назвал свою статью народный артист СССР Игорь Горбачев, художественный руководитель одного из ведущих театров страны, создатель многих классических образов. Артист делится своими мыслями об истинном и мнимом новаторстве в постижении классического произведения, возражая против вольного обращения с русской классикой. Эта статья перекликается с выступлением народного художника РСФСР А. Васильева, где автор справедливо утверждает, что сценография должна соответствовать духу и стилю драматургического произведения и что уход художника в излишнюю условность часто обедняет спектакль, разрушая его художественную целостность.

Классика как великая школа мастерства, профессионализма — такова тема статьи народной артистки СССР Л. Макаровой... Фестиваль в Костроме, где шли спектакли по пьесам А. Н. Островского, стал важным и ярким событием; о нем подробно рассказывает статья Г. Даниловой.

Довольно редко обращаются театры сегодня к трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов», поэтому особенно острый интерес вызывает каждый опыт сценического прочтения гениального произведения. Статья И. Патрикеевой «По законам драмы шекспировой» посвящена спектаклю Архангельского драматического театра имени М. В. Ломоносова «Борис Годунов».

Под рубрикой «Трибуна критика» выступает с полемической статьей о спектаклях в Театре на Таганке критик О. Корнева...

Разнообразие материалов, как и актуальность проблем, страстно гражданственная, заинтересованная интонация разговора делают номер журнала интересным и значительным. Появление его весьма своевременно. Классика — это не только сохранность бесценного наследства, но и сегодняшняя действительность. Ибо и классика участвует в борьбе за нового человека, за созидание нового мира.

«СНАЧАЛА МЕ

Юрий КОРНИЛОВ

Ему часто приходится быть в пути, и он приучил себя работать где угодно: в отеле, в кафе, в салоне самолета. В московской гостинице «Советская», где поэт остановился в свой нынешний приезд в Москву, он облюбовал для работы крошечный, чуть больше подноса, столик, на котором с трудом размещается всего три-четыре предмета: простой стеклянный кувшин с весело выглядывающей из него чайной розой, портативный магнитофон «Филипс» в черном кожаном футляре да стопка бумаги — верхний лист исписан крупным, округлым, ровным почерком.

— Журнал «Советская литература», выходящий на иностранных языках, попросил написать для него статью о Чехове. С радостью выполняю эту просьбу: ведь Чехов — один из первых в той неповторимой плеяде «великих русских», которые учат подлинному гуманизму...

Мы познакомились с Фаизом Ахмадом Фаизом еще в 1958 году на Ташкентской конференции писателей стран Азии и Африки. С тех пор прошло более двадцати лет — немалый срок! Сегодня Фаиз — крупнейший поэт Пакистана, видный общественный деятель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Время принесло ему настоящую славу — но время и отняло кое-что у того Фаиза, чьи стихи я слушал когда-то в столице Узбекистана. Тяжелее стала походка, резкие складки пролегли на смуглом лице. Поэту под семьдесят, и все же не приметы возраста, а живой, искренний интерес к людям, не дающее душевного покоя чувство тесной причастности ко всему, что происходит в мире, по-прежнему главное в нем. Он широко шагает по комнате — руки сцеплены сзади, кустистые седые брови сдвинуты к переносице, а в глубине темных глаз — искры улыбки.

— Да, вы правы, двадцать лет — большой срок, причем не только в жизни человека, а и в жизни страны. Но сейчас, вновь побывав в СССР, я могу с уверенностью сказать: тот путь, который прошел за эти годы ваш народ, не каждой стране пройти и за столетие! Как выросли, похорошели и Москва, и Ленинград, и другие советские города, как впечатляет гигантский размах ваших новостроек! Дерзкий прорыв в космос, создание на просторах Сибири величайших в мире гидростанций, расцвет науки, литературы, культуры — все это золотой страницей войдет в историю человечества. И все же главное, что больше всего поражает в СССР иностранца, не в этом. Главное — в той неповторимой атмосфере энтузиазма и единства, атмосфере спокойствия, гордости, уверенности в правоте своего дела и в завтрашнем дне, которая, как я теперь понимаю, представляется советскому человеку чем-то само собой разумеющимся, но которая тем не менее не может не восхищать. Крупные современные новостройки можно в конце концов увидеть и на Западе — но где встретишь людей, которые так чувствовали бы себя хозяевами своей страны?

«Сначала меч и борьба, потом уже красота и музыка»,— говорил великий предшественник Фаиза, прославленный индийский поэт-классик Мохаммад Икбал, воспевавший созидательную деятельность человека, призывавший сограждан отбросить религиозные распри и объединиться в борьбе за освобождение родины; теми же словами можно определить и жизненную позицию самого Фаиза. Именно эта позиция много лет назад, когда будущий поэт начинал в Лахоре свой трудовой путь в качестве школьного учителя, привела его в ряды прогрессивного левого профсоюза, который он же вскоре и возглавил. Именно эта позиция в годы второй мировой войны заставила молодого педагога добровольно надеть военную форму: он понимал, что на данном этапе главное — борьба с фашизмом, во имя этой борьбы можно пойти даже на временное сотрудничество с колонизаторами-англичанами; и он окончил войну в чине полковника, удостоенного высоких боевых наград.

Я спрашиваю Фаиза, когда вышел в свет первый сборник его произведений, принесший ему известность как поэту.

— О, вопрос не так поставлен,— улыбается Фаиз.— Ведь поэзия на языке урду, а этот древний певучий язык зародился еще в одиннадцатом веке в пестрой орде, вторгшейся в Индию из Средней Азии, немыслима без живого общения поэта и слушателей, стихи на урду, по традиции, не просто читают вслух, их декламируют особым речитативом, нараспев, почти поют — вот почему вы видите на моем рабочем столике магнитофон. И старт любого верного народным традициям пакистанского поэта начинается не со сборника стихов, не с типографской машины — он начинается с «мушаиры»...

Что такое «мушаира»? Представьте себе жаркий летний вечер в Лахоре, и просторный шатер, установленный среди цветущих деревьев на одной из городских площадей, и сотни людей, тесно, плечом к плечу, сидящих в этом импровизированном зале: студенты, учащиеся колледжей и школ, рабочие в синих спецовках, чиновники в длиннополых черных кафтанах, горцы в широких шароварах, с кинжалами у пояса... Все они пришли сюда, чтобы посмотреть на «мушаиру» — состязание поэтов. Один за другим поднимаются стихотворцы на деревянный помост — они говорят (а многие скорее даже поют) о цветах и звездах, о раненом сердце и прекрасных глазах любимой. Им аплодируют — одним сдержанно, другим горячо. Но вот в дрожащий желтый круг, образуемый светом чуть колеблющихся ламп, вышел Фаиз. Он начал читать стихи — и как затих, затаил дыхание зал! Люди сразу ощутили, поняли: почерк этого поэта резко отличен от других. О нет-нет, это отнюдь не значит, что Фаизу чужды прекрасные традиции восточной поэзии — его стихи глубоко лиричны, и, когда поэт читает свои произведения, впечатление такое, будто он ткет по некоему волшебному полотну яркий, прихотливый, неповторимый по красоте узор. Но вместе с тем звучит в его стихах и протест, и гнев, и острая боль за тех, кто угнетен и несправедливо обижен, и страстный призыв к борьбе. И, слушая его, люди не могут сдержать возгласов одобрения, а многие (вот оно, подлинное признание поэта!) начинают хором скандировать вслед за Фаизом так взволновавшие, сразу полюбившиеся им строки:

Путь верности — короткий,
трудный путь,
Лишь сильным можно по нему
идти.
Избрав дорогу, мужественным
будь —
Ведь виселица ждет в конце
пути...
Благоразумье мне твердит:
«Молчи!»
А сердце мне велит: «Кричи!
Кричи!»
Но как избуду я беду мою?
Как песне прикажу я:
«Замолчи!»
И сердцу как скажу я:
«Не стучи!» —
Когда я о тебе, отчизна, думаю...

В 1947 году, после того как британский колониальный режим в Индии рухнул, было провозглашено создание независимого государства Пакистан — но многомиллиардный британский капитал еще прочно гнездился на пакистанской земле, а одновременно к новому государству потянулись хищные и алчные щупальца и могущественных монополий американских. При поддержке извне в Пакистане крепли реакционные силы, они встречали в штыки любую попытку осуществить в стране прогрессивные преобразования и реформы, все более жестоким репрессиям подвергались коммунистическая партия, демократические общественные организации, профсоюзы. На этом фоне «бунтарские» выступления поэта воспринимались в правящих кругах как «подрыв основ», дерзкий вызов «сильным мира сего», и чем большую популярность приобретали пламенные стихи Фаиза, тем теснее сжималось вокруг него враждебное кольцо. Он это видел, понимал — и когда ночью в его дом ворвалась полиция, он встретил ее спокойной, презрительной улыбкой. Реакция знала, как нанести поэту особенно тяжкий, болезненный удар: его, обвиненного в «участии в антиправительственном заговоре», не просто заключили в одну из самых мрачных тюрем страны — тюрьму «Монтгомери», его бросили в камеру-одиночку, в тесный и душный каменный мешок, и начальник тюрьмы, жирный, обрюзгший, обтянутый американским «хаки», сказал «заключенному № 1086»:

— Читать, писать, петь запрещено. Если обнаружу лист бумаги — карцер!

Словно и не было той, иной, свободной жизни с ее бурным

«...Ч И БОРЬБА...»

круговоротом всегда неотложных дел, с ее заботами, встречами, жаркими спорами в кругу верных единомышленников и друзей, с ее многолюдными поэтическими состязаниями «мушаиры», которые он, Фаиз, так любил! Здесь, в тюрьме «Монтгомери», все иначе: ночь, тишина, тюремный колокол глухо отбивает время. Вот зазвенели в руках тюремщиков невидимые связки ключей, слышен мерный стук сапог — то сменяется стража, железные ворота во дворе лязгнули, как челюсти, дожевавшие последний кусок звездного неба,— значит, еще один день прошел! Один тюремный день из 1700, которые ему предстоят... Сознание того, что неволя будет длиться и завтра, и через неделю, и через год, может породить у иных заключенных чувство отчаяния, безысходности — у иных, но не у него, Фаиза, которого народ назвал своим народным поэтом! И вот друзья переправляют охваченной тревогой и печалью жене Фаиза, Элис, его письмо: «Нельзя позволить себе устать в неравном бою; хорошо уставать, когда все в порядке. Тебе мои мысли могут показаться нелепым парадоксом, но это факт: мало просто драться, драться надо с задором и не жалея себя — очень важно уметь это, иначе борьба будет тяжелой и меньше надежды победить». А некоторое время спустя становится известным, что рабочие Лахора, студенты тайно переписывают от руки, размножают на гектографах и передают друг другу новые строфы Фаиза, рожденные в тюрьме «Монтгомери» и какими-то тайными, чудесными путями переправленные на волю:

Отобрали перо — все равно
я пою,
не замкнуть мой источник
сил!
В сердце, в горячую кровь свою
пальцы я погрузил.
Молчать не стану я все равно,
и пусть на устах печать —
Каждое цепи моей звено
заставлю я песней звучать!

— В те тяжелые, трудные годы я особенно остро, всем сердцем ощутил, как прекрасна моя родина, страна, от которой меня отделяют высокие каменные стены и тюремная решетка,— вспоминает Фаиз.— В камере-одиночке родилось много лирических произведений, вошедших впоследствии в сборник «Тюремные стихи». Я декламировал их вполголоса, чтобы не услышали надзиратели, и так же как музыка всегда вызывает отклик человеческого сердца, так и мои лирические напевы порождали у меня самого целую цепь ассоциаций. Я декламировал стихи о родине — и словно исчезали, проваливались в небытие и грязно-коричневые тюремные стены, и уродливая тюремная одежда, и вся эта гнусная дрянь, что окружает арестанта. Иные картины вставали перед глазами: бескрайнее, не перечеркнутое решеткой бирюзовое небо над полноводным Индом, и продутые ветрами холмы Кашмира, и восьмигранные минареты знаменитой лахорской мечети Везир-хана, и молнии, сверкающие над манговыми рощами. Я видел стариков, булькающих трубками под развесистым деревом в центре деревни, деревенских горшечников, которые, щурясь от дыма, закладывают кизяк в печи для обжига посуды, ремесленника, украшающего затейливыми зелеными и золотыми орнаментами красные пиалы, слышал дробный стук молоточков чеканщиков на городском базаре, глухие удары дождевых капель по листьям миндальных деревьев и бормотание далекого ручья... Я видел и слышал родину — и никакие тюремщики не могли отнять у меня этого счастья!..

Прошли годы. Сегодня сборники стихов Фаиза Ахмада Фаиза многотысячными тиражами издаются не только на его родине — в Пакистане, но и в СССР и Франции, в Венгрии и Чехословакии, во Вьетнаме и Японии, во многих других странах мира. Общепризнано, что Фаиз — один из крупнейших современных поэтов Азии, его творчеству посвящено немало книг, сотни статей. Отмечая высокую гражданственность, революционность, новаторство его поэзии, критики подчеркивают вместе с тем, что весь творческий путь Фаиза неразрывно связан с его широкой и многогранной общественной деятельностью. И это действительно так. Фаиз — один из организаторов и руководителей движения сторонников мира в Пакистане, первый президент общества «Пакистан — СССР», активный участник многих крупных и авторитетных международных форумов, созываемых Всемирным Советом Мира, Ассоциацией писателей стран Азии и Африки. Состоявшаяся летом 1979 года в столице Анголы — Луанде VI конференция писателей стран Азии и Африки единогласно избрала его главным редактором международного литературного журнала «Лотос».

«Ленинград. Пискаревское кладбище», «Вьетнам», «Синайская долина», «Приди, моя Африка!», «Студентам, отдавшим жизнь в борьбе за мир и свободу» — сами названия его стихов убедительно свидетельствуют о том, какой широкий круг крупных общественно-политических проблем волнует поэта.

— Когда приходится много путешествовать, невольно сравниваешь, сопоставляешь виденное. Мне не раз доводилось бывать в США, недавно я провел в этой стране два месяца — выступал с лекциями о пакистанской литературе. Какие разительные перемены произошли за несколько лет там, за океаном! Куда подевалась самодовольная, раздувшаяся от богатства и сознания собственной мощи Америка, которую я знал в прежние времена! Теперь, после Вьетнама, Уотергейта, после жестоких потрясений, пережитых и переживаемых американской экономикой, огромные массы американцев испытывают подлинный духовный кризис, они оглушены, растеряны, встревожены: а каково же будущее их страны, что каждого из них ждет завтра? Столпы веры, годами насаждавшиеся империалистической пропагандой, вдруг рухнули, как карточные домики, и Америка лихорадочно мечется из стороны в сторону в поисках выхода из духовного тупика, еще сохраняя, впрочем, своего главного кумира — доллар... Как разительно отличается все это от той атмосферы, которая царит на советской земле!.. Хотите послушать мои стихи о русской революции?

Он повернул рычажок магнитофона, и комнату наполнил сильный, глубокий голос Фариды Ханум, замечательной пакистанской актрисы, получившей широкую известность своим исполнением стихов Фаиза:

От горизонта до горизонта
ночь металась подстреленной
птицей,
но вдруг сверкнула заря,
и рванина мрака
свалилась с глаз,
и вспыхнуло сердце.
Сегодня рабские кандалы
перелиты в бубенцы для
уходящих караванов.
Обрывки цепей,
как мечи на солнце,
сверкают на руках, вскинутых
к небу.

«Вулкан его песен изверглся палящим огнем»,— пишет Фаиз о творчестве своего любимого Икбала. Эти слова в полной мере можно отнести и к прекрасному, глубоко лиричному, подлинно народному и столь же глубоко революционному творчеству самого Фаиза. «Воспряньте, друзья, коронам грозя: рассвет занялся вдали!» — зовет он в своем «Гимне». Его высший идеал — мир и свобода для всех, и можно было бы еще многое рассказать о том, какое богатое, глубоко гуманное содержание вкладывает он в эту короткую, но такую емкую формулу, однако предоставим лучше слово самому поэту — ведь он сам так ярко и образно сказал об этом, выступая с речью в Москве, в Кремле, в тот знаменательный в его жизни день, когда ему торжественно вручалась международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами»:

— Я уверен, что разум восторжествует, несмотря на все трудности и препятствия. Человечество никогда не проигрывало борьбу за справедливость, оно победит и сейчас. Тогда наконец войны, ненависть и подозрительность исчезнут, и мы сможем построить новую жизнь. Прав был персидский поэт Хафиз:

Все, что видим мы вокруг,
на тлен обречено.
Только дружбе и любви быть
вечными дано.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ОЧАГУ

«Последний взмах — прибил дверную ручку,— пишет в одном из своих программных стихотворений Михаил Тимофеев.— Входите все. Я свой построил дом».

Воспользуемся же приглашением известного якутского поэта, войдем под гостеприимные своды его нового поэтического сборника «Тень сосны», изданного «Советским писателем». Яркий, привлекающий разнообразием красок мир современной Якутии открывается нашему взору:

Желтые листья летят над водой.
Солнцем наполнены дали.
Вышли косули на водопой.
Как изваяния, встали.

Мы воочию наблюдаем, как плещется селезень «в камышах, лапками тростинки раздвигая», как «длиннобородые лоси» бредут в «таежной, непролазной чаще», слышим, как поют деревья, «снежинки стряхивая с крон»...

Как для русского сердца мила Волга, так для якута дорога река Лена. Мощь реки-труженицы, реки-кормилицы поэт сопоставляет со всесокрушающим потоком революционных преобразований, вспоминая то время, когда старый мир «разбивался на куски, шел на дно»... Естественно, рядом с мятежным якутским бунтарем Василием Манчары в воображении поэта возникают образы русских ссыльных, Чернышевского, который «твердо знал — уже недолог час освобожденья...». Верхоянские хребты и строительство Вилюйской ГЭС, охота и рыбная ловля, трасса БАМа, идущая «напролом через тайгу, трубя, как лось»,— все находит отражение в творчестве поэта. Тематика стихов Тимофеева широка и разнообразна. Тут же и воспоминания детской поры, приходящейся на военное лихолетье: «Ох и солона ты была, военная похлебка!» Недаром поэт в стихотворении «У огня очага» заявляет: «Я в детстве познал, где добро и где зло».

Рядом с пейзажной лирикой соседствуют философские раздумья поэта о жизни вообще и собственной в частности: «Жизнь свою я листаю, как книгу...»

Как лосось,
пробираюсь к истокам
по порожистой горной реке,—

говорит он в другом месте. «Через годы, через труд и быт протянулась трепетная лента» его биографии. «Мир входил в мои глаза и уши. Цветом. Звуком. Радостью живой»,— подчеркивает он, размышляя о предназначении поэта. «Пытаюсь постичь я душу растения и тяжкие думы заснеженных гор...» И в лучших стихах сборника это ему удается.

Все лучшее
я от людей беру взаймы,
беру,
чтоб возвратить его стократно.

Анатолий Горюшкин тонко перевел самобытные стихи певца сурового и прекрасного края на русский язык.

Иван ИСАЕВ

Михаил Тимофеев. Тень сосны. СТИХИ. Авторизованный перевод с якутского Анатолия Горюшкина. М., «Советский писатель». 1979. 104 стр.

— Хорошо, что бабушка дала мне клубочек...

Первый раз в первый класс.

Первый звонок.

— Как там дела у моего внучка!

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

АФОРИЗМЫ И ШУТКИ

Владимир ХОЧИНСКИЙ

Под восклицательным знаком надо уметь вовремя поставить точку.

Протекция со Знаком качества.

Гении шагают впереди, не потому ли слава приходит к ним с опозданием?

Вышел в люди с черного хода.

Недостатки обычно украшают того, кого не могут украсить достоинства.

Лавровый венок из фиговых листьев.

Туз. И это его единственный козырь.

Мгновение любви кажется вечностью, вечная любовь — мгновением.

У каждой книги жизни свой переплет.

Острый угол зрения шире тупого.

Знал не много, но многих...

Комиссия принимала пьесу по антам.

Лес рубят — пни остаются.

Стихи для детей

Екатерина АЛЕКСАНДРОВА

Я РИСУЮ

Я рисую небо,
Солнца красный диск.
Это — белый аист,
Это — планерист!

Я рисую поле
И табун коней.
Это — мой Савраска,
Это — я, жокей!

Я рисую горы,
Белый снег пушист.
Это — горный козлик,
Это — альпинист!

Я рисую море,
Пенистый прибой.
Это — водный лыжник,
Это — папа мой!

Магомед ГАЗИЕВ

РОСА

Утром я росинки
Собирал в лесу.
Солнышко украло
У меня росу.

Тихий и печальный,
Я пришел домой:
Где мои росинки?
Нету ни одной!

Завтра до восхода
Похожу в лесу
И домой росинки
Быстро принесу.

Я их спрячу в бабушкин
Старый сундучок,
А потом закрою
Крышку на крючок.

Всю росу от солнышка
Завтра я спасу.
Пусть оно попробует
Отыскать росу!

ВЕТЕР

Ночью листья
С деревьев слетели,

Я РИСУЮ НЕБО

ЗА ЧТО СОБАКАМ ДАЛИ ДИПЛОМЫ И МЕДАЛИ

Медаль пограничной ОВЧАРКЕ
дана
За то, что шпиона поймала она,
БОРЗОЙ — за охоту в лесу
на зверей,
А ЛАЙКЕ — за то, что возила
людей.
Почетный диплом получил
ВОДОЛАЗ —
Он в море тонувшего мальчика
спас.

Жюри СЕН-БЕРНАРА значком
наградило
За то, что замерзших в горах
находил,
ТЕРЬЕРА — за ловлю прожорливых
крыс,
А ШПИЦА — за то, что хороший
артист.
Отважному ДОГУ вручили жетон
За то, что детей из огня вынес он.

Собаки у нас на постах трудовых:
Стада охраняют и водят слепых.
Они помогали бойцам на войне,
Делили невзгоды с людьми
наравне.
За верную службу их любят
не зря —
Собаки — помощники, наши
друзья.

СОВА

В небе месяц серебрится.
Спят в кустах тетерева.
Над поляной кружит птица —
Остроклювая сова.

У совы глаза, как плошки,
В темноте горят огнем,
Ночью видит, словно кошка,
Но совсем не видит днем.

ТЮЛЕНЬ

Спит на льдине целый день
Толстый маленький тюлень.
У ленивого растяпы
Превратились в ласты лапы.

ВОЛКИ

Вышли волки на охоту.
Бродят стаей по болоту.
Между прочим, говорят,
Волки ягоды едят.

ЛИСЯТА

Под кустом играют в прятки
Шаловливые лисятки,
А лиса для малышей
Ловит в зарослях мышей.

МИШКА

Замело пути-дороги
Белым снегом за селом.
Мишка сладко спит в берлоге,
Там, где частый бурелом.

В небе звездочка искрится,
В колокольчик полночь бьет.
Мишке бочка меда снится
Снова в ночь под Новый год.

ЗАЯЦ

Мчится заяц от лисы.
Хвост дрожит, дрожат усы.
Встали сосны на пути.
От погони не уйти!
Нет спасения в бору!
Прыгнул к ежику в нору...

БАРСУЧАТА

Под березой, на пригорке,
Барсучата роют норки.
Им показывает мать,
Как они должны копать.

ЕЖ

Гонит осень в небе тучки,
Пляшут листья во дворе.
Гриб, надетый на колючки,
Тащит еж к своей норе.

БЕЛКА

Белка сушит сыроежки,
Лапкой с ветки рвет орешки.
Все запасы в кладовой
Пригодятся ей зимой.

ВЫДРА

Учит выдра-мать выдрят,
Как ловить в реке щурят.
Чтоб нырять за рыбкой ловко,
Малышам нужна сноровка.

ВЕРХОМ НА ОБЛАКЕ

Словно кто-то
Их начал трясти.
Утром ветер
Поднялся с постели
И решил чистоту
Навести.

Он с метлою ходил,
Напевая,
Тихо, тихо:
Ведь улица спит!
И ушел.
Но теперь мостовая,
Словно мамино блюдо, блестит!

МОЙ КОТ ВЕРНУЛСЯ ИЗ ГОСТЕЙ

Мой кот вернулся
Из гостей:
Принес он кучу новостей,
И новых сказок
Целый воз
Домой он вечером принес.

Мы их сложили
В сундучок,
Закрыли крышку на крючок.
Часы пробили:
«Спать пора».
И мы уснули до утра.

Мы утром взяли сундучок,
Вдвоем откинули
Крючок,
А сундучок
Совсем пустой,
В нем нету сказки ни одной.

Наверно, их взяла луна:
Она стояла
У окна,
Потом решила
Сказки взять,
Чтоб ночью звездам рассказать.

ЗВЕЗДЫ

Поскорей скажи мне, папа,
Отчего мигают звезды?
Может быть, они все время
От кого-то ждут ответ?

Ты скажи мне, звезды плачут?
Знают, что такое слезы?
Если падают на землю,
Звездам больно или нет?

Поскорей скажи мне, папа,
Все ли звездочки на месте?
И скажи мне, звезды могут
Разговаривать со мной?

Могут весело смеяться?
Петь они умеют песни?
Если звезды ходят в гости,
Позови их к нам домой!

ВЕРХОМ НА ОБЛАКЕ

Видишь, папа,
В небе облака!
К нам они плывут
Издалека.
Днем и ночью
По небу кочуют.
Пусть они у нас переночуют!

Завтра утром
Я их разбужу.
Быстро от крылечка отвяжу,
Сяду сверху,
Хлопну по плечу,
Поднимусь
И в город полечу!

Над горами, лесом
И над речкой
Я тихонько буду пролетать
И твоей серебряной
Уздечкой
Смело облаками
Управлять!

Я — ВЕЛИКАН

Стою на крыше
Нашей сакли.
— Слезай! —
Внизу кричит Осман.
Боится он,
А я — ни капли!
Я — великан!
Я — великан!

Купаю руки
В небе синем,
На кручах трогаю
Туман.
Смотрите все,
Какой я сильный!
Я — великан!
Я — великан!

Хочу —
Рукой достану звезды
И перепрыгну
Океан.
Меня не свалит
Ветер грозный.
Я — великан!
Я — великан!

Скажите, взрослые и дети,
Скажите, люди
Разных стран,
Что нужно сделать
На планете?
Я — великан!
Я — великан!

Перевела с аварского
А. АХУНДОВА

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ МУХАМЕДА АЛИ

Кассиуса Клея из города Луизвиля (США) никто не знал до римской Олимпиады. Этот восемнадцатилетний красавец боксер уложил на ринге Рима всех своих соперников и стал олимпийским чемпионом.

Мировая пресса сулила Кассиусу Клею большое будущее. Он вернулся в США с золотой медалью олимпийца. Ему было приятно, что люди на улицах Луизвиля оборачивались и показывали на своего любимца. Кассиусу Клею лестно было, что он получал массу писем с благодарностями от американских граждан. Лестно было видеть во всех газетах свою фотографию.

Бизнесмены от спорта сразу начали предлагать ему большие деньги, чтобы он стал профессиональным боксером. Спортивные повадки парня, сила и красота боя Кассиуса убеждали спортивных воротил, что он может принести им большие доходы. Но Клей решил побеждать профессиональных чемпионов, оставаясь любителем. В родном городе его окружали друзья и товарищи. Он был счастлив. Однажды герой Америки, герой римской Олимпиады со своими друзьями пришел в ресторан, но в дверях его остановил верзила-швейцар и надменно указал на объявление: «Вход черным воспрещен».

Кровь ударила в голову молодому боксеру. Он рванулся к швейцару, но друзья вовремя остановили Кассиуса и увели его.

Кассиус со своими товарищами долго ходил по ночным улицам Луизвиля. Товарищи пытались отвлечь его, рассказывали ему всякие смешные истории, но Кассиус молчал. Когда они шли по мосту через реку Ойо, разделяющую город пополам, Кассиус вдруг остановился и как-то необычайно серьезно сказал: «Я принес победу Америке. Всему моему народу принес победу. Если в моей стране надо мной издеваются, то и эта медаль мне не нужна»,—и выбросил золотую медаль в реку.

Буквально на следующий день Кассиус Клей согласился стать профессиональным боксером. Он начал бои на разных рингах Америки и раз за разом добивался победы. Его слава профессионального боксера росла не по дням, а по часам. Никто не мог вырвать у него звание чемпиона мира.

Но вот он получает повестку, чтобы отправиться воевать в карательной армии США во Вьетнам.

«Нет, я не буду убивать вьетнамцев»,— сказал Кассиус. И порвал повестку.

Ни один боксер мира не мог лишить Кассиуса Клея звания чемпиона. Этого звания лишили его боксерские заправилы Америки.

Лишить звания — это было в их власти, но лишить человеческой совести Кассиуса Клея никто не мог. Он отказался быть Кассиусом Клеем и стал Мухамедом Али.

Честного гражданина Америки Мухамеда Али, отказавшегося убивать вьетнамцев, узнал весь мир, и его примеру последовали тысячи американских парней, не пожелавших принимать участие в грязной войне США против свободолюбивого Вьетнама.

Историю Мухамеда Али, борца за мир, знают все.

Мухамед Али вновь стал чемпионом, выступал на рингах и побеждал.

Его узнали как общественного деятеля, как борца против расовой дискриминации не только в Америке, но и во всем мире. И вот через многие годы итальянский национальный Олимпийский комитет решил вернуть золотую медаль Мухамеду Али.

Инициаторами этого решения выступили известные общественные деятели Италии: кинорежиссер Ромуло Марчиллини и председатель спортивного киноцентра Италии Бруно Бенек.

Председатель комитета Франко Карраро поддержал эту инициативу, и в США к Мухамеду Али командировали специального представителя, известного спортивного комментатора итальянского телевидения Джанни Мина.

И вот в Рим прибыл Мухамед Али. В торжественной обстановке Франко Карраро передал Мухамеду Али специально для него отлитую золотую медаль героя римской Олимпиады, и, взяв ее в руки, Мухамед Али сказал: «Я бесконечно благодарен итальянскому национальному Олимпийскому комитету за то, что вспомнили меня!» И добавил: «Олимпийские медали бывают из позолоченного серебра. Неужели эта медаль действительно из чистого золота?» Ему ответили, что медаль из золота. И Мухамед Али, поцеловав медаль и улыбнувшись, шутя проверил ее на зуб.

Присутствовавшие на торжестве фотокорреспонденты запечатлели этот момент.

Мухамед Али поблагодарил итальянских друзей за оказанную ему честь и сказал, что медаль эта принадлежит не только ему лично, а всему американскому народу, всей прогрессивной Америке, его родине, которую он беспредельно любит.

Ромуло Марчиллини спросил Мухамеда Али:

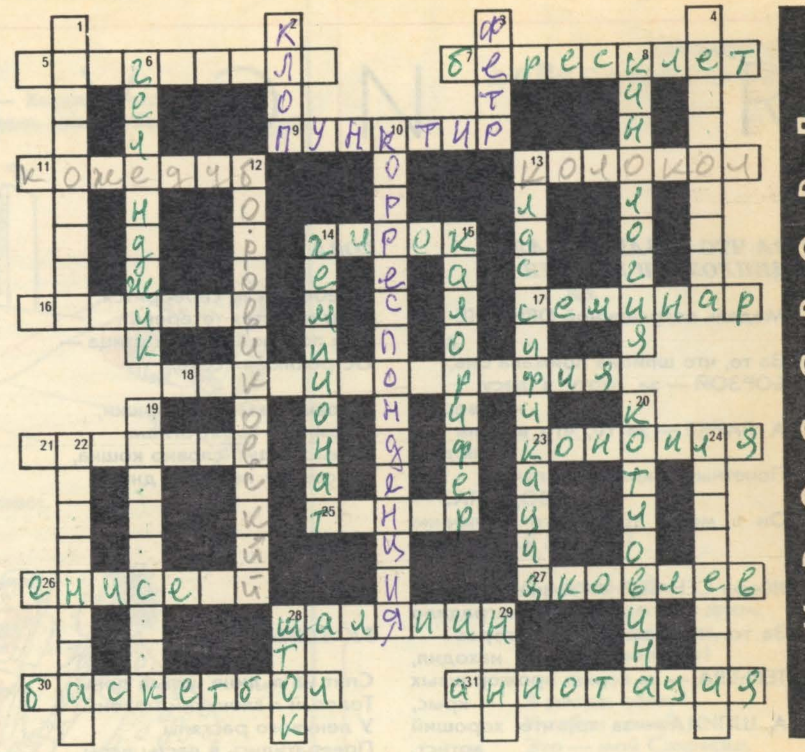
— Где вы свободнее чувствуете себя — на ринге, во время боя, или как представитель негритянского народа в США?

— На ринге — я хозяин положения,— серьезно ответил Мухамед Али.

Георгий МДИВАНИ

Рим.

По горизонтали: 5. Отрезок прямой, соединяющий две несмежные вершины многоугольника. 7. Декоративный кустарник. 9. Прерывистая линия. 11. Летчик, трижды Герой Советского Союза. 13. Газета, издававшаяся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. 14. Дикая утка. 16. Советский азербайджанский писатель. 17. Групповые учебно-теоретические занятия. 18. Раздел лингвистики. 21. Советский физик. 23. Растение, из стеблей которого изготовляют пеньку. 25. Духовой музыкальный инструмент. 26. Река в Красноярском крае. 27. Советский авиаконструктор. 28. Русский певец, бас. 30. Спортивная игра. 31. Сжатая характеристика книги, статьи.

По вертикали: 1. Игра в ответы на вопросы. 2. Комедия В. В. Маяковского. 3. Тонкий плотный войлок. 4. Отрасль геологии. 6. Курорт в Краснодарском крае. 8. Наука о собаках. 10. Жанр публицистики. 12. Русский живописец-портретист. 13. Система распределения однородных предметов, понятий по их признакам. 14. Одна из форм спортивных соревнований. 15. Прибор для нагревания воздуха. 19. Пристань на Енисее. 20. Впадина в земной поверхности с отлогими краями. 22. Инструмент для фотографирования небесных светил. 24. Балет А. Крейна. 28. Цилиндрический стержень. 29. Музыкальный интервал.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 35

По горизонтали: 5. Микроскоп. 7. Маргарита. 8. Гидрография. 11. Ядро. 14. Слон. 15. Магдебург. 16. Ветлуга. 17. Ткачиха. 18. Секвойя. 19. Афоризм. 23. Сервантес. 24. Пирс. 25. Юкка. 28. «Современник». 29. Числитель. 30. Вахтангов.

По вертикали: 1. Тимирязев. 2. Эскиз. 3. Углич. 4. Степанова. 6. «Проводы». 7. Маримба. 9. Архитектура. 10. Альпинистка. 12. «Тангейзер». 13. Прокофьев. 18. Стипендия. 20. «Мизантроп». 21. Свирель. 22. Андреев. 26. Почта. 27. Шихта.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Семейное звено Героя Социалистического Труда Федора Николаевича Жеренова из совхоза имени С. М. Цвиллинга, Оренбургской области. Слева направо: Василий и Федор Жереновы, Захар Пурдышев и Петр Жеренов — комбайнеры, одни из первых обладателей Звездного вымпела имени Ю. А. Гагарина, учрежденного летчиками-космонавтами СССР.
См. в номере материал «Звездный вымпел»).

Фото Г. Розова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ВКЛАДКИ: После работы на рисовом поле. * Ханой. У озера Возвращенного меча. * Провинция Лангшон. * Стражи здоровья. * Занятия по военной подготовке. * В детском саду.
(См. в номере материал «Нгуен строит дом».)

Фото Л. Якутина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

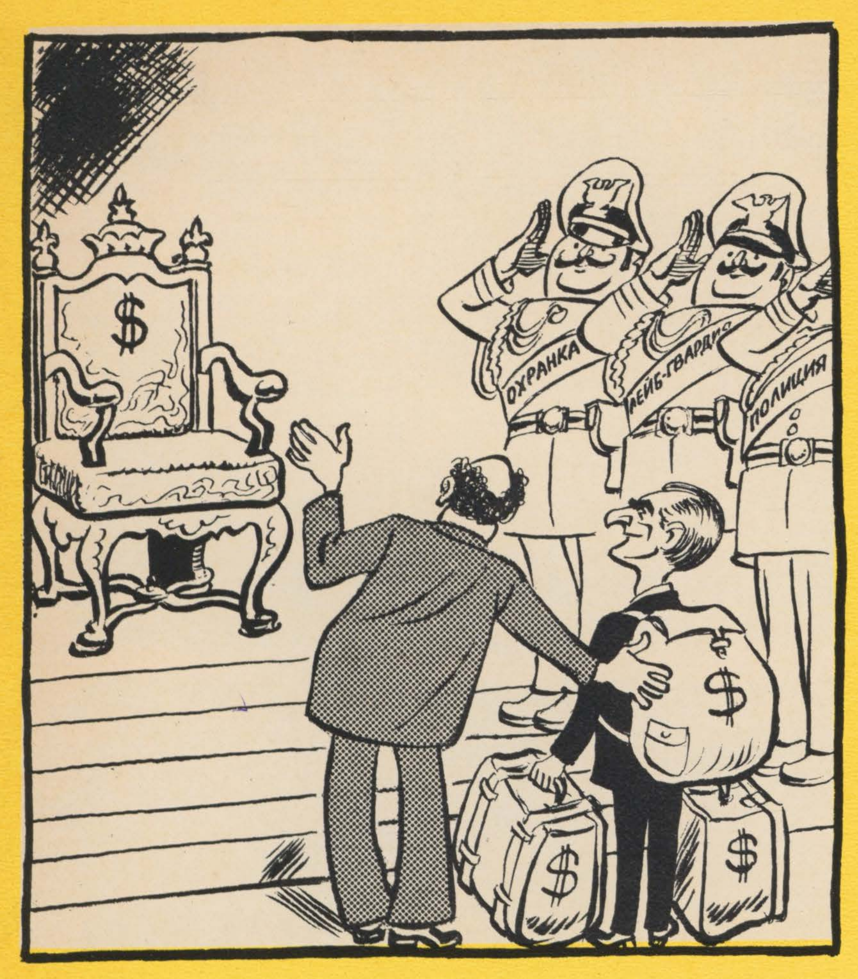
Адрес редакции: 101456. Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 13.08.79. Подписано к печати 28.08.79. А 00704.
Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 1787. Заказ № 1021.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Чтоб шах чувствовал себя в Египте, как дома...

«Спасатели беженцев» у берегов Индокитая.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунки народного художника СССР
Бор. ЕФИМОВА

Преграда со щелями.

Долларовые трюки на арене «свободного мира».

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

